

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2002**

**ИЯР
5762**

№ 5 (121)

ТО, ЧТО НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Ни один из еврейских праздников в году не празднуют дважды, только Пейсах. Это произошло спустя год после Исхода из Египта: накануне Пейсаха к Моше пришла группа евреев, которые не могли смириться с тем, что из-за ритуальной нечистоты в столь значительный для каждого еврея праздник они не могут принести соответствующие жертвы всесожжения.

Моше были понятны их чувства. Он обратился за ответом к Б-гу.

И Б-г сказал: «Всякий, кто будет нечист, ибо прикоснулся к мертвому или в дальнем пути, из вас или из потомков ваших во всех поколениях их, и намерен принести пасхальную жертву Б-гу, во второй месяц четырнадцатого дня, в сумерки пусть принесут ее, с опресноками и горькой зеленью пусть едят ее...». С той поры, спустя ровно месяц после праздника Пейсах, который связан с Исходом из Египта в Нисане, в месяце Ияр стали отмечать Пейсах шейни, Второй Пейсах.

Какой урок мы извлекаем из этого ответа Б-га Моше? Это важнейший урок для всей человеческой жизни – каждый должен знать, что он никогда не бывает «потерян» для чего-либо и никогда не поздно что-либо исправить или сделать не сделанное по какой-то причине до сих пор. Таким образом, полностью перечеркивается расхожее мнение, сформулированное в словах «поезд ушел». Исполняя заповеди, мы можем подняться даже над временем. Нельзя говорить: «Я не учил Тору, не знаю своих традиций, потому что жил в Советском Союзе, где не было еврейских школ. А теперь я уже слишком старый, чтобы учиться...» – это не так. Пока мы живы, в наших силах очень многое изменить, этому нас учит Пейсах шейни. Каждому, кто жаждет что-то изменить, дается дополнительный шанс приобрести желаемое или наверстать упущенное. Б-г смотрит в сердце человека. Если Он видит в этом сердце сильное желание, человек получает шанс.

В наше время есть такой обычай: в Пейсах шейни, 14 Ияра (в этом году это 26 апреля), мы должны хоть немного поесть мацы. На этот раз не надо очищать дом от квасного, на столе – и маца, и хомец. Какая идея в том, что в этот день едят и мацу, и хомец?

Как известно, мацу делают из самого простого теста – только мука и вода, которые не успели скваситься, не было процесса брожения, как при приготовлении хомца, который олицетворяет гордыню, поэтому маца олицетворяет скромность. Человек иногда может чувствовать себя очень значительным, важным, порой даже пупом земли, а бывает, он испытывает совсем противоположные чувства, вплоть до крайней закомплексованности, неверия в себя и свои силы. Но оба этих чувства могут быть позитивны.

Мы знаем, что гордыня – вызов Б-гу, и человек всегда должен помнить: всем лучшим, что у него есть, он обязан Творцу, без Его воли никакие труды не увенчались

бы успехом. Когда человек признает, что каждое его достижение, успех зависят от Б-га – это та скромность, какая и должна быть.

Но вот, с одной стороны, мы говорим, что для человека ничто не бывает потеряно. И в то же время речь идет о маце и хомеце, которые мы едим в Пейсах шейни, и качествах, которые они олицетворяют. Как это связано? Мы знаем, что с Пейсаха до праздника Швуэс идет подготовка к получению Торы, и в это время принято читать «Пиркей Овойс». Поучения наших мудрецов помогают многое осознать в себе и в мире и приобрести те необходимые качества, которые делают нас достойными получения Торы. Кстати, в процессе подготовки к Швуэсу человек особенно проникается сознанием, что Тора – от Б-га, и скромность в процессе учебы – необходимое условие, иначе человек не научится ничему.

В «Пиркей Овойс» есть такая мишна: «Если не я для себя, то кто для меня, а если я только для себя, что я». Что это значит? Есть очень интересное объяснение этих слов. Здесь речь идет как раз о тех двух качествах, которые благодаря Пейсаху Шейни становятся совместимыми и позитивными. Б-г создал человека таким, что в нем есть и гордость, и скромность, вопрос только, в какой пропорции находятся эти качества. Например, известно, что Моше был самым скромным из людей, и в то же время он совершил величайшие дела, сознавая значимость доверенной ему миссии.

Мишна из «Пиркей Овойс» трактуется так: если человек делает что-то не для себя, не ради своих эгоистических интересов, а чтобы помогать другим людям, поступаясь своим эго, то чувство уверенности, гордости (в позитивном смысле) помогает ему совершить очень многое, придает сил «свернуть горы». Здесь важно, что им движет сознание не собственной значимости, а значительности дела. Тогда, решая задачи общего дела, он способен противостоять всякому, кто пытается встать у него на пути. Но если, говорит мишна, «я только для себя, кто я?». Когда человек, занимаясь общим делом, начинает преследовать личные интересы, наращивать амбиции, в нем поднимается гордыня, и тогда он оказывается на пороге самых больших ошибок.

Еврейскому народу эти истины должны быть особенно понятны, поскольку весь его исторический путь – это путь больших чудес, совершить которые не способен ни отдельный человек, ни даже народ. Никогда мы не должны забывать, что человек – только инструмент в руках Б-га.

Все видят, как за последнее время в стране изменилось отношение к еврейскому народу, отношение не на словах, а на деле. Мы видим это новое отношение президента страны Владимира Путина, правительственных лиц и губернаторов на местах, российской интеллигенции и народа в целом. Отношение к евреям изменилось значительно. Но если кто-то из нас будет думать, что в этом его личная заслуга, это будет глубоким заблуждением. Перемены настолько чудесны, что всякий разумный понимает: это дал Б-г. Если сравнить возможности, какие были у нас 15 лет назад, с тем, что есть сейчас, это становится очевидным.

Недавно я был в Америке и разговаривал с людьми, давно эмигрировавшими из России. Они не верят своим ушам: происходящее сегодня в России им кажется чудесным сном. Ведь все хорошо помнят и государственный антисемитизм, и чиновничий, и бытовой на каждом шагу. Теперь ситуация, без сомнения, другая – и это огромное чудо. Как никогда, легко решается проблема выезда из страны. И если человек хочет быть евреем, соблюдать традиции своего народа, учиться Торе – у него для этого есть всё нужное. Но о чем напоминают нам дни подготовки к Швуэсу? Что выход из

Египта был совершен для того, чтобы служить Б-гу на горе Синай, а не для того, чтоб человек остался один на один со своей свободой и делал что угодно.

Много лет назад евреи старались уехать из Советского Союза, потому что хотели оставаться евреями, не подвергаясь за это преследованиям и арестам. Их желание вести еврейский образ жизни было сильно, как жажда. Сегодня у нас есть всё, чтобы быть евреями, жить в русле еврейской традиции, и если люди не будут этого делать, значит, в обществе вполне может сложиться мнение, будто святой аргумент использовался евреями в корыстных целях...

Все мы жаждали таких возможностей, какие имеем сегодня. Понятно, что когда у человека чего-то нет, он хочет этого с огромной силой, и совсем другое, когда желаемое уже есть: тогда он думает, нужно ли это ему такой ценой? И здесь очень важно сказанное царем Давидом в Теилим (63): «Всемогущий, Ты – Б-г мой, Тебя ищу я, жаждет Тебя душа моя. Томится по Тебе плоть моя, словно в земле пустынной, иссохшей и безводной». И дальше: «Так, в Святилище да увижу я Тебя, страстно желая видеть мощь Твою». Давид молит о том, чтобы, даже когда будет утолена жажда и он окажется не в пустыне, а в Святилище, не дай Б-г, чтобы прежнее мощное чувство сменилось успокоенностью. Если желание приближаться к Б-гу искреннее и человек не мнит себя хоть в чем-то не зависимым от Творца, тогда какая разница, где он находится – в пустыне или в Святилище: его жажда не иссякнет. Он должен желать и стремиться получить еще больше.

На недавних встречах с Владимиром Путиным мы глубоко затрагивали темы морали. Эта тема важна не только для евреев – для любого народа. Для нас основа морали – заповеди Торы, для неевреев – 7 заповедей сыновей Ноя, которые перекликаются с 10 заповедями, полученными евреями на горе Синай: верь в Б-га, не убивай, не кради, уважай родителей... – все это универсальные основы жизни общества. Президент убежден, что вне этого у людей не может быть полноценной жизни, в противном случае человечество будет ввергнуто в хаос. Тот вакуум, который остался после падения коммунистического режима, должны заполнить настоящие ценности. Сегодня не нужно искусственно искать врагов, нет режима, против которого надо было бы бороться, поэтому высвободившиеся силы надо использовать для того, чтобы больше учиться, больше знать, как можно больше творить добрых дел и тем самым приближаться к Б-гу, увеличивая потенциал любви в душе – самой мощной движущей силы. Это никогда не бывает поздно, и никто для этого не бывает потерян.

Áěàáí úé ðàààéí Ðíííè Ááðë Éàçàð

Аōāāāē Ī īēñ

Дом первосвященника

*Ī īēñīāāy ā āēāāāi Аōāāāē ñēōēāó ī āāāīñāyūāī ī ēēā ā Ēīī
Ēēīōō, Ōīdā āāīdēō, ÷ōī ēīyī Ōīāīē «ēñēōī ēō ñāy ē āīī
īāīē»*

(Аāēēōī, 16:6).

Наши мудрецы поясняют: под словом «дом» в данном случае подразумевается жена первосвященника. Таким образом утверждение, что он должен искупить не только себя, но и свою жену, подразумевает, что первосвященник должен быть женат.

Однако это условие применимо только к Йом Кипуру; в остальную часть года первосвященник может исполнять службу, даже не будучи женат.

Йом Кипур – высочайшая духовная служба, когда святейший из евреев, коэн Тодол, служил в наисвятейшем месте – Святая Святых, в наисвятейший день года. Так почему же так важно, чтобы первосвященник проводил эту самую священную службу, будучи женатым, тогда как всю неделю, предшествующую Йом Кипуру, он должен был отстраняться от своей жены?

Тора называет жену первосвященника не просто «женой», а его «домом». Какие же особые качества превращают «жену» в «дом»? И, собственно говоря, что мы имеем в виду, называя жену первосвященника его «домом»?

Великий мудрец рабби Йоси однажды сказал: «Свою супругу я всегда называю не “женой”, а “домом”». Эти слова рабби о том, как он обращается к своей жене, говорят, в частности, насколько внимательно он следил за тем, чтобы вести себя образцово, в полном соответствии с учением Торы. В чем же смысл того, что вместо слова «жена» он говорил «дом»?

Рабби Йоси хотел указать, что, называя так жену, прекрасно осведомлен о высшей цели брака – исполнить заповедь «плодитесь и размножайтесь», то есть построить еврейский дом и наполнить его детьми. Потому и свою супругу он воспринимал не только как жену, но и как дом.

Надо сказать, другие мудрецы называли своих супругов «женами». И не называли их «мой дом», потому что понимали – жена желанна сама по себе, даже без детей, которые и делают ее «домом».

Согласно Торе во время первого года женитьбы, когда детей еще нет, муж освобождается от воинской службы, чтобы «увеселять жену свою» (Дворим, 24:5). Ради той же цели – «увеселять» – он освобождается и от некоторых обязанностей во время

праздников. Очевидно, что Тора признает ценность отношений между мужем и женой как таковых.

Но степень святости рабби Йоси была столь велика, что его взгляд на супружескую жизнь прежде всего подразумевал: брак – это дети. Так, думая о жене, он видел результат своего брака – еврейский дом, наполненный детьми.

В Йом Кипур на первосвященнике лежала огромная ответственность – ему надо было добиться искупления не только для себя самого, но и для своего «дома» и, что еще важнее, – для всего Израиля. И понятно: чтобы достичь этой цели, надо было подняться на вершину вершин духовных высот, в частности, воспринимая свою жену, как это делал рабби Йоси, то есть считая ее исключительно своим «домом».

Êäîéøèì

Любовь – парадокс

...Êþàé áèèæí äî ïüî äî,

èàé ïüî îä ïüü.

Äàèèðì, 19:18

Ýòí óóí ääì äí ò äèüü üé ì ðèí øèì Õíðü.

Þäááé Äèèâì

В Талмуде сказано, что у рабби Акивы было 24 тысячи учеников, но поскольку они «не уважали друг друга», разразилась эпидемия чумы, которая унесла их жизни. Именно по этой причине 7 недель между Пейсахом и Швуэсом мы отмечаем время траура (Йевомойс, 62б).

Наиболее известное из учений рабби Акивы звучит так: «”Люби ближнего своего, как самого себя” – это фундаментальный принцип Торы» (Торас Коаним о Ваикро, 19:18). Естественно было предполагать, что ученики рабби Акивы будут неукоснительно соблюдать этот принцип. Как же вышло, что именно они и не смогли следовать этому учению?

Как это ни парадоксально, их ошибка заключалась как раз в тщательности, с которой они пытались следовать принципу «Люби ближнего своего, как самого себя». Наши мудрецы говорили: «Как лицо любого человека отличается от лиц других людей, так и разум каждого отличается от других разумов» (Мидраш Танхума, Пинхас, 10).

Когда 24 тысячи учеников рабби Акивы постигали учение своего учителя, это было 24 тысячи нюансов понимания: ведь те же самые идеи были восприняты 24 тысячами разумов, каждый из которых, будучи уникален, отличался от остальных 23 тысяч 999. Если бы ученики рабби Акивы меньше интересовались благополучием друг друга, проблема могла бы не возникнуть, но каждый ученик, поскольку любил ближних своих, как самого себя, считал необходимым поправить их «ошибочное» мышление и просветить по поводу

истинного значения слов учителя. Выказать лицемерное «уважение» относительно взглядов друг друга, когда казалось, что остальные что-то недопонимают, даже в малой степени, ученики не смогли по той же причине.

Двойной урок

Чем значительнее человек, тем выше стандарты, по которым его оценивают. Как говорят наши мудрецы, «к праведникам Б-г особенно строг» (Йевомойс, 121а). Так и то, что для людей обычных считалось бы «малым» промахом, в случае с учениками рабби Акивы привело к разрушительным последствиям. Тогда наши мудрецы решили, что об этой истории должны знать в веках. И действительно, она увековечена в нашей жизни целым рядом связанных с ней законов, каждый год управляющих нашим поведением в период между Пейсахом и Швуэсом. Разумеется, и сегодня нам тоже есть что почерпнуть из случившегося с учениками рабби Акивы.

Урок этот двояк: не только добродетели учеников рабби Акивы служат нам наукой, но и их ошибки.

Мы обязаны понять: забота о ближнем не означает, что надо потворствовать его ошибкам и снисходительно относиться к промахам, – такое поведение в социальном отношении могло бы быть самым простым и удобным, однако оно говорит не столько о терпимости, сколько о равнодушии к ближнему. С другой стороны, мы должны относиться к ближнему с уважением и почтением, даже если он оказался в стороне от истинного пути и утратил отзывчивость.

Это кажется парадоксом? Так оно и есть. Но парадокс этот вполне нас устраивает: каждый душевно здоровый человек любит себя и исходя из этого чувства постоянно стремится совершенствоваться. Такой же парадокс необходимо культивировать и в отношениях с ближними. Если, уважая их взгляды и чувства, мы смягчим свои усилия, нацеленные на их совершенствование, позволим этим усилиям из любви и уважения к ближним ослабнуть – мы уже не будем любить их так, как себя, и нарушим принцип, который рабби Акива считал основополагающим. Этот принцип – основа жизни в обществе людей и для Б-га, и именно о нем сказал Гилел: «В этом – суть Торы, остальное – всего лишь комментарий» (Талмуд, Шабос, 31а).

Ī aēīāō ēāēī ē

Дальняя дорога

*Ī ī āūēē ēāēē, ēīōīōūāāūēē īā:ēñōū ... ē īā ī āēē īīē
ī dēī āñōē ī āñāēēūī ēē āāōō āō ā ò īō āāī ū...*

*ē ēāāāēē òā ēāēē ...: «Ī ū īā:ēñōū, ēāī ī dēēīñī ēēēñīē
ī āōō āīī, çā ÷ōī āā āāāāī ī ū ēēēāī ū āīçī īāēī īñōē
ī dēī āñōē āāōō āō Ā-āñ...»*

Āāī ēāāāō, 9:6,7

Четырнадцатого Ияра – Пейсах шейни, или второй Пейсах. Когда в Иерусалиме стоял Священный Храм, второй Пейсах предназначался для тех, кто не смог совершить пасхальное жертвоприношение в назначенный день за месяц до этого, на 14-й день Нисана.

В 9-й главе книги Бемидбар Тора рассказывает, что послужило причиной введения второго Пейсаха. В первый день Нисана в 2249 году от сотворения мира, за две недели до первой годовщины Исхода, Б-г обратился к Моше в Синайской пустыне и сказал: «Пусть принесут сыны Израиля пасхальную жертву в назначенное для нее время: в четырнадцатый день сего месяца вечером... по всем установлениям и по всем законам ее принесите ее» (Бемидбар, 9:2,3).

Однако среди сынов Израиля были и ритуально нечистые, соприкасавшиеся с мертвым человеческим телом, поэтому они не могли в тот день принести жертву. Тогда они обратились к Моше и Аарону и сказали: «...За что же будем мы лишены возможности принести жертву Б-гу в назначенное для нее время среди сынов Израиля?» (там же, 9:7).

И Моше ответил им: «Постойте, а я послушаю, что повелит Б-г вам» (9:8).

И Б-г сказал Моше: «...Всякий, кто будет нечист, ибо прикоснулся к мертвому, или в дальнем пути, из вас или из потомков ваших во всех поколениях их, и намерен принести пасхальную жертву Б-гу, во второй месяц четырнадцатого дня, в сумерки пусть принесут ее, с опресноками и горькой зеленью пусть едят ее...» (9:10,11).

Сила возвращения

Значение второго Пейсаха, по утверждению шестого Любавичского Ребе рабби Йосефа-Ицхока Шнеерсона, состоит в том, что исправить прошлые ошибки никогда не поздно. Даже если человек не выполнил какую-то часть своей миссии в жизни, потому что был «отравлен смертью» (то есть был отлучен от Б-жественного источника жизни) или находился в «дальней дороге» — вдали от своего народа и Б-га, всегда есть второй Пейсах – время, когда он может восполнить то, что упустил.

Таким образом, «второй Пейсах» – это тшува с заключенной в ней силой возвращения.

Тшува – это не просто покаяние, не просто «открытие новой страницы» и получение прощения за прежние грехи. Это еще и возвращение к своему прошлому, дабы исправить совершенные ошибки и вернуть упущенные возможности.

Тшува достигается тогда, когда что-то негативное, произошедшее в прошлом, дело или опыт, теперь используется так, что значение его полностью преобразуется. Например, соприкосновение человека со смертью пробуждает в нем жажду жизни, которая не могла бы возникнуть, не случись этого соприкосновения; или странствия по дальним дорогам пробуждают в нем любовь к родному дому, которая без этих странствий не стала бы столь сильна, – по сути, отрицательный опыт буквально «выворачивается наизнанку». Соприкосновение со смертью преобразуется в более сильную любовь к жизни, а дальние расстояния сближают.

За пределами Торы

При всех этих уникальных обстоятельствах второй Пейсах стал частью Торы.

Фактически все заповеди Торы, включая и те, что связаны с редкими и непредсказуемыми обстоятельствами, были получены Моше непосредственно от Б-га. Закон второго Пейсаха относится к нескольким случаям, когда «новая» заповедь стала следствием просьбы нескольких людей, выразивших протест: «За что же будем мы лишены..?»

Но почему положение о втором Пейсахе не было включено в свод законов Торы, посвященных Пейсаху? Дело в том, что дар тшувы – это именно дар, его нельзя провести через общепринятые каналы законов Торы.

Тора – это выражение Б-жественной воли через 613 предписаний и запретов, это свод законов, из которых следует, какие наши действия желательны для Б-га а какие – нет. Если в соответствии с Торой то или иное деяние или ситуация противоречат Б-жественной воле, они не могут рассматриваться как положительные или желательные.

Мидраш рассказывает

Мудреца спросили: «Какое наказание ждет грешника?» Он ответил: «Грешных преследует зло» (Мишлей, 13:21).

И спросили пророка, и тот ответил: «Душа согрешающая – она умрет» (Иехезкел, 18:5).

И спросили Тору, и Тора ответила: «И принесет в повинную жертву Б-гу... и будет ему прощено» (Ваикро, 5:6-10).

Спросили Б-га, и Б-г ответил: «Пусть исполнит тшуву, и будет прощено ему».

Тора предлагает «формулу» для покаяния, но не позволяет уйти от самого факта нарушения человеком Б-жественной воли. В лучшем случае о его деянии может быть забыто, и человек будет возвращен к источнику жизни. Но изменить сам отрицательный элемент греха – тот факт, что в какой-то момент человек находился в состоянии утраченной связи с Б-гом, Тора не может.

Таким образом, суть второго Пейсаха в том, что все, даже прошлое, можно исправить; и эта идея не могла быть доведена до нас наряду с традиционными заповедями Торы. Этот дар тшувы испросили у Всемогущего несколько иудеев, «отравленных смертью» и «истомленных дальней дорогой».

Они воскликнули: «За что же будем мы лишены..?», выражая со всей глубиной переживаемое чувство – жажду быть с Б-гом. Эта связь была нарушена только временно, и Б-г заменил формулу Его собственной воли, выведенную в Торе, и даровал им право переоценить свое прошлое благодаря второму Пейсаху.

Мгновенная жизнь

Основной принцип хасидского учения заключается в том, что вся целостность Б-жественной мудрости – от наиболее технических элементов закона Торы до наиболее эзотерических кабалистических пассажей – составляет «одну Тору». Тора может иметь «тело» и «душу», но вместе они суть единый организм: душа, или духовно значимая

часть закона, находит отражение в его теле, а каждая конечность или орган тела соответственно отражены в душе.

Это же относится к законам, которыми руководствуются в дни первого и второго Пейсахов. Целый трактат в Талмуде подробно рассматривает сотни законов, применимых при пасхальном жертвоприношении. Большинство из них применимы к обоим Пейсахам; но есть и серьезные различия. Эти «технические» различия отражают более глубокое концептуальное значение обоих праздников: первого, который соблюдают «честные и верные», и второго, предназначенного для «возвращающихся».

Одно из основных различий между Пейсахами заключается в том, что после пасхального жертвоприношения, совершенного 14 Нисана, следует семидневный праздник, второй же Пейсах длится всего один день.

Семь дней означают стандартный процесс, естественный ход событий. Б-г создал мир за семь дней, и потому семидневный цикл (работа и отдых) сделался самой тканью естественной реальности. В сердце человека есть семь основных атрибутов – любовь, страх, гармония, честолюбие, преданность, связь и восприимчивость – они отражают семь Б-жественных атрибутов (сфиройс), которые

Б-г привнес в свое семидневное творение. И когда мы говорим о семидневном Пейсахе, речь идет о постоянном, пошаговом движении к уровню цадика – праведника, который строит свои отношения с Б-гом и исполняет свою миссию в жизни в соответствии с формулой и «планом», предложенными Торой.

Не то баал-тшува, отдалившийся от естественного пути своей души, но потом воспылавший жадой жизни, какую могут испытать только те, кто забрел в долину смерти. В Талмуде приводится история Элозара бен Дурдая – человека, совершившего практически все перечисленные в этой книге грехи. Однажды блудница сказала ему: «Элозар бен Дурдай никогда не кается». И от этих простых слов осознание того, как далеко он зашел, потрясло его душу до основания: «он уткнул голову в колени, плакал и рыдал, пока душа не рассталась с телом». Услышав историю этого человека, рабби Иеуда а-носи заплакал и сказал: «Есть люди, которые обретают свой мир путем тяжелого и многолетнего труда, а есть другие, которые обретают то же за одно мгновенье».

Суть тшувы – это резкое преобразование себя, всплеск сожаления и решение проблемы. Есть люди, которые обретают свой мир в течение многих лет, сказал величайший цадик своего времени, по кирпичику выстраивающий свои достижения с помощью традиционных инструментов. И есть другие, которые приобретают этот мир в единое мгновенье – в миг, который формирует их будущее, преобразовав их прошлое.

Не всякий баал-тшува добивается мгновенного преобразования, как Элозар бен Дурдай. Но один день, в течение которого длится второй Пейсах, отражает природу тшувы: речь идет не об обычной последовательной жизни праведника, но о резком «прыжке» баал-тшува из одной крайности в другую – о кардинальном преобразении грешника в праведника.

Борьба с разбуханием

Еще одно различие между двумя Пейсахами – запрет на хомец (дрожжевую пищу).

Первый Пейсах объявляет войну всем дрожжевым веществам: мало того что строго запрещается есть дрожжевую пищу, но в наших домах не должно оставаться ни единой крошки. Во второй Пейсах вопрос стоит иначе: хотя предписано есть мацу без дрожжей, но избавляться от дрожжевых продуктов не обязательно; в Талмуде сказано: «дрожжи и маца в доме его».

Учителя хасидизма объясняют духовный смысл запрета на дрожжи в Пейсах так: дрожжи, поднявшееся и разбухшее тесто олицетворяют жажду человеческого «я» подниматься и разбухать. Из наших домов следует удалить дрожжи, потому что разбухшее «я» – это источник всех зол. Вся Тора основана на том, что «нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35), что Б-г – единственная абсолютная реальность, поскольку все сотворенное полностью зависит от Него. Это Он постоянно дает нам жизнь и существование.

И если кто-то воспринимает себя как нечто, существующее отдельно, в конечном счете он отрицает всю Тору.

Реальность праведника состоит из двух явно выраженных сфер: разрешенного и запрещенного; одно он развивает, другое – отрицает. 248 предписывающих заповедей Торы соотносятся с элементами его души и окружения, коими цадик пользуется, служа Б-гу; 365 запретов Торы характеризуют то, что он не способен исполнить и сублимировать, следовательно, это ему недоступно. Дрожжам и всему, что они олицетворяют, нет места в его жизни.

Зато баал-тшува, побывав уже в сфере запрещенного, теперь использует этот отрицательный опыт, чтобы с новой силой обратиться к поискам Б-жественной жизни. В его доме есть и дрожжи, и маца; и то, что не свойственно личности первого Пейсаха, или праведника, является неотъемлемой частью службы Б-гу, совершаемой баал-тшува.

Кающийся праведник

В Талмуде говорится о споре между несколькими мудрецами относительно статуса второго Пейсаха. Кто-то считает, что это «праздник в своем праве», по мнению других – это «довершение первого Пейсаха», всего лишь вторая попытка наверстать упущенное.

(Эта дискуссия имеет несколько практических ответвлений. Например, если кто-то достигает официального возраста зрелости «бар мицва» в период между двумя Пейсахами или если в это же время нееврей переходит в иудаизм, должны ли они свершать пасхальное приношение во второй Пейсах? Если определять второй Пейсах как «довершение первого», тогда он распространяется только на тех, кто был обязан соблюдать первый Пейсах, но не сделал этого. К новому взрослому или новому иудею это не относится. Но если второй Пейсах – это «праздник в своем праве», тогда любой, кто не совершил пасхальное приношение в первый Пейсах, может совершить его во второй.)

Эти два определения второго Пейсаха применимы к «душе» праздника, равно как и к «телу». Фактически оба мнения в полной мере применимы только к «душе» Торы. В случае с «телом» ее мы можем следовать только одному мнению: хотя в принципе оба мнения в рамках Торы законны (в Талмуде сказано: «это и это есть слово живого Б-га»), на практике мы придерживаемся мнения большинства. Что касается

«души» Торы, ее концептуально-духовной значимости, все мнения применимы в равной степени.

На базовом уровне тшува – это результат греха в буквальном смысле, понятия «баал-тшува» и «цадик» становятся взаимоисключающими: тот, кто фактически не нарушил Б-жественную волю, не может испытать тшуву и мощную тягу к Б-гу. В этом контексте второй Пейсах воспринимается исключительно как «довершение первого» – явление, возможное только если человек фактически не мог участвовать в первом Пейсахе.

Но есть и другая тшува, более универсальная. Суть тшувы – стремление вернуться к прежнему, незапятнанному состоянию, и стремление это питается самим нынешним состоянием неудовлетворенности. Обычно принято считать, что безгрешная душа праведника совершенна в ее отношениях с Б-гом, и тут нет места для тшувы. В действительности помещение души в физическое тело, ее последующее вовлечение в материальные потребности и заботы само по себе является нарушением ее первоначальных, свободных связей с Б-гом.

Само рождение человека означает, что физические возможности его тела играют роль среды, через которую душа должна соотноситься с Создателем, и эта среда в большой степени ограничивает качество и масштаб духовной жизни человека.

Что же касается связи обычной тшувы с «подлинными» грехами, то длинный путь физической жизни содержит в себе потенциал для еще более тесной и значимой связи с Б-гом, чем прежде. В этом смысле второй Пейсах – «праздник в своем праве»: тут есть место для тшувы, поскольку нет ограничений для грешников в буквальном смысле слова. Это возможность эксплуатировать расстояния и духовную безжизненность материального мира как толчок для установления более глубокой связи с собственными истоками.

Yi íeð

В поисках недели

*È íòñ-èòàéòá ññáá íò àòíðíã áíý í ðàçáí íááí èý, íò áíý
í ðéí áññí èý áàí è íí àðà áíçí íèáí èý ññí ù í áááèù; í íéí ùí è íí è
áíæí ù áúòù Áí áíý í ññáá ññáá íé í áááèè íòñ-èòàéòá
í ýòùááñýò áíæ...*

Áàèèðí, 23:15,16

Кабала и хасидизм описывают семь основных черт человеческого характера: хесед (любовь, благодать); гвура (ограничение, ужас, страх); тиферес (гармония, синтез); нецах (конкурентность); год (преданность); есод (коммуникативность) и малхус (восприимчивость). Каждая из этих черт несет в себе нюансы остальных, так что в сумме имеются 49 аспектов человеческого характера.

В этом и заключается более глубокое значение отсчета дней – заповеди вести счет 49 дням принесения омера от Пейсаха до Швуэса. Из приведенных выше строк следует, что заповедь должна учитывать все дни недели, то есть на седьмой

день мы говорим: «Сегодня семь дней, то есть одна неделя после приношения омера», а на восьмой день: «Сегодня восемь дней, то есть одна неделя и один день после приношения омера» и так далее. Ибо счет соответствует 49 элементам сердца – он состоит из семи недель, в каждой из которых по семь дней.

Ведя этот подсчет, каждый год мы пропускаем через себя опыт наших предков, когда они отсчитывали 49 дней с момента Исхода из Египта до Откровения на горе Синай. Четыре поколения евреев, находясь в подчинении у самого безжалостного общества на земле, прошли сквозь 49 «шлюзов» богохульства, впитав яд всеми чертами и черточками своего характера. Освободившись из Египта, люди посвятили себя очищению, чтобы стать достойными принять Тору у Б-га на горе Синай. Каждый день они проникали еще в один уголок своего сердца, очищая его и приводя в порядок, и таким образом каждую неделю доводили до нормы еще семь основных черт своего характера. Спустя 49 дней после Исхода они явились перед

Б-гом, который избрал их Своим «царством священнослужителей и народом святым» (Шмойс, 19:6), очищенными, и Он дал им Тору – Закон своему народу.

Каждый год мы повторяем эту процедуру. Начиная со второго дня Пейсаха, до Швуэса мы имеем возможность освободиться от того богохульства, в котором погрязли, преклоняясь перед материальностью жизни. И вспышку свободы в Пейсах необходимо закрепить путем активного стремления к самосовершенствованию. Для этого мы и отсчитываем дни и недели от Пейсаха до Швуэса, сосредоточившись на всех чертах и черточках характера в своей устремленности к совершенству.

Подсчет в ночное время

Когда в Иерусалиме стоял Священный Храм, принесение ячменя на второй день Пейсаха знаменовало начало семинедельного отсчета. Ячмень главным образом служит кормом для животных, и это приношение отражало состояние человека, когда его «животная душа» (физические интересы и желания) нуждается в очищении. В Швуэс приношение состояло уже из двух пшеничных хлебов, и этот переход на человеческую пищу свидетельствовал о потенциале человека как живого существа, превосходящего просто животное.

Сегодня у нас нет возможности приносить омер на Пейсах и два пшеничных хлеба в Швуэс: мы пребываем в состоянии голуса («изгнания»), и с нами нет ни Храма, ни Б-жественного присутствия, которое Храм приносил в нашу жизнь. И заповедь в голусе – лишь отдаленное эхо заповеди в эпоху Храма. Мы ежедневно молимся о том, чтобы наши отношения с Б-гом как можно скорей восстановились и не было бы в них искажений, духовной тьмы, в которой мы пребываем сегодня.

Мы не можем предложить омер или «два хлеба», но, по крайней мере, в наших силах вести счет дням. Однако значение даже этой мицвы было снижено нашим пребыванием в состоянии голуса. Истинное значение этот отсчет имеет только тогда, когда за ним следует непосредственно приношение омера. Таким образом, наш сегодняшний счет – не полноценное исполнение библейской заповеди, а лишь напоминание о той, которую выполняли во времена Священного Храма.

И все же Рамбам считает, что даже сегодня подсчет омера сохраняет библейский смысл. Еще одна точка зрения являет собой любопытное сочетание двух первых: рабейну Иерухам считает, что даже если нет Храма, отсчет дней все же является исполнением библейской заповеди, а вот заповедь, связанная с подсчетом недель, действительна только в случае принесения омера и сама по себе является только раввинской заповедью.

Так что же для нашего внутреннего состояния означает сегодня подсчет омера? То, что сегодня мы способны очистить некоторые элементы нашей души, возможно, даже все 49, но у нас нет возможности объединить их в нечто совершенное.

Поиск совершенства ведется во все времена независимо от условий, даже в самые темные часы голуса. Это позволяет добиться каких-то результатов, достичь частичного совершенства как в своей несовершенной личности, так и в несовершенном мире. Но реальное совершенство, включая совершенство всей нашей души, достижимо лишь тогда, когда будет восстановлен дом Б-га. Сегодня у нас в руках все кусочки головоломки, но сложить их в единое целое мы не можем. Только с освобождением из голуса 49 дней совершенствования нашей души сложатся, наконец, в семь недель, полных совершенства.

Ėāāāā-Ī i āđ

24 000+1

У одного мудреца было 24 тысячи учеников. Он учил их любви, но любовь их была слишком совершенной, чересчур истинной... Так что они умерли, и смерть их повлекла за собой период траура, по сей день отмечаемый и омрачающий наш календарь.

Был у этого мудреца еще ученик, который всю свою жизнь, всю без остатка, до единой минуты, посвятил поиску истины.

И эта истина позволила ему истинно любить. Он тоже ушел из этого мира, а годовщина его ухода донныне отмечается как день радости и праздника.

Такова вкратце история Лаг ба-Омера – история рабби Акивы и его великого ученика рабби Шимона бар Йохая.

Праздник в честь смерти

Семинедельный период между Пейсахом и Швуэсом – время ожидания, подготовки и самоочищения. Каждый день, ведя счет омера, мы словно проходим путь, проделанный нашими предками с момента Исхода из Египта и до прихода к горе Синай, с момента, когда они там впервые мельком увидели лицо Б-га, вплоть до той самой минуты, когда Б-г назвал их своим избранным народом и передал Тору.

Это же время – и время печали. В этот период не заключают браков, как оплакивающие тяжелую утрату мы не стрижем волос, не наслаждаемся звуками музыки:

ведь в этот период 24 тысячи учеников рабби Акивы умерли от чумы – то было карой Небес за то, что они не уважали друг друга.

В эти недели скорби только один день стоит особняком – эдаким островком радости: Лаг ба-Омер, 33-й день отсчета омера. Законы и традиции, запрещающие радоваться в период омера, в этот день недействительны – детей вывозят на веселые пикники, а сам день отмечается как праздник.

Для радости здесь две причины. Во-первых, чума, поразившая учеников рабби Акивы, именно в этот день временно прекратилась. Вторая причина – в этот день отмечается годовщина ухода из жизни величайшего из учеников рабби Акивы – рабби Шимона бар Йохая. Перед смертью (умер он не от чумы, много лет спустя после той эпидемии) рабби Шимон назвал день своего ухода «днем моего счастья» и завещал ежегодно отмечать его в радости.

Любовь и истина

Почему же уход остальных учеников рабби Акивы – траур и национальная трагедия, а уход рабби Шимона бар Йохая отмечается радостно? В один и тот же день мы празднуем конец эпидемии, унесшей жизни учеников рабби Акивы, и смерть величайшего из его учеников! Чтобы понять значение этих двух событий, прежде всего необходимо исследовать корни «неуважения», которое обернулось для учеников рабби Акивы эпидемией чумы.

Рабби Акива учил: «Люби ближнего своего, как самого себя» (Ваикро, 19:18) – это фундаментальный принцип Торы». Действительно, это самое знаменитое из его учений. Казалось бы, его ученики должны были стать выдающимися проповедниками этого принципа. Но как же могло случиться, что соответствовать этому принципу именно они и не смогли?

Их ошибка, как уже говорилось в комментарии к главе Кдойшим, заключалась как раз в той тщательности и педантичности, с какой они пытались воплотить в жизнь этот священный принцип – каждый в силу особенностей своего оригинального индивидуального восприятия учения рабби Акивы видел свой нюанс истины, недоступный другим, и считал свое понимание и видение принципа «люби ближнего...» единственно верным. Если бы ученики рабби Акивы любили друг друга меньше, ничего столь страшного, как эпидемия чумы, унесшая их жизни, не случилось бы. Но каждый ученик любил остальных, как себя самого, и считал необходимым исправить «ошибочное» мышление остальных, просветить их относительно истинного смысла слов учителя. И они не могли выказывать лицемерное «уважение» к взглядам друг друга все по той же причине – ибо искренне считали, что другие чего-то недопонимают, хоть в малой степени.

Итак, чем более велик человек, тем более высоки предъявляемые к нему требования. По словам наших мудрецов, «с праведниками Б-г строг, как ни с кем». Так ошибки учеников рабби Акивы обернулись для них катастрофическими последствиями, и каждый год на протяжении многих и многих лет мы извлекаем из их опыта урок, соблюдая траур.

Тринадцатый год

Однако среди учеников рабби Акивы был один, научившийся обходить ловушки бескомпромиссных любви и истины, примером тому – вся его жизнь. Но жизнь его, представляясь потомкам целостной картиной, тем не менее состояла из множества фрагментов, или историй. Вот одна, должно быть, важная история из жизни рабби Шимона бар Йохая.

Когда наместники Рима в Святой Земле назначили цену за головы рабби Шимона и его сына рабби Элозара, то в течение 12 лет им пришлось прятаться в пещере. Все эти годы каждую минуту они посвящали изучению Торы. И вот, выйдя, наконец, из пещеры, они были потрясены, увидев, что люди сеют и пахут: как можно забыть о вечной жизни, то есть о Торе, и посвятить свои дни материальной жизни преходящей?! Гнев их был столь силен, что испепелял все, на что обращались по пути их горящие взоры. Тут воззвал голос с Небес: «Вы пришли, чтобы уничтожить Мой мир? Возвращайтесь в пещеру!»

Тринадцатый год учебы рабби Шимона, увеличив познания и понимание вечной истины Торы, позволил ему постичь и ценность устремлений других людей. С тех пор, где бы он ни оказывался, его взгляд не уничтожал, но исцелял.

Четырехтысячелетняя история еврейского учения знает много выдающихся и скрупулезных исследователей Торы, но никто из них не сравнится с рабби Шимоном бар Йохаем в его абсолютной преданности поискам Б-жественной истины. В писаниях наших мудрецов его пример приводится как самый выдающийся случай, когда «человек всего себя посвятил изучению Торы».

Конечно, преданность рабби Шимона поискам истины была не менее, чем у других учеников рабби Акивы. Но его истина позволяла ему еще и истинно любить. За тринадцатый год, проведенный в пещере, он постиг суть Б-жественной мудрости, которая позволяет терпимо и даже дружелюбно относиться ко многим различным связям, каковыми Б-г снабдил мир людей, чьи души, характеры и темпераменты различны, как и сами люди. За тринадцатый год жизни в пещере рабби Шимон постиг уровень истины, позволившей ему в высшей мере посвятить себя «вечной жизни» – Торе, и еще передавать свою преданность окружающим, при этом понимая и уважая путь тех, кто служит Б-гу через мирскую и материальную жизнь.

Вот почему в один и тот же день мы празднуем временное окончание эпидемии чумы среди учеников рабби Акивы и уход из жизни рабби Шимона бар Йохая. Хасидские Учителя объясняют: уход праведника означает, что «все его дела, учения и труды» достигли точки высшего совершенства и реализовались сполна, той точки, когда влияние таких людей на нас находится в апогее. А «дела, учения и труды» рабби Шимона бар Йохая – это величайшее исправление трагической ошибки, совершенной учениками рабби Акивы. Только так можно достичь необходимого синтеза любви и истины – когда любовь становится истинной, а истина – наполненной любовью.

Двойной урок

Конечно, подобная ошибка, как уже говорилось, могла привести к столь трагическим последствиям только людей, по масштабу подобных ученикам рабби Акивы. Но наши мудрецы решили записать эту историю на века и закрепить ее в нашей действительности рядом законов, которые ежегодно в течение нескольких недель между Пейсахом и Швуэсом направляют наше поведение. Разумеется, нам есть чему поучиться на примере учеников рабби Акивы (см. также комментарий к гл. Кдойшим)...

Áààð

Восьмое измерение

*Ðáñò ù éàò çáññáé ïíéá òáíá è ðáñò ù éàò íáðñáé
áéí íáðñáí èé òáíé, è ññáéðáé ïéíáñ áá çáí èé. Á á ññáññ ïé áñá
Ñóááí òá ïíéíý áóááò áéý çáí èé, Ñóááí òá Á-áñ..*

Áàééðí, 25:3

*È íòñ-èòáé ññáá ññáí ù ññááí òí èõ éàò, ññáí ù ðáç ïí ññáí è éàò, è
áñéááò ó òááý áðáí áí è ññáí è ýð èõ ññááí òí èõ éàò ññáí è áááý òù
éàò. ...È ññáý ò èò áí ýð è áááý ò úé áñá, è íáñýáé ò á ññáí ááó í á çáí éá áñáí æ èò áéýí
áñ..*

Áàééðí, 25:8,10

Число 7 играет важную роль в понимании и восприятии времени. Семидневный цикл работа-отдых составляет нашу неделю. Мы воспроизводим исходные семь дней сотворения мира, когда «шесть дней творил Б-г небо и землю., и почил в день седьмой» (Шмойс, 20:11). Таким образом, каждая Суббота завершает полный цикл Творения, который мы буднично называем неделей, после чего все начинается заново – с йом-ришон, то есть с первого дня.

В жизни евреев многие важные события длятся неделю. Два семидневных праздника обрамляют наш год: Пейсах, с 15 по 21 Нисана, и ровно шесть месяцев спустя Суккос, который мы отмечаем с 15 по 21 Тишрея. Полную неделю празднуют свадьбу – шева брохойс (семь благословений). И уход ближнего, не дай Б-г, оплакивают 7 дней (шива). Таким образом, свобода Пейсаха, радость Суккоса, узы брака и примирение с утратой ближнего ассимилируются во всех семи измерениях сотворенного времени.

Следуют циклу Создателя у нас не только дни, но и годы: шесть «рабочих» лет сменяются седьмым годом шмиты («перерыва») – тогда в земле Израиля все сельскохозяйственные работы приостанавливаются, и выросшие на этот раз без хозяйского радения плоды принадлежат всем, их может взять любой. В год шмиты «списываются» все частные долги и освобождаются все люди, работающие по контракту.

Кроме семидневных и семилетних циклов, вся история человечества, по мнению наших мудрецов, представляет собой «семи тысячелетнюю неделю», когда 6

тысяч лет человек своими трудами совершенствует мир Б-га, а 7-е тысячелетие «является целиком Субботой и отдыхом для вечной жизни» – это эра Мошиаха.

Учение кабалистов гласит, что 7 дней сотворения мира воплощают в себе 7 сфиройс – Б-жественных атрибутов, определяющих и характеризующих отношения Б-га со вселенной. Таким образом, число 7 является характеристикой не только времени, но и всей сотворенной реальности в целом. В особенности это относится к человеку, созданному «по подобию» Б-га (Брейшис, 1:26): человек основан на 7 элементах, что отражает по сути 7 сфиройс, положенных в основу создания вселенной.

Материя и дух

Каждый из 7 элементов «недели» воплощает конкретные характеристики соответствующей сфиры. В более общем смысле цикл состоит из двух основных фаз: «мирского начала» (хол) и «святости» (кдуша). 6 дней мирского труда сменяются днем свободы духа; 6 лет земной работы сменяются годом «перерыва» и разрывом с материальным началом; 6 тысячелетий, посвященных борьбе за становление физического мира, сменяются 7-м, в котором «человечество будет заниматься только познанием Б-га».

«Кдуша» на языке Торы – «священный», буквально «удаленный» и «отдельный». Названия 7-го дня (Шабос) и 7-го года (шмита) соответственно означают «выход» и «прекращение». Святость требует полной отстраненности от всего материального. Чтобы ощутить святость и духовность Субботы, мы должны прекратить все труды по преобразованию мира; чтобы соприкоснуться со святостью земли в год шмиты, мы должны прекратить всякую физическую работу на земле и не претендовать на владение ее плодами; чтобы ощутить Б-жественность и совершенство нашего мира в эру Мошиаха, мы прежде должны достичь состояния, в котором материальное богатство не является объектом зависти и конкуренции.

Несмотря на свою необычную природу седьмой день, год и тысячелетие являются естественными составными частями циклов создания. Материальное может существенно отличаться от духовного, вплоть до взаимоисключения, но то и другое суть части «природы» – они управляются по законам, определяющим сотворенную реальность.

Действительно, сам факт «святости» требует удаления и отделения от всего мирского, но это значит, что и у святости есть пределы. Есть физическая природа, определяющая масштаб физических явлений и сил. Так же свою «природу» имеет и «духовное»: у него свои законы, которые определяют, что есть духовное и чем оно не является, где оно может существовать, а где не может, как и каким образом его можно ощутить за пределами его незыблемых границ. Кажется, что концепция «духовности» является антитезой определению как таковому, но духовность – это определение само по себе, ибо она определяет (а значит, ограничивает) себя как нечто, явно находящееся за пределами материального.

Такой подход позволяет понять смысл ключевого фрагмента Торы, посвященного сотворению мира. В Брейшис (2:2) сказано: «И завершил Всесильный в седьмой день дело Своё...». Казалось бы, это противоречит тому, что сказано дальше: «...и почил в день седьмой от всего произведения Своего, которое Он созидал». Если работа по сотворению мира была завершена на седьмой день, тогда седьмой день – это

один из дней сотворения; если же на седьмой день Б-г отдыхал «от всего произведения Своего, которое Он созидал», то на сотворение мира ушло только шесть дней, а седьмой день – Суббота – это отдых от работы.

Наши мудрецы объясняют: «Чего не хватало миру? Отдыха.

С наступлением Субботы наступил отдых».

Отдых – явление Б-жественное и духовное – тоже объект сотворения мира. Он отделен от природы материального, но является частью природы в целом, природы сотворенной реальности, которая объединяет как духовное, так и материальное начала.

Восемь

Число 7 олицетворяет «природную» реальность, а 8 характеризует нечто за пределами природы, это своего рода «окружность» над циклом творения.

7 охватывает как материальное, так и духовное, как

мирское, так и святое, как привнесенное, так и отстраненное, но все это отдельные компоненты цикла созидания. «Седьмое измерение» оказывает влияние на шесть остальных, но только на духовном, Б-жественном уровне; полного проникновения и интегрирования в систему здесь не будет. По контрасту число 8 вводит реальность, которая находится за пределами природы и определений. «Восьмое измерение» вообще не имеет пределов: оно находится за пределами природы и в то же время содержится внутри ее, оно и за пределами материи и духа и в равной степени внутри них.

Поэтому завет обрезания, связывающий еврея с Б-ом запредельной связью, при том, что духом этой связи пронизаны даже самые потаенные «уголки» материальной жизни, совершается на восьмой день. Святилище, роль которого заключалась в том, чтобы бесконечная реальность Б-га постоянно присутствовала в физическом мире, было создано на восьмой день после семидневного периода «учебы» (когда изо дня в день Моше собирал Мишкан, чтобы совершить в нем служение, а затем разбирал его до следующего дня). Праздник Шмини Ацерес (восьмой день хранения), существующий, дабы «сохранить» свет, проникающий в сукки (шалаша), наступает после семи дней Суккоса.

После семи циклов шмиты ($7 \times 7 = 49$ лет) следует «юбилейный год» (50-й), который скорее характеризуется «свободой» (свободой от всех границ), нежели просто «прекращением». За мессианским 7-м тысячелетием истории последует сверхисторический «грядущий мир», в котором Б-жественная реальность объединится с сотворенной реальностью – в мире, где «конечное» и «бесконечное» являются понятиями взаимоисключающими, – такое объединение нам даже трудно представить. В Талмуде сказано: «Все пророчества пророков касаются только дней Мошиаха»; что до грядущего мира, то «никогда не слышали, не внимали, глаз не видел... кроме Тебя» (Ишаяу, 64:3).

Пятьдесят

«Восьмерки» присутствуют в наших жизнях в двух формах – как 8 и 50.

Например, кульминацией двух семидневных праздников –

Суккос и Пейсаха – является ацерес, день «хранения», призванный «закрепить» достижения праздника. Ацерес Суккос наступает непосредственно за этим праздником, на восьмой день и называется Шмини Ацересом, а ацерес Пейсаха – праздник Швуэс, его отмечают через пятьдесят дней после начала Пейсаха, и он венчает сорокадевятидневный, семинедельный цикл (7x7) – это дни «отсчета омера».

У каждого из 7 компонентов природной системы есть собственная «природная система» – свой семифазный цикл имманентности и трансцендентности, составляющий 49 элементов и фаз в цикле природы. «50» – это «8», уровень, который наступает после детального развития 7 измерений природы во всех 49 подизмерениях. Такой «восьмеркой» является Швуэс – ацерес Пейсаха: наш Исход из Египта положил начало сорокадевятидневному процессу, в течение которого были доведены до совершенства 49 побудительных импульсов наших душ. Таким образом, освободившись из «сорока девяти ворот нечистоты» (в которую мы погрузились во время нахождения в рабстве в самом низменном обществе в истории человечества), мы прошли «сорок девять ворот понимания» нашей преданности Б-гу. Этот сорокадевятидневный процесс (который мы воспроизводим каждый год в ходе семинедельного «отсчета омера») вылился в Откровение у Синайской горы в Швуэс, когда нам была дарована Тора – Б-жественное 50-е измерение, превосходящее и пронзающее все 49 измерений Творения.

Еще число 50 – это йовел, «юбилейный» год. После семи семилетних циклов Шмиты, каждый из которых завершается годом «прекращения» материальных преобразований, следует 50-й год «свободы», когда все слуги, включая тех, кто продал себя на пожизненные работы, освобождаются, а все ранее проданные земли предков возвращаются их первоначальным владельцам. Юбилейный год представляет собой состояние истинной свободы – мы не просто «временно отказываемся» от «земных свойств» земли, а освобождаем ее от всех материальных ограничений.

Таким образом, постижение времени (которое определяет практически все наши дела и достижения) дается нам в разных формах и конфигурациях. Есть времена и обстоятельства, когда мы проживаем наши жизни полностью в рамках природного цикла «семерки». Есть времена и обстоятельства, когда мы соотносим себя со сверхприродным «восьмым измерением», но только в самом общем, абстрактном смысле. Наконец, есть времена и обстоятельства, при которых мы достигаем «восьмерки», которая на самом деле является числом «пятьдесят» – с этой «восьмеркой» можно столкнуться на всех этапах и подэтапах нашего существования.

Три состояния юбилея

Цикл шмита-йовел существует в трех различных формах, соответствующих по-своему отличающимся духовным климатам разных эпох в нашей истории.

В Торе сказано: йовел (юбилейный год), иначе говоря свободу, надлежит объявить «на земле всем жителям ее» (Ваикро, 25:10). Талмуд толкует это высказывание таким образом: особые законы «пятидесятого года» реализуются только тогда, когда земля Израиля полностью заселена евреями. В нашей истории был только один такой период – с 2503 года от сотворения мира (1258 год до новой эры), когда еврейский народ под водительством Йеошуа бин Нуна завершил покорение Святой Земли и обосновался на ней, до 3339 года (422 год до новой эры), когда по истечении 836 лет вавилонские армии изгнали евреев и разрушили первый Храм.

Затем, спустя 76 лет, когда при Эзре еврейский народ частично вернулся в свою землю (через 6 лет после строительства второго Храма), отсчет йовела возобновился, но на сей раз только ради исполнения заповеди подсчета лет и воплощения в жизнь года отдыха, который проводился семь раз в течение каждого пятидесятилетнего цикла. Поскольку большая часть Святой Земли не была повторно заселена и основная часть еврейского народа оставалась в изгнании, соблюдать юбилейный год было нельзя. Тем не менее, 50-й год отсчитывали после каждых семи циклов шмиты, «чтобы седьмые годы наступали вовремя». Другими словами, после 49 лет отсчета Эзры следующий семилетний цикл мог начаться только после того, как был объявлен «теоретический» юбилейный год; таким образом, следующий седьмой год наступал через восемь (на 57-й год), а не через семь (на 56-й) лет.

После разрушения второго Храма в 3829 году от сотворения мира (69-й год новой эры) отсчет йовела снова прекратился. Но год шмиты, отдыха, продолжают соблюдать и доныне каждый седьмой год. Однако поскольку мы находимся в состоянии голуса (изгнания), лишённые Б-жественного присутствия, которое проявлялось в существовании Священного Храма, мы не отмечали в эпоху второго Храма даже «теоретический» юбилей. Сегодня (как и в период между двумя Храмами) наши семилетние циклы идут без перерыва, один за другим, не выделяя 50-го года для йовела.

Применительно ко «вселенной в миниатюре», каковой является человек с сорока девятью ячейками его души, эти три эпохи еврейской истории олицетворяют и по сути являют собой три уровня в нашем стремлении к самоочищению и самоусовершенствованию.

Идеальная модель, которая определяла жизни наших предков в эпоху первого Храма, – это один из семи циклов шмиты, когда отмечался пятидесятый юбилейный год. На индивидуальном уровне это означает, что человек стремится устранить все негативное в себе, это этапы процесса борьбы за полное преобразование и освобождение его души.

Было в эпоху второго Храма и другое состояние, промежуточное между фазами голуса и возвращения. Когда большая часть еврейского народа жила в Святой Земле, основную часть этих 420 лет евреи находились под властью других народов. Священный Храм помогал им поддерживать связь с Б-гом, но в меньшей степени, чем это было при первом Храме.

Таким образом, циклы шмиты были не в состоянии принести полное «освобождение». И все же они были пронизаны ощущением совершенства, которое олицетворяет юбилейный год; и хотя йовел фактически не соблюдался, он устанавливал и определял циклы шмиты.

С момента уничтожения второго Храма прошло более девятнадцати веков. Все это время мы находимся в состоянии голуса, и наше существование позволяет получить лишь замутненное представление о целях и направлении движения. Наши жизни по большому счету уходят на борьбу со злом; наши усилия, направленные на самоусовершенствование, ограничены узким, семифазовым циклом природы, мы даже не в состоянии увидеть и оценить их место в контексте освобождающего юбилейного года.

Сегодня кажется, что наши жизни – бесконечная череда циклов шмиты, и ни о каком юбилее нет и речи. Тем не менее эта «слепая» наша борьба непременно приведет к окончательному и высшему возвращению – Мошиах явится и восстановит

«царствование» Давида до уровня прежнего величия и славы, воздвигнет Священный Храм и соберет рассеянный народ Израиля. Тогда будут восстановлены все законы: мы принесем жертвы, введем годы отдыха и юбилея, как предписано Торой.

Тогда наши циклы «семерок» приведут к появлению высшей «восьмерки» – всеохватывающего совершенства грядущего мира – Олам а-Ба.

ЛЕХАИМ МАЙ 2002 ИЯР 5762 – 5 (121)

КОСМИЧЕСКИЙ БРАК

Nei íi Beíamí

На эту тему написано куда больше, чем на любую другую. Об этом спето больше песен, сложено больше стихов, снято больше фильмов, чем о чем-либо еще на свете. Чем объяснить эту неутолимую жажду?.. Что же такого в любви между мужчиной и женщиной, что вдохновляет и бесконечно чарует, и граничит с одержимостью? Многие рассматривают влечение человека одного пола к другому как биологический инстинкт. Или как эмоциональную потребность. Или вовсе как первобытный импульс. Однако иудаизм видит во взаимоотношении мужчины и женщины священный поиск, «проступающий» сквозь космическую «пелену» вселенной.

Духовная тайна союза мужчины и женщины нашла свое отражение в названии праздника Швуэс: в Талмуде он называется «День Бракосочетания». Какое же бракосочетание произошло в этот день? На горе Синай Б-г даровал человечеству Тору - то руководство, что должно помочь человеку одухотворить физический мир. Потому-то Швуэс и рассматривается как брак между Б-гом и людьми, между Небом и землей.

Использование термина «брак» в отношении дарования Торы вызывает ассоциацию с браком физическим. Но дарование Торы было событием, внушающим

священный трепет, беспрецедентным Б-жественным актом... И какое отношение эта уникальная духовная встреча человека и Б-га имеет к «телесному» браку мужчины и женщины?.. Проанализируем некоторые параллели между Б-жественной и человеческой моделями брака.

Безусловное принятие Мидраш рассказывает, что перед тем как передать Тору еврейскому народу, Б-г сказал: «Примите Меня... и потом примите Мои законы». В супружеских отношениях, прежде чем думать о собственных индивидуальных потребностях, важно понять и принять саму сущность своего партнера. Но мы слишком часто видим в браке всего лишь взаимовыгодный контракт: «Я буду заботиться о детях и готовить обед, а ты - выносить мусор и оплачивать счета». Но брак - не только «подгонка деталей», и его заключают отнюдь не для удобства выполнения той или иной работы. Он необходим, чтобы любовно впустить в свою жизнь другую душу.

Существует два вида любви - эгоистическая и самоотверженная. Эгоистическая основана на требованиях к партнеру - она безусловна: вы обязуетесь его любить, если он будет удовлетворять ваши потребности; но если человек не соответствует вашим запросам, то у вас возникает искушение отвергнуть его и поискать кого-то другого.

Когда любовь обусловлена требованиями, такими или иными, человек видит в партнере «продолжение» самого себя и считает буквально обязанностью исправлять или изменять его так или иначе. Однако, хотя мы постоянно друг у друга учимся, роль супруга далеко не роль «авторитета» или учителя - оба на равных! Тора говорит нам: брак начинается с любви, не зависящей ни от каких условий, с притяжения человека таким, каким он является в совокупности его качеств и свойств - всего: сначала «прими Меня», а уж из этого будет проистекать все остальное.

Партнерство

На горе Синай Б-г положил начало взаимосвязи, партнерству с человечеством. Когда Он сошел на гору Синай, Моше было необходимо подняться на гору, совершить тем самым ответное действие. Иудаизм учит, что отношения между Б-гом и человеком далеки от «незрелой» доверчивости и пассивной зависимости от Небес. Мы верим: все, что мы делаем, - с благословения Б-га, тем не менее мы *לֹא יִצְחָק אֵל* использовать все орудия и ресурсы, что есть у нас в распоряжении, чтобы для этого благословения сформировать сосуд. При взаимообмене и взаимоотдаче, естественных в «живых» отношениях мужа и жены, необходима зрелая самооценка.

Подъем на гору символизирует уверенность в том, что как индивидуальность вы имеете ценность в глазах Б-га и как личность должны играть в этом мире важную роль. Если такое сознание отсутствует, может возникнуть нездоровая зависимость, когда один из партнеров полагается на другого, рассчитывая, что тот компенсирует недостающее. Такое положение далеко от истинной сути брака. Супругам следует, опираясь друг на друга, искать в партнере дополнения к тому, что есть у каждого, дабы вместе создать сильное партнерство.

Видение

На горе Синай Б-г поделился с нами своим видением того, как привнести в мир святость и духовность. Возможно, совместное духовное видение и есть тот элемент, которого больше всего не хватает современным супружеским парам. Зачастую люди

женятся, ощущая физическую, интеллектуальную, эмоциональную и психологическую совместимость, но не учитывая, что нужна еще совместимость духовная. Она не ограничивается обоюдным желанием построить семейный очаг и семью - она подразумевает еще и духовное видение того, как, став супругами, создав семью, вы желаете влиять на мир, как представляете себе ваш особый вклад в жизнь других, как вы собираетесь создать что-то, что превзойдет каждого из вас в отдельности и более того, обоих вместе взятых.

Б-г на горе Синай поделился с нами своим видением мира, дал нам набросок того, как привести в мир святость и духовность.

Швуэс, День Бракосочетания, открывает нам глаза на брак как не просто союз двух людей, но как союз Неба и земли, брак между Б-гом и человеком. Когда источником энергии для нас становится мистическая сила любви и брака, и мы признаем, что это - проявление Б-жественного единения с нами, наши союзы становятся микрокосмом - отражением космического брака. Единство, проявляемое в таком браке, пронизывая физическое и духовное, освещает нам путь к вечности.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ В КАНУН 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РЕБЕ

19 марта президент РФ Владимир Путин принял в Кремле раввинов 15 российских городов во главе с главным раввином России Берлом Лазаром, а также президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева, президента ФЕОР Михаила Глуза и исполнительного вице-президента ФЕОР Александра Бороду. Поводом для свидания с президентом стал приближающийся 100-летний юбилей Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Этому событию предшествовала беседа Владимира Путина с р. Берлом Лазаром, состоявшаяся двумя неделями раньше, в ходе которой и возникла идея такой встречи.

В течение полутора часов президент России Владимир Путин и заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков принимали в Кремле раввинов, съехавшихся со всей страны – из Волгограда, Хабаровска, Омска, Екатеринбурга, Самары, Саратова, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Уфы, Челябинска, во главе с главным раввином России Берлом Лазаром, представлявшим также московскую общину. Вместе с ними в Кремль прибыли президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, президент ФЕОР Михаил Глуз и исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода.

Владимир Путин, поздравив представителей еврейства России с приближающимся праздником Пейсах и 100-летним юбилеем последнего Любавичского

Ребе, выразил благодарность руководителям российских еврейских общин за деятельное участие в процессе интегрирования России в международное экономическое пространство. Особо он отметил недавнее обращение р. Берла Лазара к президенту США с просьбой отменить поправку Джексона-Вэника, а также заметное улучшение в последнее время политики еврейских организаций США в отношении России.

Раввины из регионов в свою очередь выразили президенту благодарность за поддержку в процессе возрождения еврейства. Тем не менее они были вынуждены отметить, что на местах по сей день существуют и активно действуют экстремистские и фашистские организации, бороться с которыми очень сложно, и это отнимает много сил, которые могли бы быть использованы в созидательной деятельности в интересах государства. Владимир Путин полностью согласился с тем, что борьба с экстремистскими и фашистскими организациями и их изданиями должна быть максимально эффективной, но юридическая база для пресечения подобных явлений в России пока разработана недостаточно. Он также вспомнил, как, еще работая в ФСБ, заметил, что эксперты по делам фашистских и экстремистских организаций нередко сами разделяют их взгляды, и пообещал непременно решить эту проблему.

Руководители Федерации еврейских общин показали Владимиру Путину фотографию отреставрированной синагоги в Санкт-Петербурге, и он очень удивился тому, как она изменилась, даже предположил, что это новое здание. Как оказалось, шесть лет назад он был в этой синагоге, и теперь обещал непременно посетить ее в конце мая вместе с президентом США во время его официального визита в Россию.

Большой интерес президент проявил к делам еврейских общин в Восточной Сибири, о которых ему рассказал раввин Красноярска.

Встреча проходила в теплой, дружественной обстановке, обсуждение серьезных проблем не исключало юмора, шуток. Завершилась она общим согласием в том, что главным направлением деятельности российской еврейской общины сейчас должно быть налаживание тесных связей с евреями – выходцами из нашей страны, которых в разных уголках мира проживает порядка 2,5 миллиона человек.

Í î ì à ò á ð è á è à ì

è í ò î ò ì à à à ì ò ì ò á

ПОСЛЕ ПУРИМА ВСЕГДА НАСТУПАЕТ ВЕСНА

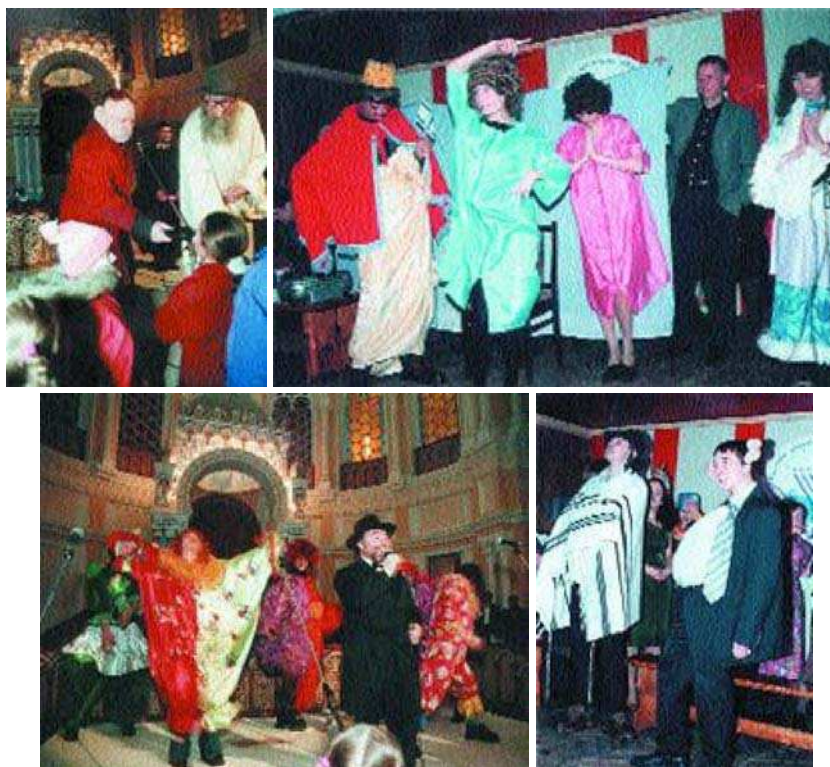
Вы задавали себе такой вопрос: чем людям среднего и старшего возраста, отпрыскам ассимилированных еврейских семей «эпохи развитого социализма», запомнились еврейские праздники времен их детства? Прежде всего незабываемыми вкусовыми ощущениями, не так ли?.. Пряный аромат «гефилте фиш» на Рош а-Шона, хрустящий

привкус мацы на Пейсах и, конечно, – едва ли не самое главное – умопомрачительные треугольные пирожки с маком, называвшиеся непонятным словом «оменташн», которые пекли наши бабушки ранней весной. И эти потаенные вкусовые приметы, относящиеся к разным временам года, навсегда пребудут с нами. Убери их – и что останется? Да ничего – пустота. Ведь весна и прежде всегда наступала не иначе как с этими треугольниками – «оменташн» – карманами злодея Омана, которые мы едим в память о событиях седой древности...

Впрочем, не такой уж и седой... Как свидетельствуют ученые, царь Ахашверош из Книги Эстер – это, вероятно, сын знаменитого Дария I, Ксеркс I, правивший в V веке до н.э. В состав его империи входили огромные территории от Индии до Балкан, включая Эрец-Исроэл. События, описанные в ТАНАХе, действительно могли происходить в грандиозном дворце персидских царей в Сузах, городе, который в Книге Эстер называется Шушан. Его великолепные развалины сохранились, кстати, и по сей день.

Спасение евреев, которое произошло благодаря героическим усилиям царицы Эстер и мудреца Мордехая, было чудом. Но ведь такое же точно чудо мы наблюдаем и сегодня: вместе с возрождением еврейской жизни Пурим из мимолетного детского привкуса сладких пирожков превратился в радостный праздник, который отмечают десятки тысяч евреев по всей территории бывшей империи нового Омана XX века.

Празднование Пурима в Петербурге прошло в Большой Хоральной синагоге. Его организаторами стали Петербургская еврейская религиозная община, «Бейт Хаблад» и раввин Цви Пински. Главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер читал Свиток Эстер в Большом молельном зале, где собралось более полутора тысяч человек. Многие пришли с семьями. Именно детям особенно пришлись по душе подаренные всем гостям маски и трещотки. Всякий раз при упоминании имени Омана зал взрывался характерным грохотом и скрежетом. Но особое внимание привлекли юные принцессы в белых платьях, как у отважной царицы Эстер.

Собравшихся в этот день в синагоге поздравили с праздником председатель общины М.Д. Грубарг, кантор Б. Финкельштейн, а также популярные петербургские артисты С. Фурман (в роли Омана), Б. Смолкин, С. Лосев, ансамбль «Доброй ночи» и джазовый коллектив под управлением А. Канунникова. Выполнить традиционные праздничные заповеди питерским евреям помогли представители известного завода «Степан Разин», которые щедро разливали пиво всем желающим. На следующий день в питерской общине прошел Пуримский праздник для молодежи, а также праздничный вечер для деятелей культуры и бизнеса, которые активно участвуют в общинной жизни.

А вот Архангельская еврейская община отпраздновала Пурим дважды: в ресторане, где присутствовало около двухсот человек, и в общинном офисе. Праздничное застолье прошло при финансовой поддержке ФЕОР и местных предпринимателей. На вечере присутствовали почетные гости: заместитель мэра Архангельска А.Н. Бутко и начальник управления общественных связей администрации области С.П. Алешинцев, а также представители Северодвинской еврейской общины и друзья из Израиля.

Собравшихся приветствовали председатель городской общины Владимир Бовыкин и член Совета ФЕОР, председатель фонда «Хесед Ахим» Валерий Гауптман. Ребята из молодежного клуба «Морэшет» разыграли веселый пуримшпиль, а гости из Северодвинска показали свою концертную программу. Потом под веселую музыку танцевали все – от детишек из еврейской воскресной школы и до пенсионеров.

Еврей-костромичи отмечали Пурим восьмой раз после возрождения своей общины. В подготовке к этому веселому еврейскому празднику приняли участие все еврейские организации Костромы: готовили декорации к пуримшпилям, шили карнавальные костюмы, а женщины напекли вдоволь вкусных оменташн. Было решено, что основные события праздника пройдут в главном зале отреставрированной синагоги. На праздник приехал раввин Мойше Тамарин с ребецн Басшевой и детьми. После молитвы молодежный клуб общины показал спектакль по мотивам древней Книги Эстер, прозвучавший, впрочем, вполне современно. Во время праздничной трапезы выступил ансамбль еврейской песни «Гораль Эхад», а присутствующие подпевали знакомые слова на иврите, идише и русском. Тем, кто не мог самостоятельно добраться до синагоги, община выделила транспорт; после окончания праздника пожилые люди были доставлены домой. А вот молодежь расходилась по домам в три часа ночи...

В Кинешме к Пуриму вышел первый номер общинной газеты «Гефилте фиш» под редакцией Д. Пошванюка. Новое издание буквально «нафаршировано» интересной информацией об истории и традициях еврейского народа, а также новостями общинной жизни. Есть в газете рубрики «Актуальное интервью», «Хочу поделиться», фотографии, стихи, рисунки.

В день праздника молодежный клуб еврейской общины Кинешмы показал веселый сатирический спектакль, где события давно минувших дней перемешались с вполне современными сюжетами.

Пуримский вечер в Тамбове, на который собрались более двухсот человек, торжественно открыл самодетельный хор общины. После его выступления присутствующим были зачитаны праздничные поздравления главного раввина России Берла Лазара.

В день Пурима концертный зал Института искусств имени Серебрякова в Волгограде был переполнен. Там состоялся дебют театральной студии «Мааян»,

показавшей спектакль по мотивам произведений Исаака Башевиса-Зингера. Костюмы, декорации и, конечно, игра актеров – все было на хорошем профессиональном уровне. Везде чувствовалась рука мастера – заслуженного артиста России, художественного руководителя студии Александра Таза, автора инсценировки, сценографии и текстов песен к спектаклю. Раввин Залман Иоффе читал Свиток Эстер, а взрослые и дети одинаково активно реагировали громким стуком и шумом трещоток. «Народ еврейский вечен, – сказал в своем выступлении раввин Иоффе. – Несмотря на чинимые ему препятствия, он жил, жив и будет жить».

Весело праздновали Пурим евреи города Юрги. Они собрались в клубе за столами с традиционными угощениями. А еврейская община города Волжский арендовала малый зал Дворца культуры строителей. Но и там оказалось тесновато. Ведь на еврейские праздники традиционно собираются волжане разных национальностей и вероисповеданий. Конечно, не обошлось и без молодежного пуримшиля. Сценарий ребята разыскали в Интернете, а поставить спектакль помогла им режиссер городского студенческого театра «Хоббитон» Анна Исакова.

Еврейская община Красноярска праздновала Пурим в Малом зале краевой филармонии; зал на семьсот мест был переполнен. После чтения Мегилас Эстер раввином Бенъямином Вагнером с праздничными поздравлениями обратились к собравшимся председатель КЕРО Яков Бриль, председатель совета Красноярской краевой еврейской национально-культурной автономии Наум Рашковский, представитель «Джойнта» в Сибири и на Дальнем Востоке Бенъямин Дамари. Публика тепло приветствовала гостей из еврейских общин Биробиджана, Улан-Удэ и Хабаровска, а также заведующего отделом по связям с общественными организациями Красноярской краевой администрации А. Данилова. В большом праздничном концерте выступил Академический танцевальный ансамбль Сибири имени С. Годенко с грандиозной феерией «Хава Нагила», проникновенно пели на идише солисты общины и вокальный ансамбль «Шалом», а бард Яков Кофман представил зрителям свои новые музыкальные

притчи. Концерт завершился большим цирковым представлением. В фойе публику уже ждали накрытые столы.

Не только в России, но и во многих городах стран СНГ евреи от души веселились в праздничные дни.

В Днепропетровске Пурим праздновали целую неделю. Все началось с грандиозного молодежного вечера в ночном клубе «Плотина»; его организатором стал студенческий клуб «Гилель». Не остались без внимания и самые маленькие члены еврейской общины. Для них прошел праздничный утренник с конкурсами и викторинами, с участием веселых клоунов и забавных кукол. В помещении Театра имени Шевченко состоялся праздничный концерт еврейских творческих коллективов города: песни и танцы, традиционная история Пурима в современной интерпретации и, наконец, красочное и яркое представление, которое автор и постановщик Михаил Колыванов назвал «Пурим по...». Около тысячи евреев пришли в этом году в синагогу «Золотая Роза», чтобы исполнить главную заповедь праздника. В этом году впервые отметили Пурим в недавно открытом Доме для пожилых людей: в гости к его жильцам приехали студентки колледжа «Бет Хана» и учащиеся еврейской школы «Ор Авнер – Хабад Любавич». Теплый семейный праздник прошел в пансионе для девочек, где живут дети из неблагополучных и малообеспеченных семей и сироты.

Несколько лет назад у евреев Днепропетровска родилась добрая традиция: приглашать на Пурим звезд эстрады. В прошлом году в гостях у общины побывал Роман Карцев, а в этом – Клара Новикова и известный исполнитель песен в стиле «русский шансон» Гарик Кричевский. Концерт с их участием прошел в Днепропетровском цирке, где в тот вечер собрались свыше двух с половиной тысяч человек. Поздравить еврейскую общину с праздником пришли мэр города Иван Куличенко, вице-губернатор области Сергей Бычков, а также руководители всех еврейских организаций города.

Звезды эстрады побывали в гостях и у евреев Донецка. Центральным событием празднования Пурима стал большой концерт на сцене Донецкого академического театра оперы и балета имени А. Соловьяненко, где выступали народные артисты России и Узбекистана Алла Йошпе и Стахан Рахимов. Вечер открыл главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий. В своем приветственном слове он поздравил всех евреев с праздником и пожелал им счастья. В чтении Свитка Эстер ему помогали главный моэль Украины Яков Гайсинович и дети – Мушка, Хаша и Мойше Вышецкие. Собравшихся поздравили почетные гости, члены блока «За едину Україну» народный депутат Украины Е.Л. Звягильский, первый заместитель городского головы А.А. Лукьянченко и председатель Ворошиловского исполкома Б.И. Адамов.

В этом году праздник отмечали евреи всех четырнадцати общин, входящих в Объединение еврейских общин Донбасса. В Макеевке Пурим проводил посланник донецкой общины раввин Менахем-Мендл Раскин, он читал Мегилас Эстер по настоящему рукописному свитку на иврите. В Мариуполе праздничными торжествами руководил другой посланник – реб Менахем-Мендл Блежинский, который читал Свиток Эстер на иврите вместе с председателем Мариупольской религиозной общины Моисеем Керцером.

Впервые в новой истории города Белая Церковь евреи слушали публичное чтение Мегилас Эстер. Всего несколько месяцев назад здесь открылось учебно-воспитательное объединение «Ор Авнер», педагогический коллектив и учащиеся которого приложили немало усилий для организации праздника Пурим. На праздничный вечер в Доме культуры «Сельмашовец» собрались более шестисот человек всех возрастов. С приветственным словом к присутствующим обратился председатель Белоцерковской еврейской общины Харитон Абрамович Берман. Почетный гость праздника мэр города Геннадий Шулипа заверил собравшихся, что он, со своей стороны, будет делать все для того, чтобы евреи могли свободно и спокойно возрождать свои национальные традиции. В концертной программе принял участие военный духовой оркестр 72-й механизированной дивизии, который исполнил попури из популярных еврейских песен.

Более трехсот подарков к Пуриму было изготовлено детьми еврейской общины Риги. Праздничный вечер в Большой гильдии начался с поздравления раввина Мордехая Глазмана и первого секретаря посольства Государства Израиль в странах Балтии Нахума Галя. А продолжился ярким красочным представлением учащихся двух еврейских школ – «Охел Менахем Хабад-Любавич» и школы имени Ш. Дубнова. А потом артисты Театра русской драмы вместе с ребятами показали веселый пуримшпиль. На праздничном карнавале были выбраны король и королева бала, торжественно вручены ленты «Мистер оригинальность», «Мисс фантазия», «Мисс трудолюбие» и призы за лучшие карнавальные костюмы.

Феерический Пуримский карнавал Ассоциация еврейских общин Казахстана устроила в алматинском Доме ученых. Мегилас Эстер читал председатель ассоциации раввин Йосеф-Меир Шейнер. Вне всякой конкуренции были костюмы ребят из Еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер – Хабад-Любавич – Гершуни», включающего детский сад и школу. На импровизированном подиуме дефилировали царицы Эстер, Мордехай, индейцы, клоуны и даже Дед Мороз. Разумеется, все участники конкурса костюмов получил призы. Карнавал длился до наступления звезд, а следующим утром возобновился в комплексе «Ор Авнер – Хабад-Любавич – Гершуни». Празднование Пурима в Алматы широко освещалось казахстанскими средствами массовой информации.

Ī ī à ò à ð è à è à ì à ò è ò è ĩ ð ð à ĩ ĩ à à ĩ ò ĩ à

ПУРИМ В «ЛЕХАЙМОВКЕ»

Можно ли повернуть вспять колесо истории? Существует ли машина времени? Можно ли попасть в прошлое? Сомневаетесь? Поверьте нам: в Пурим возможно все!

Кому – нам? Еврейскому женскому клубу «Хая-Мушка» города Луганска. Клоуны – лейцаним повернули стрелку фантастической «машины времени», и мы очутились в еврейском местечке начала 20 века в канун Пурима.

Ā ū ĩ à á ū à à è è à à à ð è ĩ ĩ ĩ

ì à ñ ò à : è à ?

Ī à è à ð ū ĩ à ò ó ĩ ð è ã ò ĩ à è ò

à à ĩ à ĩ à : è à

Ī ĩ ð ò ĩ ĩ é ĩ à ĩ ù é è ó : ò è é

è ĩ ñ ò ĩ à ĩ à ĩ ò à : à à ò ,

È è à è ç ĩ à ð ĩ à ĩ è ð è ĩ è à

à ó ó à ĩ ĩ ĩ ñ ñ à à à ò ...

И вот местечко оживает, все переодеваются и заселяют свои дома. По общему согласию местечко решено называть «Лехаймовка». И вот мы уже на пуримском празднике – сначала в доме сапожника и портного, потом слушаем историю в доме учителя, веселимся с клейзерами, учимся мудрости у раввина, смеемся вместе с пекарями, восхищаемся мастерством цирюльников. Наше местечко стало реальностью.

А «колесо истории» между тем уносит нас еще на 25 веков назад. Появляются герои событий, происшедших в древней Персии, – Эстер, Мордехай, Ахашверош и, конечно же, Оман в сопровождении своих «ушей». Веселый пуримспиль вновь рассказывает о чуде спасения евреев.

В этот вечер более 90 гостей праздника забыли о повседневных заботах.

Необычно был оформлен интерьер зала. Скатерти из мешковины, стожки сена, старинная утварь унесли наших гостей во времена прабабушек. А оменташн женщины получили в подарок в мешочках – как посылку из прошлого.

Ребецн Хана Гопин, говоря о мудрости Эстер, напомнила, что в Персии у царицы были единомышленницы, которые поддерживали ее в трудные дни поста. Каждая женщина должна себя чувствовать посланницей в своем доме, в семье, нести с собой еврейский дух. Вот и мы все уже третий год собираемся в нашем клубе, учимся выполнять традиции и заповеди еврейского народа. Все чаще в клуб приходят все новые женщины, приводят своих подруг.

Этот Пурим запомнится нам надолго. И в этом – большая заслуга активистов клуба Исаны Розенковой, Татьяны Бухало, Марины Боглачевой.

С новой программой выступил наш танцевальный ансамбль «А-шейне мейдале».

Дарэаі à І аіадыеіаа

ПОСЛАННИКИ ИЗ ИЕРУСАЛИМА ПРОВЕЛИ ПРАЗДНИК В ОБЩИНЕ

Содержательно и весело прошел Пурим в еврейской общине Петрозаводска.

А генератором энергии и образцом высокого профессионализма стали молодые люди, приехавшие к нам из Иерусалима – Аси и Рут Каниэль, сразу же включившиеся в жизнь нашей общины. Их приезд оказался возможным благодаря помощи наших друзей из Тюбингена – общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе и Денкендорфского круга, взявших на себя финансовые расходы этого визита. За неделю Аси и Рут провели беседы и встречи в молодежном клубе, в дневном центре «Хеседа Агамим», занятия в школе «Йом Ришон», а также отметили Шабос с молодежью и пожилыми людьми. Неоценимо их участие в праздновании Пурима в школе «Йом Ришон», общине, синагоге. Везде молодые люди дарили свет своих душ, делились своими знаниями... Красивый голос Аси, читавшего Мегилас Эстер, дополнял неповторимую атмосферу Пурима. А Рут всегда готова была прийти на помощь с комментариями и дополнениями.

Мишлоах монос, присланные Федерацией еврейских общин России, и хорошее угощение на общинном празднике также способствовали всеобщему веселью. Пурим в общине Петрозаводска удался на славу!

יְיָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה

עֵת הַדָּבָר יִי אָמֵן

«ХАССИДЕЙ ХАБАД ЛЮБАВИЧ»: ВОСЕМЬ ЛЕТ РАБОТЫ В ЛИТВЕ

Своим безудержным весельем и карнавалом Пурим ворвался во все еврейские детские сады, школы и «взрослые» организации Литвы. Однако самым громким аккордом этой торжественной симфонии стало празднование Пурима в престижном зале Дворца конгрессов Вильнюса, вмещающем тысячу человек. Такой наплыв людей не вызывает особого удивления: ведь в этот день отмечалось также восьмилетие республиканской еврейской религиозной общины «Хассидей Хабад Любавич». Раввин Шолом-Бер Крынский поздравил собравшихся с праздником и предоставил слово сотруднику посольства США в Литве г-ну Давни. Выступивший с приветственной речью г-н Давни подчеркнул, что народ лучше всего можно узнать через его праздники, так как именно праздники прекрасно отражают его национальные и религиозные традиции. Собравшихся поздравил и бессменный председатель общины евреев Литвы Симон Алперавичус и директор Еврейского музея, председатель президентской комиссии по Холокосту Эмануэлис Зингерис. А потом сцена была предоставлена учащимся еврейской средней школы «Дом Менахема», которые с детской непосредственностью разыграли историю чудесного спасения евреев в Персии много веков назад.

Дорогим пуримским подарком собравшимся на вечере стало исполнительское мастерство московского мужского еврейского хора «Хасидская капелла» под управлением Александра Цалюка, впервые выступившего в Литве.

Во втором отделении вечера раввин Шолом-Бер Крынский прочитал Мегилас Эстер. Праздник явно удался; в этот вечер были подобраны ключи к сердцам многих, сидевших в зале, всех, кто почувствовал живой пульс возрожденной еврейской общины.

Аיִסֵּט אֵסְטֵר אֵי

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПУРИМ – ЛЮБИМЫЙ ПРАЗДНИК ЕВРЕЙСКИХ «КАВЭЭНЩИКОВ»

Уже сотни лет, поколение за поколением, евреи ставят спектакли по одному и тому же классическому сценарию, но выходит каждый раз по-новому. Команда КВН Израильского культурного центра Днепропетровска была приглашена в Киев для участия в праздничном юмористическом концерте. Специально к этому выступлению участники команды подготовили новую программу, которую не стыдно было показать на главной сцене страны – во Дворце «Украина». В концерте также принимали участие детская студия при синагоге, команда КВН «Три толстяка», театр КВН ДГУ и, что особенно интересно, Клара Новикова. Вел программу Евгений Чепурняк. В финале все участники концерта под аплодисменты четырех тысяч зрителей получили призы от организатора вечера – Центральной синагоги Киева.

ВСТРЕЧА ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В Днепропетровске прошел седьмой лагерь «Бостон – Хайфа – Днепропетровск». Этот проект носит название «Вдохновение» и направлен на укрепление и развитие связей еврейской молодежи всего мира. В работе нынешнего лагеря участвуют школьники из Бостона и Хайфы, которые приехали с миссией расширения идишкayта на Украине. С днепропетровской стороны в проекте принимают

участие лидеры еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич». Программа лагеря насыщена и разнообразна. В числе прочих мероприятий гости ездили на экскурсии, готовили карнавальные маски к празднику Пурим, разучивали украинские песни, побывали на дружеской встрече в молодежном клубе «Яхад» Израильского культурного центра.

КУРС МЕНЕДЖМЕНТА И ЛИДЕРСТВА

В Днепропетровском институте социальных и общинных работников проходил семинар директоров малых хеседов из цикла «Курс менеджмента и лидерства для директоров хеседов». В ходе семинара изучались вопросы, связанные с личностью и ее структурой, с проблемами мотивации. Рассматривались типы руководителей и стили руководства, вопросы менеджмента и работы с волонтерами. Было уделено внимание и темам «Идишкэйт в работе руководителя» и «Философские аспекты иудаизма».

ПЯТИЛЕТИЕ КЛУБА «ГОВОРЯЩАЯ КНИГА»

Отметил свое пятилетие клуб слабовидящих днепропетровского благотворительного фонда «Хесед Менахем». Благодаря работе «Говорящей книги» десятки евреев смогли стать полноценными членами нашей общины, почувствовать себя нужными, найти друзей, расширить круг общения. Директор «Хесед Менахем» Игорь Кижнер, руководитель клуба Виктория Опаленко и многочисленные гости тепло поздравили собравшихся с двумя праздниками сразу – Пуримом и пятилетием клуба.

יְיָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

НАГРАДЫ В ЧЕСТЬ ДНЯ ЗАЩИТНИКА

ОТЕЧЕСТВА БЫЛИ ВРУЧЕНЫ ВЕТЕРАНАМ

В ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ СИНАГОГЕ

Накануне Дня защитника Отечества состоялась встреча главы администрации президента Украины Владимира Литвина, губернатора Днепропетровской области Николая Швеца и мэра Днепропетровска Ивана Куличенко с членами совета евреев – ветеранов Великой Отечественной войны и еврейской общественностью города, которая состоялась в Хоральной синагоге «Золотая Роза». Среди собравшихся в этот день в синагоге были не только ветераны Великой Отечественной войны, но и люди среднего возраста и молодежь – учащиеся еврейской школы «Ор Авнер» и студентки женского педагогического колледжа «Бет Хана». Приветствуя высоких гостей, главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий отметил, что еврейская община города достигла столь впечатляющих успехов благодаря постоянной поддержке и заботе со стороны властей. «В нашей области, – сказал раввин Каминецкий, – живут представители 44 национальностей в мире и согласии, сплоченно работая во имя общей цели – процветания независимой Украины». Председатель областной государственной администрации Николай Швец подчеркнул в своем выступлении, что еврейская община Днепропетровска вносит важный вклад в развитие области, ее социальные и благотворительные программы помогают десяткам тысяч людей, а культурные проекты и инициативы привлекают внимание широкой общественности. Руководитель администрации президента Украины Владимир Литвин также, в свою очередь, выразил восхищение деятельностью Днепропетровской еврейской общины. Он подчеркнул, что на Украине нет места государственному антисемитизму, что делу укрепления добрососедских и уважительных отношений между всеми национальностями, составляющими единый народ Украины, всегда обращено пристальное внимание со стороны президента и его администрации.

Поздравив собравшихся с праздником Защитн

ика Отечества, Владимир Литвин вручил ветеранам и участникам Великой Отечественной войны высокие государственные награды. В завершение встречи состоялось выступление хора ветеранов еврейской общины Днепропетровска «Бейт-Барух».

יְדִיאִי וְאִי אֶת הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ אֲנִי אֶתְפָּאֵר

ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ СОВРЕМЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ?

«Конечно, учить детей... Что же еще?» – скажет непосвященный. Но тот, кто знает ежедневный труд учителя, только усмехнется. Ведь сколько всего нужно знать, чтобы провести урок на современном уровне! А кроме уроков... Во-первых, общаться с родителями. Во-вторых, иметь художественный вкус, чтобы, например, оформить класс к празднику. В-третьих, нужно знать игры и тренинги, делать физические упражнения, нужно уметь рисовать и моделировать, писать сценарии, танцевать, фантазировать, перевоплощаться, наконец...

А еще нужно уметь петь... Не удивляйтесь! Как оказалось, учителя школы «Ор Менахем» еврейской общины Донецка петь умеют, да еще как! Ансамбль «Симха» под руководством Евгении Шор занял первое место сначала на районном, а затем и на городском конкурсах учительской самодеятельности. Победа всегда приятна, но эта победа приятна вдвойне: ведь наши учителя с огромным успехом исполнили попури на темы еврейских песен. Стройное трехголосие покорило уважаемое жюри, а когда звучала «Хава Нагила», никто в зале не мог остаться спокойным: зрители аплодировали и подпевали нашему ансамблю. По итогам областного фестиваля «Творчество-2002» участникам ансамбля «Симха» были вручены дипломы и общий приз – кофеварка.

Аאי אֵיֵנוּ

ГУБЕРНАТОР АЯЦКОВ ПОСЕТИЛ

ЕВРЕЙСКУЮ ШКОЛУ

В единственной в Саратовской области Еврейской общеобразовательной школе обучаются дети из городов Саратова и Энгельса. Поэтому не случайно, что к ней обращено особое внимание не только министерства образования области, но и областного правительства. Недавно школу посетили губернатор Саратовской области Д.Ф. Аяцков и мэр Саратова Ю.Н. Аксененко. Среди гостей также были заместитель председателя правительства Саратовской области, министр международных отношений и внешнеэкономических связей Б.Л. Шинчук, уполномоченный по правам человека в Саратовской области А.С. Ландо и заместитель министра образования областного правительства И.В. Ткаченко.

Высокопоставленных гостей встречал главный раввин Саратова и Саратовской области Яков Кубичек, он показал им учебные и компьютерный классы, а также хореографический, театральный и спортивный залы. Учащиеся школы познакомили губернатора с традициями и обычаями еврейского народа. Большое впечатление на гостей произвели макет Стены Плача, которой установлен в фойе школы, уголок Шабоса и стенд, посвященный еврейским праздникам. В подарок учащимся губернатор преподнес комплект спортивного инвентаря.

Мargarита Карлышева

ПОСОЛ США В РОССИИ ИСПОВЕДУЕТ ИУДАИЗМ

7 марта Чрезвычайный и Полномочный Посол США в Российской Федерации Александр Вершбоу встретился с главами и представителями религиозных конфессий Татарстана – председателем Духовного управления мусульман, муфтием Республики Татарстан Гусманом хазратом Исаковым, архиепископом Казанским и Татарстанским Анастасием и председателем Казанской иудейской религиозной общины Александром Вельдером.

В беседе за круглым столом Гусман хазрат, в частности, заметил, что после 11 сентября иностранные журналисты зачастили в нашу республику. Один из американских журналистов признался: «Если сто журналистов посылают за рубеж, то пятьдесят человек едут в Афганистан, чтобы узнать, почему там воюют, другая половина направляется в Татарстан, чтобы выяснить, как здесь мирно уживаются столько конфессий. Можно сказать, что сегодня модель Татарстана, модель толерантности – пример не только для России. Наши прадеды приняли ислам свыше 1100 лет назад добровольно, и нам не надо что-либо новое придумывать, а надо вернуться к истокам, вспомнить про мудрость и терпимость наших предков».

О деятельности православных приходов, монастырей, духовной семинарии, а также о работе с молодежью рассказал гостям архиепископ Анастасий. Отвечая на вопрос корреспондента агентства «Татар-информ» о том, что полезного могли бы извлечь гости из визита в Татарстан, архиепископ ответил: может быть, это кого-то и удивляет, но у нас представители нескольких конфессий могут собираться за одним столом.

На вопрос журналистов, адресованный американскому послу, какую религию он исповедует, г-н Вершбоу сообщил: иудейскую. Он поинтересовался делами еврейской общины в Казани, которой более десяти лет. Здание синагоги было передано ей в 1995 году; ранее иудеям приходилось совершать религиозные обряды в частных домах.

В заключение г-н Вершбоу отметил, что находится под большим впечатлением от того, как ведутся дела в республике. Татарстан действительно для всего

мира может быть примером толерантности, терпимости и мирного сосуществования разных этнических групп и религиозных конфессий.

Ī ī àò àèèàèài èí óí òì àòèíííā àáí ò òò àì

«Òà ò àò-èí óí òì»

НЕУГАСИМАЯ СВЕЧА

В Вильнюсе вот уже третий год отмечается йорцайт (годовщина смерти) ребецн Хаи-Мушки Шнеерсон. По этому случаю около 200 женщин собрались в ресторане вильнюсской гостиницы «Шарунас». Букеты цветов на сцене и столах, свечи, праздничная сервировка создавали торжественную атмосферу и располагали к искреннему разговору.

Встречу открыла вдохновитель и создатель новой традиции – ребецн Дина Крински, которая и рассказала собравшимся о жизни Хаи-Мушки Шнеерсон, особенно подчеркнув, как эта скромная женщина участвовала в распространении хасидизма. Честь зажечь свечу в память ребецн Шнеерсон была предоставлена ее тезке – Мусе Герман.

А потом бразды правления перешли в руки ведущей Жанны Скудович, обаятельной женщины, матери пятерых детей. Состоялся интересный разговор о жизни еврейской женщины от рождения до хупы: как дают имена еврейским девочкам, что означают некоторые из них, почему девочка с трехлетнего возраста зажигает субботнюю свечу, что в еврейской традиции символизирует бас-мицва и многое другое. Рассказ ведущей перешел в инсценировку обряда хупы в исполнении учениц школы «Бейс Менахем».

Собравшиеся тепло встретили выступление солистки Вильнюсской государственной филармонии Юдиты Лейтайте, исполнившей «Колыбельную», а также всеми любимую «А идише маме». Очень проникновенно выступили участницы женской хоровой группы общины евреев Литвы. Замечательно играла на скрипке ученица гимназии искусств Рашель Бялик.

Еще долго об этой встрече будут напоминать полученные в подарок книги Глюкель фон Гамельн «Рассказ от первого лица» и портрет ребецн Хаи-Мушки Шнеерсон.

Ààèèà Ààèèèíā

«Я ВЛЮБИЛСЯ В ИЗРАИЛЬ... ЕЩЕ РАЗ»

Недавно завершилась поездка в Израиль по программе ТАГЛИТ – «По праву рождения» для молодых людей в возрасте от 17 до 26 лет, организованная Birthright international, а также Федерацией еврейских общин СНГ, «Гилелем», Еврейским агентством в России и посольством Государства Израиль. Группу еврейской молодежи из Татарстана возглавлял главный раввин республики р. Ицхак Горелик, который делится своими впечатлениями с читателями журнала «Лехаим».

– Эта поездка оставила во мне самые светлые впечатления. И не только потому, что я вновь побывал на земле, где очень долго жил, но и потому, что у меня была возможность увидеть, какой стала эта страна сегодня. Можно быть, впервые в жизни мне удалось просто посмотреть на нее, побродить по тихим улочкам, прочувствовать пульсирующую на этой земле жизнь. Даже когда я приезжаю в Израиль на месяц, мне совсем не хватает времени. Но в этот раз программа была составлена так, что мы увидели Израиль со всех сторон: нам показали не только места важных исторических событий, но и современных трагедий. И я считаю, что это очень важно, потому что нужно знать обо всем, что происходит вокруг.

Думаю, что поездка не была бы такой живой и интересной, если бы не наши гиды-мадрихи. Ведь очень многое зависит от того, как рассказывать о тех или иных событиях, и эти ребята обращали наше внимание не только на подробности израильской истории, о которых обычно говорят экскурсоводы, но подмечали и такие детали, которые часто опускают. Порой даже израильтяне, всю жизнь прожившие в этой стране, не знают этих фактов.

Многие из ребят приехали из России, у многих дома находятся в самых опасных районах Израиля, и им приходится жить с оружием в руках. Но это их не пугает, и они чувствуют себя уверенно – ведь это их страна.

Программа нашего пребывания в Израиле не была религиозной, но мне очень понравилось празднование Шабоса, в котором приняли участие около двухсот человек, и хотя мы не были знакомы до поездки, во всем чувствовался дух единства еврейского народа. Это чувство не покидало меня в течение всех девяти дней: кажется, будто все тебе здесь знакомо – и на улицах, и в синагоге, и у Стены Плача. Несмотря на принадлежность израильтян к различным политическим движениям и общинам, чувствуется, что это твоя семья и твой дом. Сближало и то, что ребята смогли ближе узнать меня, а я их. В повседневной жизни у нас часто такой возможности нет.

В Израиле есть три вещи, которые нельзя отделить друг от друга: страна, народ и Тора. И каждый еврей должен обязательно познакомиться со своей землей. Не важно, где мы живем сейчас и где будем жить когда-то, важно, что это наша страна.

Я влюбился в Израиль еще раз!

ПЕРВЫЙ СОВЕТЧИК И НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ АВТОРИТЕТ

Красноярское еврейское религиозное объединение провожает в Израиль своего председателя Якова Бриля. Говорят, что незаменимых людей не бывает, но все же восполнить то, что уходит вместе с Яковом Вольфовичем, красноярским евреем будет нелегко. Он вырос в еврейской семье на Украине, в Жмеринке, но, как и большинство советских евреев, был далек от иудаизма, никогда не держал в руках Тору и не бывал в синагоге. Лишь в конце перестройки, когда в Красноярске, как и по всей России, начали открыто работать первые еврейские организации, сорокалетний доцент, кандидат технических наук, читающий курс электроники в Красноярском политехническом институте, решил помочь активистам-основателям благотворительного общества «Эзра» в распределении гуманитарной помощи. Потом – неподдельная заинтересованность ставшими доступными Торой, сидуром, книгами по иудаике и новой еврейской периодикой, знакомство с первым председателем еврейской общины Красноярска покойным Владимиром Соломоновичем Лурье, а главное – с первым раввином, приехавшим работать в Красноярск из США, Шмаей Гликом. С 1996 года Яков Бриль – бессменный председатель совета красноярского еврейского религиозного объединения. Именно в этот период была проведена реконструкция небольшого кирпичного домика в уютную синагогу с оградой и благоустроенным участком, где установлен памятный камень, погибшим евреям. (Все это, кстати, стало примером для многих конфессий в Красноярске.) В эти годы происходит строительство общественно-культурного центра, уже завершена кладка на смежном с синагогой участке. Хочется особо отметить замечательный организационный талант Якова Бриля. Кажется, что ему без труда удастся заинтересовать, привлечь, объединить для благого дела множество людей и организаций. Деятельность Бриля снискала высокий авторитет не только в Красноярске, где к его мнению прислушиваются и в краевой администрации, и в городской мэрии, но и во всем нашем регионе.

В числе инициативной группы он участвовал в организации Федерации еврейских общин России, являлся членом президиума первого и второго съездов ФЕОР, координатором общин ФЕОР Сибирского региона.

Все высокие гости Красноярска: главный раввин России Берл Лазар, один из духовных лидеров российского еврейства Адин Штейнзальц, почетный вице-президент «Джойнта» Ральф Гольдман и многие другие – неизменно отмечали высокую эффективность его работы.

В красноярской общине 54-летний Яков Бриль – первый советчик и непререкаемый авторитет. Желая ему огромного благополучия и счастливого

воссоединения с семьей на Земле Обетованной (у него в Израиле мать, родной брат, дочь, сын, внуки), мы, красноярские евреи, верим, что наше общение с Яковом Вольфовичем не прервется, его всегда будут рады видеть в нашем городе. И мы надеемся, что он немало еще сделает для нашей еврейской общины.

Ī ēōāēē Ēēñēāñēēē

Ī ĩāñōē Ōāñāōēē āāāēñēēō ĩāñēē ĩĳāāō ĩāēēā Ēōēĳā Īāñāā

ЭВЕЛИНА ШАЦ: МЕЖДУ МИЛАНОМ И МОСКВОЙ

Эвелина Шац родилась в Одессе и уже давно переехала в Милан. Однако так вышло, что в 1998 году нить ее судьбы протянулась к Москве — вот и живет наша героиня с той поры между двумя, можно сказать, полюсами – Миланом и Москвой, в вечном движении.

Эту женщину с разносторонностью ее талантов я уподобил бы мастерам эпохи Возрождения. Судите сами: двуязычный поэт и эссеист, Эвелина пишет на итальянском и русском, и ее публикуют в европейских журналах. Кроме того, она искусствовед, художник, режиссер, журналист и даже синхронный переводчик высшего международного класса. К тому же она занимается музыкой и проектами мультимедиа. Недавно Эвелина Шац снова побывала в Москве, где мы, наконец, встретились, и она поведала мне кое-что о своем творчестве и неожиданных зигзагах судьбы.

– Дорогая Эвелина, можно узнать, откуда в вас все эти разнообразные таланты и такая воля к самореализации?

– Воспитала меня мать, но творческие способности я унаследовала от отца-художника, Эммануила Шаца. Он родился в 1916 году в Виннице, а я появилась на свет в Одессе. Нас обоих отличал неукротимый южный темперамент, помноженный на амбиции. Но прежде чем амбиции станут профессионально подкрепленной реальностью, нужно пройти долгий и кропотливый путь ученичества.

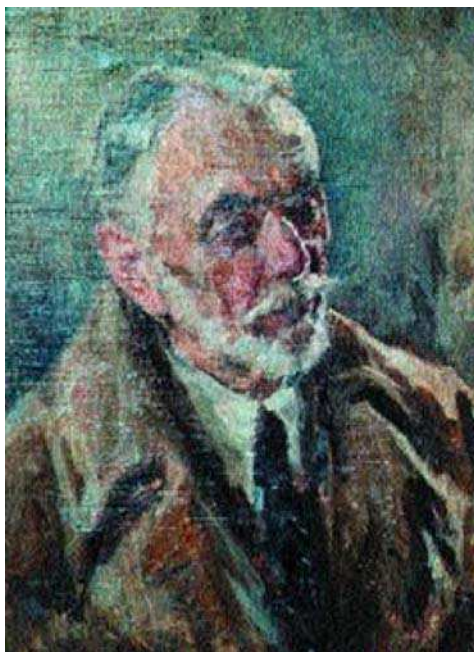
Амбиции отца никак не укладывались в рамки неспешного и небогатого событиями провинциального быта Винницы. Сначала он на два года поступил в декорационную мастерскую местного театра, надеясь приобрести навыки, необходимые для дальнейшей учебы, а в 1931 году отправился в Одессу, в художественное училище, где его учителем стал художник Силануди (впоследствии отец написал два его портрета, один из которых я собираюсь передать в дар одесскому музею).

В училище отец познакомился со своей будущей женой, моей матерью, она занималась в классе керамики. Оба они оказались в числе тех лучших учеников, которых направили в ленинградскую Академию художеств. Так Одесса и не успела стать городом, покоренным искусством Эммануила Шаца, о чем он втайне в юности мечтал. Справедливости ради замечу: сделать это было бы непросто, ведь одесситы – народ, избалованный местными знаменитостями и гастролерами самой высшей пробы, а потому капризный и привередливый.

– Когда ваши родители отправились в Ленинград, то были, как я знаю, последние годы «золотого века» ленинградской и московской академий художеств. В их стенах соседствовали самые разные школы живописи, еще не загнанные окончательно в прокрустово ложе соцреализма...

– Да, вы правы. Отец тогда попал в ученики к Осьмеркину. Однако в основу его творческих поисков легла не собственная живопись: преодолев соблазны авангардизма, отец всегда оставался «чистым» реалистом. Но русское искусство XX века достигло наибольших высот именно в авангардизме.

Техникой живописи талантливый Осьмеркин владел безупречно. Хотя в то время это было не редкостью среди художников. В отличие от них сегодняшние уделяют больше внимания усложненной творческой мысли. Одним словом, школу мой отец Эммануил Шац прошел отличную. Его лучшие работы хранятся в Третьяковской галерее, Русском и нескольких провинциальных музеях.

Yi i ai oee Oao. Aao i i o o dao.

– В детстве вас интересовало, чем занимаются родители?

– Конечно. Я бывала в их художественных мастерских. Вспоминая эти посещения сейчас, я уже как искусствовед оцениваю окончательный отказ отца от «рецидивов» формалистического искусства и думаю: все же его реалистическая живопись несла в себе отпечаток современных ему художественных поисков. Классические формы его живописи не были приспособленчеством. И политико-агитационные заказы, и работы «для души» он делал в одном живописном ключе. Для себя отец писал на пленэре и там отходил от далеко не всегда творчески интересных заказов. Его работы напоминали (но не были подражанием!) Левитана или Поленова. Архаика в его полотнах сочеталась с внутренней напряженностью современных мастеров. Эта напряженность ассоциируется у меня с вертикальным разломом на горизонтальной плоскости изображения.

– А каким в жизни был ваш отец?

– ...Он был вдохновенным бабником. Это, думаю, его второе призвание. С детства помню многочисленных папиных поклонниц, благоухающих и импозантных. Даже когда мать лежала в гипсе, он успешно сочетал заботливость еврейского мужа с ненасытным донжуанством. Кончилось тем, что отец с мамой разошлись, он отбил жену у своего друга композитора Спадавеккиа и женился во второй раз.

В доме отца стали появляться люди, причастные к музыке, профессионалы. Среди них – Шостакович, Хачатурян и... Антонио Спадавеккиа, дружба с которым выдержала испытание женщиной. Когда-то предки Антонио из-за своих пассий совершали отчаянные поступки, и, очевидно, это способствовало его философскому отношению к неожиданностям собственной супружеской жизни. Например, его бабушка сбежала с юга Италии на углой лодочке и объявилась со своим рыбаком в Коктебеле. Их сын стал капитаном дальнего плавания, а внук, Антонио, – композитором.

Отец же как личность был очень противоречив. Я редко встречала хоть отчасти подобных ему. Находясь под пристальным вниманием в стране Советов, его щедрая творческая натура не знала слады и в судьбе, и «грех» его еврейства (в России нет, наверное, ни одного еврея, который не испытал бы связанных с национализмом проблем) усугублялся отягчающими обстоятельствами: одна жена в прошлом была американкой немецкого происхождения, вторая – аристократкой...

Далеко не всегда безобидные проказы и – прямо скажем – отвратительные поступки сочетались в нем с чувством гражданской ответственности и искреннего патриотизма. Во время ленинградской блокады отец до последних дней, пока не обессилел от голода, принимал участие в обороне города от нацистских войск. Проходившей по Ладожскому озеру «дорогой жизни» (часто становившейся дорогой смерти) отца и мать вывезли на грузовиках из осажденного города, и они попали в разные больницы где-то на Урале. Матерей с детьми почему-то не сажали в одну машину, и нередко мальчики и девочки видели, как машина с самыми дорогими им людьми уходила под лед. Или наоборот, на глазах родителей погибали дети.

– Вы говорили, что отец был способен на отвратительные поступки. Что вы имели в виду?

– Об этом нелегко вспоминать... Словом, родной отец донес на меня в МГБ. Оказалось, что гений и злодейство «вещи совместные» (впрочем, гением отец не был, но талантом обладал бесспорно). Отношение нашего народа к семье известно, и после того, что отец сделал в отношении меня, для знакомых евреев он стал изгоем. Но раз уж мы заговорили об этой истории, я расскажу о себе, так сказать, об основных вехах своей жизни.

Одесса, где я родилась, город с очень специфической энергетикой и населением. Неповторимым стилем общения и особым колоритом он обязан, главным образом, своему национальному многообразию: там жили украинцы, русские, греки, армяне и, конечно же, евреи – главные герои почти всех одесских анекдотов. Писателей и поэтов отличала, кроме национальных особенностей творчества, общность одесских корней. Стало привычным понятие «одесский писатель». Не украинский, армянский или еврейский, а именно одесский (хотя, справедливости ради, стоит упомянуть, что большинство их были все-таки евреи, которых, как и других деятелей одесской культуры, нередко отличал психологически довольно органичный интернационализм).

В Одессе я окончила школу и поехала в Москву, где поступила на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ, а позже по тому же профилю окончила Миланский университет.

Ñeëääáí ü

Í à-èíàÿ ñ Biennale di Venezia (Ááíáöëÿ, 1978), Ýáäëèíà Ðáö áññòääëÿàò á Èòàëèè è çà ðáááëíì ïáíè ðóëí'òáí'ðí úá éí èä-íáíáéòú è ì àëí'òèððáëí úá ðááëèá èçááí èÿ, áëçááëíí òð í íÿçëð, éíí'òáí'òááëíí úá ðááí'òú, à ñ1996-á - ïéçéíí'òóòú è éí'íòàäëÿöèè.

– Как вам удалось в те годы вырваться в Милан, за «железный занавес»?

– В университете я познакомилась со студентом-итальянцем. В Москве была целая колония итальянских коммунистов, которые в конце 1950-х убежали из Италии в СССР – даже без паспортов: чтобы учиться «на родине Ильича». Паспорта им потом выдали в посольстве. Правда, к тому времени итальянские студенты полностью избавились от иллюзии, что попали в страну, олицетворяющую светлое будущее человечества.

Мой будущий муж, окончив Миланский университет, стажировался на историческом факультете МГУ. Когда отец узнал о серьезности наших намерений, он страшно перепугался и, чтобы окончательно не уронить свой и без того небезупречный статус дважды женатого на «сомнительных особах» еврея, «настучал» на меня в соответствующие органы: «Моя дочь встречается с иностранцем, к чему лично я не имею никакого отношения». После чего запер меня в квартире и забрал все мои документы. Выручила подруга — она вывела меня из дома в одном халатике. Больше я к отцу не вернулась. А документы получила новые – «взамен утерянных».

После этого «органы», как водится, трясли всех моих подруг, близких и дальних, пытаясь выяснить, как я опустилась до «измены Родине». А когда я все-таки вышла замуж, меня допрашивали в МВД, здание которого находилось за московским телеграфом. В лагеря за подобное «преступление» в те годы уже не отправляли, и особысты ограничились допросом с пристрастием. Чаще других звучал гневный вопрос: «На черта вам сдался этот хилый дохляк-итальяшка, к тому же серьезно больной? Мы найдем вам хорошего русского парня – косая сажень в плечах...» Воспитанная на русской литературе, я с пафосом объяснила им, что не предаю свою любовь и готов ради нее хоть в Сибирь. А если самый близкий человек болен – мое место у его постели... Поняв, что я бесповоротно зациклилась на «дохляке» и наотрез отказываюсь от «сажени», эмгебешники, наконец, оставили меня в покое.

– **И вы оказались в незнакомой стране, не зная языка...**

– Поначалу я пыталась объясняться по-немецки, но итальянцы делали вид, что не понимают меня. После очередной безуспешной попытки я пожаловалась на это мужу — он коротко ответил: «Хорошо, что не убили». После войны прошло не так уж много времени, и итальянцы стойко отождествляли немецкий язык с нацизмом (о том, что это язык Шиллера и Гете, Моцарта и Бетховена они вспомнили значительно позже).

По какой-то сложной ассоциации я возвращалась к впечатлениям детства: у бабушки была подруга-немка, и они отлично понимали друг друга, хотя одна говорила на идише, а другая – по-немецки.

«Èç îãÿ äà á îîëùì ÿ». 2001, Î îîëää

В Италии я чувствовала себя очень странно. Мне казалось, что я попала в средневековье. По законам этой страны жена за измену могла попасть в тюрьму, а муж за тот же грех не нес никакой ответственности. Развестись было невозможно. Впрочем, ни изменять мужу, ни разводиться с ним я не собиралась, но итальянский домострой меня удивил.

Итальянцы – народ общительный, доброжелательный и, кстати, абсолютно чуждый антисемитизму. В фашистской Италии очень многие семьи прятали евреев и от немецких нацистов, и от собственных выроdkов. Много сделала и католическая церковь, тайно переправлявшая итальянских евреев в Швейцарию. Правда, меня как приехавшую из СССР держали за русскую и относились с обостренным любопытством, вроде как к инопланетянке. В каком-то смысле они были правы... Что касается меня, то я очень скоро забыла, что совсем недавно считалась в родном отечестве человеком второго сорта.

– **Ваши сборники стихов на итальянском убеждают, что на новой родине вы натурализовались без особых усилий. И раз уж я упомянул стихи, пора поговорить о вашем искусстве...**

– Язык я выучила очень быстро и в 1967 году написала первое стихотворение по-итальянски. А в 1976-м вышла моя первая книга – сборник написанных за десять лет стихов. Рецензии на книгу были хорошие, меня стали приглашать на телевидение. А спустя 30 лет после первого итальянского стихотворения я вдруг стала писать стихи по-русски.

Сегодня читатель воспринимает поэзию не столько сопереживая, сколько через визуальный образный ряд. Проще говоря, мы не столько читаем, сколько смотрим. Вскоре должна выйти книга «Словарь образов Эвелины Шац», ее авторы — два итальянских филолога и один системный аналитик. Для меня их работа очень важна. Один из авторов книги написал: «В стихах Эвелины Шац – целый набор рифм и ритмов для русских поэтов XXI века».

– И что вы об этом думаете?

– Честно говоря, мне эти слова очень польстили!

Мои стихи близки к авангардным, но это не то. Например, в стихотворении «Этюд оптимизма» на современный русский авангард намекают только отсутствующие знаки препинания:

В Çĭĕóóĕà ě Ēĭđĭĕááá
ĕ áĭò óĕá í á ĭ ĩĭáĭĭò ũ á ĕááđò ě đá
ĕáĕ çĭĭ ò đáĭĕđŭĕá ò đááđĭ ũĕ óáò áđ
áĭĕáí í áŷ áĭĕááĭ ĭĭáí í ěĭ ĭ ĭđĭĭĕá
ĕ ĭŭđĭĭò ũ ĕĕĭò ũáá ĭ đĭĭ ěĕáĕá á ò ĭ ò
óáò áđ
ĕ ĭ ááĕáí í ĭ áĭĕĕá á đŷ: óĭ çĭĕó
ĕ Çĭĕóóĕà áĭá áĭĕŭóá Ēĭđĭĕááá

А любителям чисто авангардной поэзии, возможно, понравится ассоциативный ряд, наводящий читателя, по моему замыслу, на философские размышления:

В-ááá
đáĭò, ò ĭ đááđáŭ áŷĭŭ á çááĭ đŭ
á ĭ đááđááŭ
ĕáò áá áđáĭ áĭ í ĩĕ ĭ! ò đááŭ
ĕáđò áŭ ĕáđĭáĭ ĕ ĕáò áá
òĭ áĕóŭĭ áđááááĭ ŭŷ áđáĭ áĭ ĕ
ĕ ò đááŭ ĭ ĭáĭĕ ěĭááĕ
ĕáĕ ĭ ŭĭĕĕ ĕĕĭŭ óò á ĭ ò đááá

â eëpâi ó ã eëóäy.

В итальянскую поэзию я вношу ритмичность и беглую рифму русской поэзии, которую итальянская утратила лет сто назад. А в стихах на русском я часто использую новую рифму, не классическую. Могу начать стихотворение в одной манере, а кончить в другой...

Поэзия выводит меня на предметы, работы с которыми я называю археологией будущего: собираю осколки битой посуды и делаю из них инсталляции. Это красивый, художественно переработанный «мусор». На него я часто наношу письмо, которое уже пора увековечивать как исчезающее, поглощаемое компьютерами и телефоном. Стирается плоть и чувственное отношение к письменному тексту. Что будет с ним дальше, мы не знаем. Возможно, будет создан какой-то новый иероглифический алфавит, объединяющий смысл слов со стилизованным изобразительным рядом. Это даст толчок ассоциативному логическому мышлению. Мне такая реконструкция письменности кажется невероятно интересной.

*Daátou Yáaeíú Oáo íaóíäyóüy á Áíññáðñóááííé Óðáóüyëíáñéé ãñéáðáá
Áíññáðñóááííí ééðáðáòóóííí í óçáá è Í óçáá çáíááííá è áññóí-ííá èñéóññóáá (Í ááññá),
áéáééíðáéá Áéáááí èè íáóé (Náíéò-Íáðáðáóðá), í óçáýó Nóçááëy è Áéááéí èðá, í óçáá
Óéááíééíáá (Áñððáóáíú), Í áöéííáéüü íí í óçáá «Eáíúéíú á èñéóññóáá» (Ááøéíáðíí), á
-áññóíúó éíééáéöéyö Èðáééé, Ðññéé, NÓÁ, Èçðáéëy, Ááðí áí èé, Áíãéé, Óðáí öéé,
Oááéöáðéé, Óéðáéíú, Áðçéé, Yññóíéé, Èáçáðñóáíá, Óçááééñóáíá, Óááæéééñóáíá,
Áíéáðéé, P áññááéé, Áðáçééé, Áðáí òéíú.*

– Вы считаете кого-то из поэтов своим учителем?

– Безусловно, Хлебникова. Я перевела на итальянский 19 его стихотворений. Кто читал Хлебникова, может догадаться, какой это был каторжный труд, — на это у меня ушло целых полгода. Мне помогли два итальянских поэта, и мы сделали 19 альбомов, и 19 художников иллюстрировали их. Эти альбомы выставлялись в экспозициях музея Брюсова и музея Хлебникова в Астрахани.

Что касается моих собственных стихов, многие из них положены на музыку русских и итальянских композиторов-авангардистов. Музыка – это еще одна моя страсть. Например, я участвовала в создании нескольких больших томов о Ла-Скала, куда вошла история хоров, солистов, режиссуры. А когда в этот знаменитый театр приглашали русских режиссеров – Любимова, Кончаловского, я была их помощником. В число моих многочисленных обязанностей входило изучение с хором русских текстов. Привыкшие к мягкой итальянской лексике хористы произносили их довольно забавно... А потом некоторые небольшие спектакли я режиссировала сама.

– А ваша живопись? Мне кажется, она строится на принципах, сходных с поэтическими...

– Это так. Моя живопись скорее повествовательная. Однако повествование ведется не через фигуры. Хотя я очень конкретный художник, работающий на сознание зрителя, я даю ему известную свободу фантазии.

– Свобода фантазии необходима прежде всего поэту и живописцу, который, как вы только что сказали, стремится к конкретности, используя ассоциативный ряд...

– Вы попали в точку. Именно этим объясняется мое влечение к самым разнообразным видам творчества. Ведь любой образ можно выразить в форме поэзии, музыки, живописи, трактовать по-своему театральные постановки. Сначала у меня возникает некая мысль, она еще не оформлена. Затем я ищу наиболее точный способ ее воплощения. Это могут быть стихи (реалистические или авангардные), может быть картина, написанная на холсте или выраженная в письменах на предметах. Несколько в стороне находится инсталляция, она меня интересует автономно, как вещь в себе. А иногда мысль незримо витает в сценическом спектакле. Но и это не все. Порой возникает желание одну и ту же идею воплотить в нескольких различных видах творчества. Причем в ходе работы мысль может в известной степени трансформироваться под влиянием обратной связи. То есть уже созданное стихотворение или полотно добавляет новые штрихи к образу, и эти штрихи обогащают воплощение задуманного в другом виде искусства. Вся эта цепочка выстраивается по принципу детского стишка Агнии Барто: «А мне еще и петь охота...»

– За последние годы, что вы живете между Миланом и Москвой, у вас было время сравнить не столько эти города, сколько страны...

– Между ними разница огромная. И вместе с тем есть и общее. Один известный итальянский журналист очень точно заметил, что Италия — это лаборатория, а Россия – полигон одной и той же системы мышления. Добавлю, что в этой системе превалирует лоскутность, эклектизм. В каждом итальянском городе – свои традиции, своя кухня, свой говор, свой диалект и свои особенности мышления. В России все это соседствует не столь компактно, а разбросано по бескрайней территории.

Итальянский народ очень старый, он столько создал за свою долгую историю, что нынешнее поколение из народа-творца превратилось в народ, склонный к интенсивному сиюминутному действию. Россию населяют более молодые народы. Про них правильно сказал когда-то поэт Евгений Рейн: «Чем народ более варварский, тем больше ему нужна поэзия». И россияне до последнего времени точно следовали такому определению.

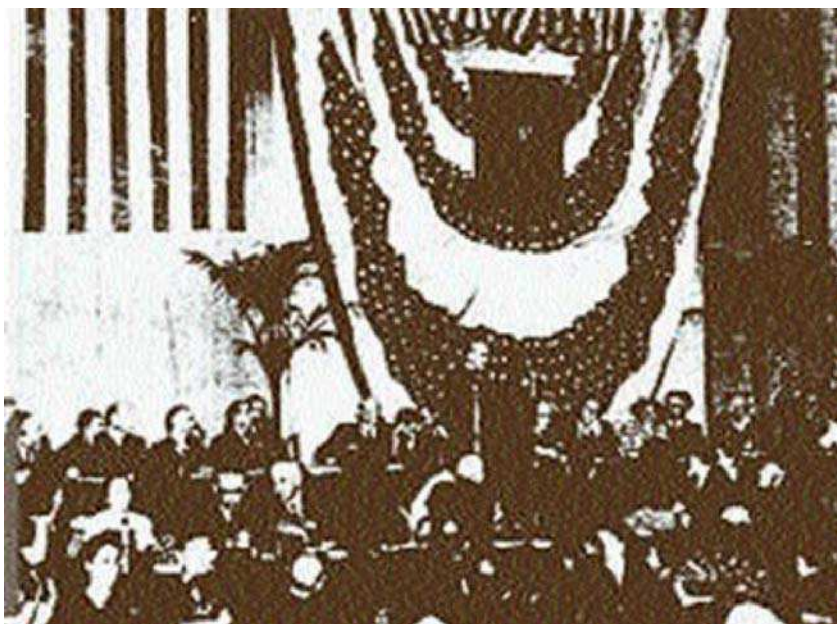
Не могу не сказать о своей нации. Значительно более старая, чем итальянская (не говоря уже о народах России), она, тем не менее, не утратила вкус к творчески наполненной жизни. Но здесь, очевидно, мы уже вторгаемся в сферы, подвластные воле Б-га.

Àáññó ãñ Äëääèì èð Î îçí àí ñèèé

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Be'at Yodei'at

60 лет назад на сионистской конференции в Нью-Йорке была принята Билтморская программа 6 – 11 мая 1942 года в Нью-Йорке состоялась чрезвычайная конференция руководителей сионистских организаций США, Канады, Европы и Палестины. В условиях войны созвать сионистский конгресс возможности не было, поэтому полномочия конгресса получила конференция, на которой и был принят план действий сионистского движения, названный Билтморской программой («Билтмор» – отель, где проходила встреча). Этот документ стал поворотной точкой в истории сионизма.

В «Билтморе» собралось около 600 человек. В президиуме конференции находились тогдашний президент Всемирной сионистской организации Хаим Вейцман и председатель исполкома Еврейского агентства Давид Бен-Гурион. Оба они выступили на конференции с предложением переформулировать политические цели сионизма с учетом новой политической обстановки в мире.

Эта встреча состоялась в условиях, когда гитлеровское руководство приступило к тотальному уничтожению еврейского населения в Германии и захваченных странах Европы. Уже весной 1942 года в США и Англию стала поступать информация о массовых убийствах евреев в лагерях смерти. Представители Всемирного еврейского конгресса в Швейцарии передали сведения, полученные ими от немецкого промышленника Эдуарда Шульте, благодаря связям с нацистской верхушкой получившего возможность ознакомиться с планом уничтожения европейского еврейства. В конце лета 1942 года союзники обладали полной информацией о нацистском плане «окончательного решения еврейского вопроса», принятого на конференции в Ванзее 20 января 1942 года.

Судьба евреев Европы, будущее Палестины и перспективы создания на этой священной для евреев земле собственного государства – такие проблемы оказались в центре внимания участников Билтморской конференции. Здесь было принято политическое заявление о текущих задачах сионистского движения. Основными целями новой сионистской программы – а состояла она из восьми пунктов – провозглашались создание еврейского государства в Палестине, необходимость неограниченной эмиграции туда евреев и формирование еврейской армии на подмандатной территории. Большую роль в том, чтобы радикальные требования, направленные на образование еврейского государства, были одобрены, сыграли руководители американских сионистских организаций.

Так, Билтморская программа возвращалась к «первоначальной цели» – Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 года о создании «еврейского национального очага» в Палестине. Тем самым подтверждалось абсолютное неприятие сионистским движением положений британской «Белой книги», опубликованной в мае 1939 года. Необходимо напомнить, что, согласно этому британскому документу, базировавшемуся на значительных уступках арабским националистам, въезд евреев в Палестину в течение 5 лет не должен был превышать 10 тысяч человек в год. При этом оговаривалось: по достижении численности еврейского населения одной трети страны дальнейший въезд евреев допускался только с согласия руководителей арабских организаций. Вдобавок намечались строгие ограничения по продаже евреям земли.

Политика Лондона поставила сионистское руководство перед дилеммой. С одной стороны, успехи гитлеровских вооруженных сил на фронтах второй мировой войны, в том числе и в Северной Африке, представляли реальную опасность не только для европейского еврейства, но и для евреев Палестины. Это диктовало необходимость активно поддерживать Англию в ее борьбе против нацистской Германии. Сразу же после начала второй мировой войны Давид Бен-Гурион заявил, что еврейское население Палестины солидаризуется с Англией и он будет настаивать на создании в составе английской армии еврейских боевых соединений. Такой позиции он придерживался в течение всей войны. С другой стороны, он не давал забыть об антиеврейском характере «Белой книги», говоря: «Мы будем бороться с Гитлером, как если бы не было “Белой книги”, и будем бороться с “Белой книгой”, как если бы не было Гитлера».

Разумеется, осуществить этот лозунг было не просто. Голда Меир писала в своей книге «Моя жизнь»: «Собственно говоря, борьба в Палестине в первые годы войны велась сразу на три фронта, независимых, но и связанных между собой... Шла отчаянная борьба за то, чтобы ввезти в Палестину как можно больше евреев, и другая, унижительная и необъяснимая, которую пришлось вести, чтобы убедить англичан позволить нам принять участие в военных действиях против нацистов, и, наконец, третья, при почти полном равнодушии британцев, – за сохранение экономики ишува, дабы он вышел из войны достаточно крепким, чтобы абсорбировать большую волну иммигрантов, – если к тому времени еще останутся евреи».

Вопрос о создании собственных вооруженных сил приобрел важнейшее значение еще до войны – ведь это позволило бы рассчитывать на более скорую реализацию плана создания еврейского государства. Тогда в переписке с английским правительством по вопросу о еврейских формированиях в составе английской армии Хаим Вейцман подчеркивал, что, «как и все нации, евреи, принимая участие в сражениях, стремятся иметь собственное национальное имя и флаг».

В начале сентября 1939 года – уже шла мировая война – Еврейский национальный совет ишува провел мобилизацию добровольцев для службы в еврейских национальных частях, зарегистрировав при этом более 140 тысяч человек. В то же время предложение английских властей формировать смешанные еврейско-арабские отряды сионистские лидеры отклонили. Английские власти, в свою очередь, противились созданию еврейских военных частей, хотя тысячи евреев добровольно служили в британской армии с 1939 года. И все же под давлением сионистского руководства в августе 1940 года было разрешено формировать еврейские подразделения для несения караульной службы, а в конце 1942 года, уже после принятия Билтморской программы, было объявлено о создании еврейских добровольческих полков в Палестине – таким был результат длительных переговоров между Еврейским агентством и правительством Англии.

На базе трех таких полков в сентябре 1944 года была сформирована Еврейская бригада, принявшая участие в боях в Италии. Многие офицеры и солдаты за мужество, проявленное в борьбе с нацистами, были удостоены британских наград. Бригада имела свои знамя и эмблему. Однако после войны – в 1946 году, – идя на уступки арабам, опасавшимся усиления еврейского военного присутствия в Палестине, британские власти расформировали эту бригаду.

В Лондоне понимали: сохранение еврейских вооруженных сил будет символизировать стремление евреев Палестины получить национальное признание на этой земле. К тому же Англия не без оснований считала, что функционирование этих военных формирований было бы равносильно подрыву ее собственных позиций в Палестине. Кроме того, это было чревато недовольством арабских лидеров, часть которых, кстати, была тесно связана в свое время с гитлеровской Германией. Вооруженные силы могли обеспечить еврейским лидерам доминирующую роль по отношению к арабам. Располагая хорошо развитым политико-административным аппаратом, еврейское население Палестины как бы становилось неформальным государственным образованием.

Тем не менее, во время войны согласившись на создание Еврейской бригады, Англия вынуждена была частично выполнить требование сионистских лидеров и пошла, по словам одного английского офицера, на «запоздалое признание национального статуса евреев и их позиции в качестве союзников Объединенных Наций». Это было сделано под давлением американских еврейских организаций и непосредственно правительства США.

Поддерживая Англию в ее борьбе против гитлеровской Германии, сионистские лидеры одновременно подчеркивали необходимость отмены британского мандатного режима в связи с налагаемыми «Белой книгой» ограничениями. Бен-Гурион объявил о разрывании борьбы против решений «Белой книги», за продолжение алии, строительства и заселения Палестины.

Нелегальная алия началась в 1934 году, вскоре после прихода нацистов к власти. Это было не только средством спасения тысяч евреев от уничтожения, но и вызывалось необходимостью увеличения численности и влияния еврейского населения в Палестине как важнейшего шага на пути к созданию собственного государства.

К началу второй мировой войны алия составила 15 тысяч человек. Большинство иммигрантов прибыло морским путем. Но с началом войны нелегальная алия стала практически невозможной – Англия продолжала ей упорно препятствовать.

Одним из трагических результатов этой политики стала история с кораблем «Патрия» в 1944 году, когда погибли 900 беженцев (ранее, в феврале 1942 года, судно «Струма», на котором находилось 770 беженцев из Румынии, было по ошибке потоплено советской подводной лодкой в Черном море).

Позиция сионистского руководства по отношению к Англии в годы войны была двойственной, что, безусловно, определялось двусмысленной политикой Лондона. По свидетельству американского исследователя Г. Ленцовского, сионистские лидеры в этот период пришли к убеждению, что «политика умеренности невыгодна, что нельзя больше доверять Великобритании и что более выгодно искать поддержки США... Рука об руку с Билтморской программой развернулась интенсивная просионистская активность среды ведущих политических деятелей» (У. Lenczovski. *The Middle East in the World Affairs*. New York, 1957. P. 327).

Спустя год после конференции в Билтморе сионистская организация Америки на конференции в Огайо потребовала создать в Палестине еврейское государство.

В этих условиях сионистские лидеры стали возлагать большие надежды на американские еврейские организации и правительство США, тем более что президент Рузвельт заявил, что американское правительство никогда не одобряло «Белую книгу». Давид Бен-Гурион считал, что после войны США будут занимать мощные позиции на международной арене, а американские евреи, благодаря их численности и влиянию, станут играть ключевую роль в судьбах сионистского движения. Постепенно он пришел к выводу, что изменения политики Англии в отношении Палестины можно добиться только в результате давления США.

Таким образом, Билтморская программа отражала, как писал известный исследователь сионистского движения Вольтер Лакер («История сионизма». М., 2000. С. 700), «новую наступательную стратегию американских сионистов». Основная идея документа содержалась в последнем пункте: «Конференция объявляет, что после победы установить новый мировой порядок на принципах мира, справедливости и равенства не удастся до тех пор, пока не будет полностью решена проблема еврейской бездомности. Конференция настаивает на том, чтобы Еврейское агентство осуществляло контроль над иммиграцией в Палестину и получило необходимые полномочия для развития страны, включая разработку незанятых и невозделываемых земель, и на том, чтобы Палестина превратилась в еврейскую федерацию, полностью интегрированную в структуру нового демократического мира».

Это заявление восторженно встретили не только американские сионисты – все американское еврейство, тем более что в США с начала войны с огромной тревогой следили за развитием ситуации в Европе, особенно с того момента, когда стали появляться сообщения о тотальном уничтожении евреев. Был образован Американский чрезвычайный комитет по сионистским делам, в 1943 году переименованный в Американский чрезвычайный сионистский совет. Став главным политическим инструментом сионистского движения в США, этот совет сыграл важнейшую роль в проведении в мае 1942 года нью-йоркской конференции, на которой была принята Билтморская программа.

Годом позже, в январе 1943 года, в Нью-Йорке состоялась организованная этим советом Американская еврейская конференция, на которой были представлены 64 еврейские организации США. Формально конференция была созвана для решения проблем еврейского населения Европы и Палестины в послевоенный период. Одна из ее

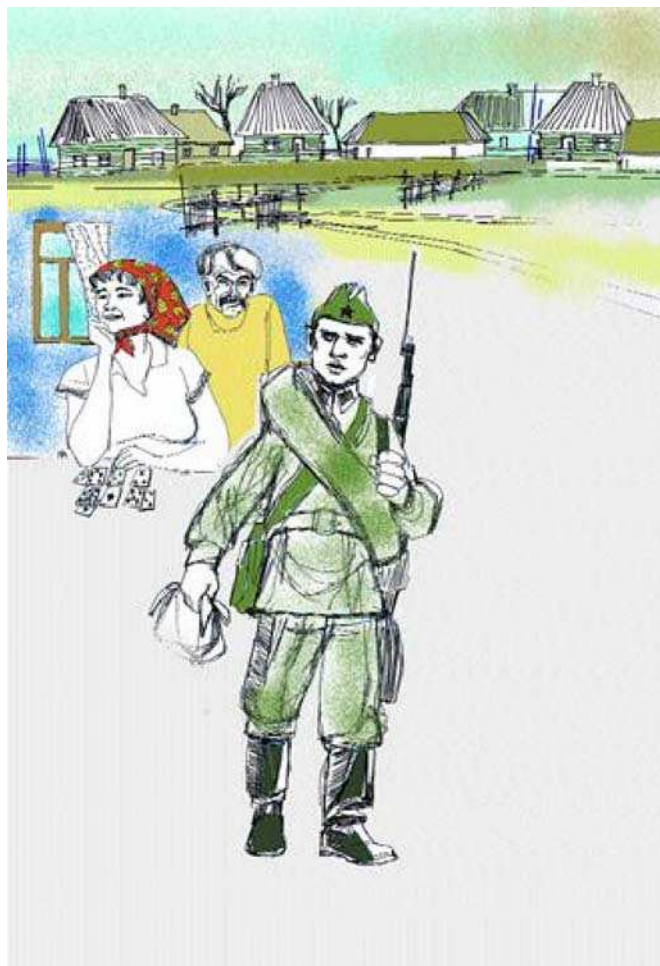
комиссий в годы войны занималась спасением европейских евреев. Активная деятельность была развернута советом и в период рассмотрения палестинского вопроса в ООН. Здесь же, в Нью-Йорке, была принята резолюция, повторявшая основные положения Билтморской программы.

Получив мощную поддержку американского еврейства, Билтморская программа в последующий период определила политический курс сионистского движения. Предполагалось, что к концу войны появятся миллионы беженцев, на этом и основывался документ. И хотя уже в 1942 году стало ясно, что этих «миллионов беженцев» к тому времени не будет в живых, как отмечал американский автор Иегуда Бауэр в своей статье «От дипломатии к сопротивлению» (*Zionist Review*. 2 January. 1942. P. 243), после Билтмора «уже не стоял вопрос о том, должен или не должен еврейский народ получить свой дом, свое государство... В момент, когда Билтморская программа утратила свою политико-дипломатическую ценность, сильнее зазвучали самые страстные призывы, на которых эта программа была основана».

Так, вследствие войны и колоссальных утрат, постигших еврейский народ Билтмор стал символом радикализации сионистского движения и предвестником острого политического конфликта с Англией, результатом которого в мае 1948 года и явилось создание Государства Израиль.

ЛЮБАНЬСКИЕ ГАДАНИЯ

Àíàòíèèé Èíçàé

В августе 1944-го нашу воздушно-десантную дивизию перебросили из Калинина в белорусский городок Слуцк. Едва мы успели обжить свой военный городок, как нас подняли по тревоге – предстоял марш-бросок в район села Любань, где начались учения «разведка боем» между «красными» и «синими».

Я оказался среди «красных». Свои вылазки к «синим» за «языком» мы совершали по ночам, а днем, изнывая от безделья, варили и пекли картошку, которую нам разрешили копать на сиротливо-безлюдных любаньских полях.

Однажды тайком от командира отделения сержанта Воропаева наши собрали пайковый сахар, и меня отрядили в село совершить с местными жителями натуральный обмен.

Дойдя до ближайшей изгороди, я легко перемахнул через нее и огородами вышел на сельскую улицу. Она была совершенно пуста: ни кур, копошащихся в пыли у ворот, ни собак, ни души...

Неподалеку чернела покосившаяся коробка «вошебойки» – так называли тогда камеры для дезинфекции одежды. Но вид аппарата меня не смутил: такие можно было увидеть на каждом шагу. А вот полное безлюдье казалось странным. Был ли здесь вообще кто-нибудь живой?

Я выбрал дом побогаче и постучал, впрочем не очень надеясь, что мне откроют. Однако на пороге показалась опрятная румяная крестьянка в пестром платке и в сапожках с подковками. В хате за столом, тасуя карты, покуривал, пуская дым сквозь усы, мужик с лицом молодого Горького. Мне повезло: когда завершился обмен – за горсть рафинада торбочка яиц и увесистый ломоть вкусного домашнего сыра, – я угостился ледяной, из погреба, ряженкой, и мы дважды сыграли в подкидного.

– Как у вас тут немец – лютовал? – спросил я.

«Молодой Горький» поднялся, встал на табурет и полез за образа.

– Он у меня глухонемой, – сказала хозяйка, – его ни наши, ни немцы не трогали.

Между тем хозяин вернулся за стол и протянул мне книгу в твердом переплете.

Это была изданная гитлеровцами на русском языке «Книга для крестьян».

Начиналась она портретом самого фюрера: военная фуражка с особенно высокой тульей, что придавало захватчикам более воинственный вид, знаменитая щеточка усов, строго-торжественное выражение лица, белая поднятая ладонь.

«Gott mit uns», — гласила подпись внизу («С нами Бог»).

Я принялся жадно листать книгу, с тем острым, болезненным любопытством, которое вызывало у меня тогда все немецкое. Наверное, так же чувствовал бы себя сегодняшний юноша, попади ему в руки книга марсиан, еще хранящая следы прикосновений их щупальцев.

В книге подробно излагалась земельная реформа, которую гитлеровцы собирались провести в белорусской деревне. Попутно, для «оживляжа», текст пересыпался карикатурами на Сталина, на большевиков-евреев и анекдотами.

Один из них я помню до сих пор.

«В колхоз приехал с иностранными журналистами Лазарь Каганович.

– Меня тут все знают, – похвастался он и обратился к местной детворе: – ребята, вы знаете, кто я такой?

– Знаем, – хором отвечали дети, – вы – ЖИД!»

– Можешь взять ее себе, – сказала хозяйка, – нам она без надобности. Бери, бери...

Хозяин тоже одобрительно кивнул, и я спрятал книгу в свой вещмешок.

– Хотишь, солдат, я тебе погадаю? – предложила хозяйка, зажав в руках колоду карт.

В свои девятнадцать лет я уже знал, что гадание – вещь рискованная: нагадают хорошее – не поверишь, а плохое – будешь ждать каждый день, и все же согласился.

– Вижу тебе дальнюю дорогу, будут высокие горы и речка. Прольешь много крови, но не помрешь, – обещала хозяйка. – Еще будет тебе решетка: тюрьма. Опять дорога. С добрым другом будете искать женщину. Ни он, ни ты ее никогда не видели и также ее потеряете. Но он ее знает. И потеряет навсегда. Зато потом подарит тебе другую – красавицу писаную. И не расстанешься ты с ней до глубокой старости. Всё!

Что за нелепицу предсказала мне гадалка! Горы, реки – это еще куда ни шло, но остальное?.. Какие-то женщины... Найдем, потеряем... Ерунда какая-то. И решетка, тюрьма...

Так думал я, направляясь к выходу из села по главной его улице к арке, которую обычно ставили перед входом в деревни. Миновав ее, уже выйдя в открытое поле, я машинально оглянулся и остолбенел: на столбе арке был прибит фанерный щит с крупной надписью: «ТИФ!!! ВЪЕЗД И ВЫЕЗД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!!! КАРАНТИН!»

Мне сделалось страшно. Вот почему село словно вымерло! Здесь прошла смертельная болезнь. А я еще угощался у гадалки ряженкой!..

Дальше я двигался как во сне, ноги чудом донесли меня к нашим окопам. В голове стучало: «Конечно же, я заразился! Как теперь быть? Промолчать – значит, смерть. Сознаться Воропаеву о походе в запрещенное село – скандал, а заражение солдат тифом грозило трибуналом. Вот и обещанная тюрьма...»

Я никому ничего не сказал, в последнюю минуту сообразив, что тиф-то был сыпной, а не брюшной и злосчастная ряженка была не опасна.

Через два дня мы вернулись в Слуцк, но вот проклятое гаданье — ожидание неприятностей не проходило. И они случились даже раньше, чем я ожидал.

Как-то вечером перед отбоем меня подозвал сержант Воропаев.

– Послушай, – сказал он, – ты ведь у нас еврей?

Я кивнул, не понимая, к чему он клонит. Вопрос был достаточно безобидный, но что-то меня в нем насторожило.

– Ты знаешь, что тебя ожидало, если бы ты не успел уехать из Харькова, Киева или из твоей Одессы?

Я молча пожал плечами. Он достал из тумбочки «Книгу для крестьян».

– Как же это понимать? Ты – еврей и занимаешься антисоветской пропагандой? Сеешь вражескую агитацию? Заодно с Гитлером? Да?!

Я похолодел. Что сержант шарит по тумбочкам солдат, мне было известно. Как же я не догадался спрятать книгу подальше!

– Откуда она у тебя?

Я чистосердечно рассказал ему про поход в Любань.

– Похоже на правду, – пробормотал он, – но дела не меняет. Этим займется трибунал. Ступай. А еще еврей! Вам надо быть особенно за наших, потому что фрицы живо вам головы пооткручивают. Иди, свободен!

Я пошел, затаив отчаяние: «Вот и свершилось предсказание гадалки: тюрьма!»

Но дни шли за днями, меня никуда не вызывали.

Однажды Воропаев снова меня подозвал:

– Тебе прислали из дома деньги. Можешь одолжить?

– Сколько?

– Все.

– Но...

– Ты думаешь – твоя книга этого не стоит?

– Да, да, – согласился я, – конечно, конечно... — Я отдал ему все деньги, все те жалкие гроши, которые, я знал, мама с отцом собирали буквально по копейке в голодном Саратове, отказывая себе во всем, только бы порадовать своего младшенького. Старшего моего брата уже убили под Воронежем в 42-м...

– А книга? – спросил я.

– Пусть пока побудет у меня, – пряча деньги, сказал Воропаев, – вам, евреям, такое читать вредно. Посмотришь на ночь на фюрера – и приснится тебе, что волокут тебя в газовую печь... Нет, нет, не проси, не дам. Давай лучше так: я ее буду сохранять, а ты мне сохранность будешь компенсировать.

– Как?

– А там видно будет. Деньгами или еще как...

Но случилось иначе. Через неделю нашу дивизию погрузили в эшелон и отправили в Венгрию. А еще через месяц, уже на передовой, Воропаев был смертельно ранен осколком бомбы, которую сбросил на наши позиции наш же штурмовик — такое тоже случалось.

Через два дня был ранен и я.

Гадалка не ошиблась: это было

возле речки Рабы, в предгорьях Альп, на границе с Австрией. А еще через месяц я оказался в Ереване, в госпитале и быстро пошел на поправку.

В один из июньских дней мы, трое «ранбольных», вылезли через окно на улицу и направились на базар. Разумеется, нас тотчас же сцапал военный патруль и доставил как были – в кальсонах и тапочках – в комендатуру. Нас арестовали и отправили на местную гауптвахту.

Никогда не забуду этот путь: автоматчик вел нас по центру главной улицы на виду у прохожих. Впрочем, это зрелище никого не повергало в шок. Да и «губа» оказалась недалеко – через пятнадцать минут мы пришли к небольшому каменному зданию. Пока часовой отпирал железную дверь, я в который раз посмотрел на белую шапку Арарата: в Ереване она отовсюду видна...

Железная дверь захлопнулась – мы оказались в тюрьме!

Мое сердце сжалось? Я съезжился от страха?.. Это было похоже скорее на облегчение, чуть ли не радость овладела мной. Наконец-то сбылось еще одно предсказание гадалки из далекой Любани, которого я, кажется, страшился больше всего! Горы, река, кровь – позади. Теперь – тюрьма. Но какая! Не пройдет и часа, как нас освободят и вернут в госпиталь.

Так и случилось: нас снова отвели в комендатуру, а там уже ожидал старичок сторож, которому было велено доставить нас обратно, на лечение.

Самоволка в город и «тюрьма» на первый раз завершились строгим выговором госпитального начальства.

Через месяц я был комиссован «по чистой» и выписан домой в Саратов.

Но мне захотелось использовать бесплатный билет так, чтобы заехать в Москву — посмотреть столицу. На местном поезде я добрался до Баку, чтобы сесть на скорый московский.

Но когда состав подкатил к перрону Бакинского вокзала, оказалось, что двери всех вагонов наглухо запеты: посадки не было.

Толпа пассажиров, в основном военные, металась от вагона к вагону. Время шло, вот-вот поезд отойдет.

Тогда какой-то бравый морячок вскарабкался, поддерживаемый снизу, к окну одного из вагонов и нырнул туда. Через минуту послышался шум борьбы – дверь вагона отворилась.

– Давай, братва! – крикнул морячок, оттирая от двери растерянного проводника. В руке моряк держал здоровенную трубу, которой, очевидно, подпиралась дверь.

Состав тронулся. Я пробрался в середину вагона. Но что там творилось! Люди чуть ли не висели на всех трех полках, лежали и сидели на полу, через них приходилось перешагивать. Духота стояла такая, что уже через час я стал мечтать о глотке воды. Пробраться на остановке в тамбур и выскочить, чтобы напиться на станции, означало больше в поезд не вернуться. Туалет же был забаррикадирован тремя уголовниками, один из которых – тучный человек на деревянной ноге – был, вероятно, паханом. Эти ребята засели в туалете, как в отдельном прохладном купе.

Наступил душный вечер. Я раскачивался на краешке полки в такт движению несшегося во тьме вагона, и с каждой минутой мною все больше овладевала мысль: а стоит ли мучиться до Москвы еще целые сутки? Может быть, оставить этот адский раскаленный вагон и добираться домой другим, не таким мучительным путем?

Ночью я пробрался в тамбур покурить и разговорился там с солдатом без руки. Оказалось, ему тоже в Саратов! То, что у меня оказался попутчик, окончательно решило дело: надо выходить!

Василий (так звали солдата) предложил сойти на станции Тихорецкой. Было уже далеко за полночь, а поезд подходил только к Кавказской.

– Сойдем здесь, – предложил я, – сил больше нет.

– Потерпи, – попросил он, – у меня большой интерес на Тихорецкой.

Не возвращаясь в вагон, мы прождали в тамбуре еще час и, наконец, спрыгнули на перрон...

Грохочущий скорый ушел за поворот, мигая рубиновыми огоньками хвостового вагона. И вдруг мы услышали пение птиц. Светало. Было свежо, даже прохладно.

На станции мы долго умывались холодной водой из водопроводной колонки... Развязав вещмешки, в пустынном зале ожидания позавтракали сухим пайком.

Взошло солнце.

– Пошли, – сказал Василий, – тут, наверное, недалеко. Вот адресок.

Мы двинулись по полуразрушенным улицам городка. По пути Василий рассказал, что два года переписывался с «девахой» по имени Аня (такое было принято в годы войны), и живет она здесь, вот на той улице.

– Красивая? – спросил я.

– Не знаю. Она фото не присылала. Стесняется, видать. – И после паузы добавил: – Нерусская она. Евреечка. Но я скажу тебе, такая душевная! Таких поискать надо! Она мне даже свои стихи писала. И чувствую, что самостоятельная. И скромная. Сирота, отец на фронте погиб, мать два месяца назад померла. Эвакуированные они.

С Украины.

Мы нашли Анин дом. Это было красное кирпичное здание казарменного типа, какие строили когда-то фабриканты для своих рабочих. Мы поднялись на третий этаж, по грязноватой лестнице, где пахло кошками и кислыми щами.

Было семь утра.

– Не рано ли? – засомневался я.

– Самый раз. А то еще на работу уйдет.

Перед дверью Василий откашлялся, одернул гимнастерку, застегнул на все пуговицы, половчее закинул за спину одной своей рукой вещмешок. Было видно, как он взволнован. Я подмигнул ему:

– Спокойно, Вася, все будет «аллес нормалес».

– Чего-чего? – охрипшим голосом и почему-то шепотом спросил он.

Вместо ответа я нажал звонок...

Мы стучали, наверное, минут десять, когда из двери напротив вышла старая бабушка.

– Вам кого, служивые, Анютку? А она только-только на станцию подалась. Выходной у них сегодня, они всей фабрикой картошку полоть поехали.

Пришлось вернуться на станцию. Там на дальних путях стояли платформы, а на них с хохотом и визгом толпились женщины с лопатами и тямками.

– Эй, солдаты, айда с нами! – закричали оттуда.

– Вот она где, Аннушка, – пробормотал Василий, – да разве найдешь?

– А что? – сказал я, – сейчас шумнем – мол, фронтовой друг прибыл...

– Не смей, – оборвал меня Василий, – разве можно девушку позорить? А потом у них, у евреев, девчата в особой строгости воспитаны. Нет... Да я ведь и на личность ее не знаю...

Старый паровозик свистнул два раза подряд, и платформы медленно за ним поплыли. Оттуда нам махали сотни рук...

Потом, греясь на солнышке, мы ждали поезд на Сталинград.

– Может, останемся, подождем? – предложил я.

– Нет. Ждать и догонять – последнее дело. А потом... кому я нужен такой... калека? Значит – не судьба.

Днем мы сели в местный полупустой поезд, разлеглись по-барски на полках, стащили гимнастерки, разулись...

В открытом окне поплыли развалины домов, на миг показалось фабричное здание из красного кирпича... Тихорецкая навсегда осталась позади.

Иногда, может быть, в день Победы, я вспоминаю эту поездку и даже пытаюсь представить жизнь еврейской девушки Ани из Тихорецкой.

Узнала ли она тогда, кто приходил к ней тем летним утром? Или так и ждала, надеясь: а вдруг Василий возьмет и приедет? Или может быть, вскоре посчитала его убитым и осталась одна? А может, наоборот, удачно вышла замуж? И теперь уже старая седая женщина иногда показывает своей взрослой внучке его старенькие письма-

треугольнички, даже не подозревая, что ведь вот он, стоял за этой дверью и разминулась она со своей судьбой всего-то на полчаса... Но почему с судьбой? Сентиментальная ерунда, выдумки...

В Сталинграде до нашего парохода оставалось несколько часов. Я помнил, каким этот солнечный город был в 41-м, когда эвакуация занесла на неделю сюда нашу семью. Запомнилась нарядная Площадь павших борцов, густая пряная зелень скверов и почему-то пахучие жареные пирожки с горохом, которые продавались на каждом углу.

Теперь мы с Василием расположились прямо на середине той самой Площади на хрустящей под ногами, выжженной солнцем травке в окружении гигантских руин бывших домов. Все вокруг было необитаемо, словно мы на мертвой планете после тотальной ядерной войны. Впрочем, тогда слово «ядерная» еще было мало кому известно.

Невдалеке, стуча деревянными подошвами, длинная серая колонна пленных немцев прошагала разбирать завалы.

Василий достал из мешка фотографию величиной с почтовую открытку. На ней была запечатлена танцующая тонкая, словно былинка, нежная молодая женщина.

– Аня? – спросил я, разглядывая.

Он перевернул открытку. Это было дешевое издание какой-то венгерской кинофирмы, запечатлевшей то ли балерину, то ли кинозвезду. Насколько мне позволяло скудное знание венгерского, я прочитал, что это – некая Келлети Магда (у венгров фамилию всегда называют перед именем).

Мой случайный попутчик надписал открытку и отдал мне.

А я подарил ему... розовый овальный брусок туалетного мыла, купленный еще в Будапеште рядом с госпиталем. Смешно, но тогда это был подарок!

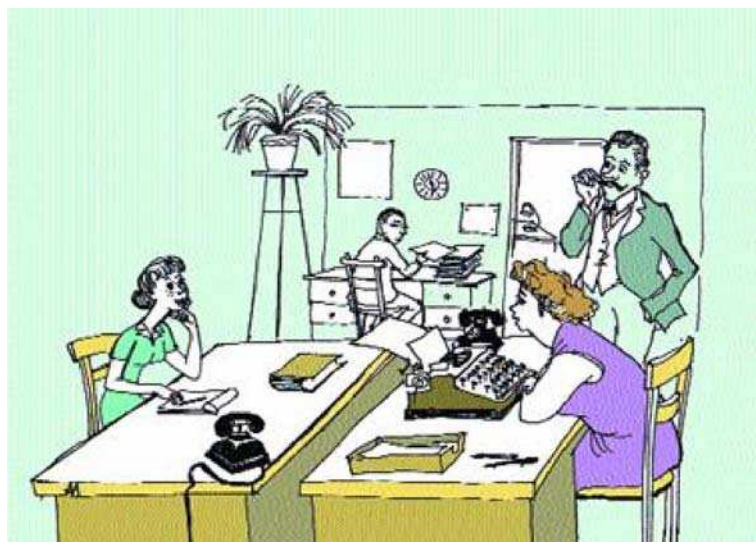
Иногда, разбирая домашний архив, среди орденов и медалей я встречаю эту поблекшую открытку: «На долгую память от Жукова Василия Фёд. 28/VIII-45 г.»

Венгерская красавица все танцует... Я смотрю на эту призрачную, зыбкую тень далекого-далекого прошлого и думаю: «А ведь как бы то ни было, но все, предсказанное в Любани, сошлось: мы с Василием потеряли женщину, которую никогда не видели, и я храню подаренную им “женщину”: вот она, на открытке, уже более полувека».

Попробуй после этого не поверь деревенским гадалкам!

ЗАМУЖ ЗА ЕВРЕЯ

Ne'ama Adai et

В 51-м году я работала на радио. Называлось это учреждение сокращенно КРВ (Комитет радиовещания), в отличие от КРИ (Комитет радиоинформации). Сотрудники КРВ вещали на заграницу. Слушала ли их заграница – было неизвестно, поэтому этот комитет негласно назывался «могила неизвестного журналиста». Сотрудники КРИ вещали на Советский Союз. И те и другие находились в одном здании, в самом центре Москвы, на площади Пушкина.

В КРВ я попала случайно, работу журналиста представляла себе плохо и чувствовала себя очень неуютно среди незнакомой мне породы людей: журналистов-международников.

Каждый день я приходила на работу к 9 часам утра, брала центральные советские газеты и вырезала из них все «новости», которые, по мнению моего начальства, могли представлять интерес для корейцев (работала я литсотрудником корейской редакции). В Корее шла война, и корейцам надо было сообщать о героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков и о героических усилиях советского народа в «восстановительный период».

Набрать таких «новостей» на получасовую передачу можно было очень быстро. И, отдав эти новости переводить (для этого мне не нужно было никуда выходить, т.к. все сотрудники редакции – шесть человек русских, два диктора-корейца, приехавшие специально для этой работы из Северной Кореи, и четыре переводчика – корейцы советского подданства – сидели в одной 20-метровой комнате), я практически целый день была свободна и могла наблюдать, как работают остальные.

Смысл работы этих остальных (журналистов-международников) был для меня совершенно непонятен. Обычно на летучке наш главный говорил:

– Сегодня в «Белом ТАССе» я прочел очень интересный факт. (Читать «Белый ТАСС» могли только два человека в нашей редакции – главный редактор и его заместитель. Допуск к такому чтению был актом особого доверия.) Американский сенатор такой-то прибыл в Японию. Факт этот важный и заслуживает отдельного комментария – минут на 15 – 20. Владимир Михайлович, вы возьметесь написать об этом странички три-четыре? Задние серьезное!

Ни разу за два с половиной года работы я не слышала, как Владимир Михайлович или кто-нибудь другой отказался бы от подобного задания или спасовал бы перед его серьезностью. Задания такие оплачивались отдельным гонораром.

– Возьметесь? Очень хорошо. Завтра в редакцию можете не приходить, посидите в библиотеке, почитайте материальчик. Послезавтра комментарий должен лежать у меня на столе.

И комментарий в назначенный срок лежал на столе. Его обсуждали. Делали замечания и называли хорошим, или удачным, или талантливый. Вот это и было для меня непонятным. Я никак не могла увидеть, чем удачный комментарий отличается от неудачного. Они все были одинаковые, как диетические яйца по рубль пять копеек.

Авторы «диетических яиц» были искренне уверены, что каждый раз они создают что-то новое и что ирония в их произведениях – убийственна. И неясно было только одно; как еще эти американские сенаторы, символы невежества и мракобесия, продолжают разезжать по всему свету.

Совсем это стало неясно после того, как на общем собрании сотрудников всех дальневосточных редакций ответственный секретарь японской редакции, маленький человек с лицом большой обезьянки, по фамилии Цехоня, громогласно объявил, что американский сенатор О’Конели укусил бродячую собаку за фост. Я тогда подумала, что эти сенаторы действительно дошли до предела. Правда, «фост» ошаршил меня тоже. И я почему-то вспомнила, что когда я только устраивалась на радио и ходила в отдел кадров, я тоже была несколько ошарашена.

Во время моего четвертого посещения в отделе кадров мне сказали, что на работу меня возьмут и сейчас познакомят с главным редактором. Как раз в это время в огромную комнату отдела вошел мужчина. Он был большой, грузный, а сел на стул как провинившийся школьник. У меня мелькнуло, что это, наверное, какой-нибудь завхоз и сейчас его прямо при мне будут ругать.

– Знакомьтесь, Николай Арсеньевич, ваш новый литсотрудник.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. – «Завхоз» не снял своих рук с колен и посмотрел на меня неодобрительно. Я ему явно не нравилась и явно была ему не нужна. Дома я рассказала мужу, как завхоз вдруг оказался редактором.

– По-моему, литсотрудник Сметанину нужен как зубная боль.

– Кому?

– Главному редактору корейской редакции.

– Так это Сметанин?

– А откуда ты его знаешь?

– Это знаменитый человек. В 30-е годы было такое движение: рабочие в дипломатию. Возглавил движение обувщик Сметанин. Я читал в мемуарах Риббентропа, как такой посол появился в Германии. Риббентроп написал об этом так:

«Этот новый русский посол очень талантливо притворяется идиотом. Но нас он не проведет».

Сметанин идиотом мне не показался. Но на радио мне было не по себе. И не только от моей «международной» тупости. Шел 1951 год. Нарастали разговоры о евреях. А я только что вышла замуж и попала в еврейскую семью.

Милая женщина из дома, где я прожила до своих 24 лет, спросила меня, встретив на улице:

– Слава-славная, как ты живешь теперь? Ведь евреи совсем по-другому едят!

Я растерялась. Действительно, мама никогда не покупала колбасы, а в семье моего мужа колбасу покупают и очень любят.

На работе, в машбюро, куда я приносила материалы для перепечатки, было три машинистки. Одна пожилая, одна молодая с лицом куклы Кати и еще одна молодая, ругающаяся матом. Она переживала вслух свою любовь:

– Надо же, вот случай! Есть куда, есть чем, а негде!

Как-то я была неожиданно тронута вопросом пожилой машинистки:

– Говорят, вы замуж вышли? Как вы живете теперь? Где? В одной комнате, вместе с родителями мужа? Мой сын, – обращается она уже ко всем, – попался на такие же вот глаза – видят что-то удивительное. Чему вы все время удивляетесь?

Сейчас я удивлялась тому, как этой женщине было плохо среди ее коллег.

– Вы, Марь Григорьевна, зубы нам не заговаривайте, – продолжает матерщинница. – Где прячете золото? Много его накопили?

– Ну какое у меня может быть золото? Мои пальцы? Так такое же есть и у вас!

– Пальцы! Мы не пальцем деланные! Это чтоб у евреев не было золота?! За кого вы нас принимаете?!

– Шурочка, откуда вы взяли, что у евреев обязательно должно быть золото? – вырвалось у меня.

– Иди, иди, удивляй мужиков своей редакции. На меня вытаращенные глаза не действуют. Что-то ни одного русского на тебя не нашлось. Во мне по крайней мере ни одного еврея не было! И у твоего еврея золота нету?!

Я задохнулась. Я могла, конечно, не знать очень многого про своего мужа. Но что у него, студента-заочника, которого никуда не брали на работу из-за пятого пункта, не было золота, – это я знала.

Подобные разговоры приводили к тому, что иногда в самый разгар рабочего дня я вдруг начинала мечтать. Хорошо бы сейчас был праздник! 7 Ноября или 1 Мая! Вся наша редакция пошла бы на демонстрацию. И вот мы идем по улице Горького, а рядом с нами идет колонна Тушинского авиационного завода. И вдруг из этой колонны ко мне бросается мой двоюродный брат Иван (Иван светлоглазый, светловолосый). Он кричит: «Сестренка!» Я его целую и говорю всем: «Знакомьтесь, мой брат, Иван Иванович Кононенко!» И все видят, что я, имея такого брата, просто физически не могу быть еврейкой.

Вечером я говорю своему мужу:

– Ты мне можешь объяснить, в чем дело? Почему во все века все народы ненавидели и преследовали евреев?

– Могу. Твой вопрос означает, что болезнь, называемая антисемитизмом, уже коснулась и тебя!

– Ты считаешь это объяснение удовлетворительным?

– Вполне.

– Тебе больно от моего вопроса?

– Ничуть.

Радио было учреждением вулканическим. Его все время трясло. Оно все время меняло свою структуру, своих сотрудников, свои наименования. Без всяких видимых причин корейская редакция расширилась. У нас появился новый редактор: Иза Двинина.

Иза и ее муж только что окончили МИМО – Московский институт международных отношений. Иза оказалась вполне симпатичной молодой женщиной, и мы с ней скоро стали приятельницами. Мы вместе ходили обедать, вместе возвращались с работы. Я познакомила ее со своим мужем. Как-то я даже рассказала ей о своих отношениях с его родителями. Она внимательно выслушала мой рассказ и сказала, что я очень интересно живу!

Выяснилось, что Иза поступила на работу беременной. Вся наша редакция ходила к ней в роддом, потом навещали ее по очереди уже у нее дома, потом она вернулась на работу молодой мамой и мы начали обсуждать трудности, связанные с домработницей. Все было нормально и обычно. И именно Изой, Луизой Игнатьевной Новиковой-Двининой, дочерью министра СССР Игната Новикова и женой будущего специального корреспондента Московского радио в Париже, красавца Валентина Двинина, в самом центре Москвы, на площади Пушкина, в здании КРВ, я была убита насмерть!..

Шел 53-й год. Еврейская тема росла, как закипающее молоко. Уже несколько раз наша секретарша подходила ко мне и гладила мои волосы:

– Бедная вы наша. Нехитрая вы очень. Вам бы сейчас развестись! Ну были б вы нехорошая. Замуж вас возьмут, не бойтесь!

– Зиночка, вы что? Почему меня должны брать замуж при живом муже?

– Ой, Слава, у нас в самом начале войны двух девушек выслали. А они только пугались с немцами, не регистрировались даже!

– Зиночка, при чем тут я?

– Всех евреев высылать будут. Вас с вашим тоже прихватят!

– Зина, перестаньте говорить глупости!

Дома. После работы. Мы все сидим за столом и пьем чай. Мой свекор, очень добрый человек, рассказывает:

– Я сегодня был в одном доме. Милые, интеллигентные люди. Он мне сказал, что это вторая его жена. Еврейка.

С первой он прожил 20 лет. У них были дети. Когда в их город пришли немцы, она, его первая жена, русская, пошла в комендатуру и сказала, что ее

муж – жид.

Я молчу. Свекровь взвизгивает:

– Сволочь. Настоящая сволочь. Ее мало повесить!

Муж смотрит на меня и улыбается. Я спрашиваю:

– Михаил Владимирович, а почему она так сделала?

– Не знаю, Слава.

Завтра рассказ варьировался:

– Я знаком с одной семьей. Хорошие люди. Она еврейка, он русский. У них сын семи лет. Однажды сын приходит из школы и плачет. «Что случилось?» – у него спрашивают. Он рассказывает, что учительница в классе попросила: «Русские, встаньте». Ребята встали. Потом она сказала: «Евреи, встаньте». Несколько человек встали, а он сидел. Он не знал, кто он – русский или еврей. И почему такой кроха должен это знать?! Я спрашиваю,

почему?!

Я чувствую, что евреи – большой вопрос для отца моего мужа, но как ему помочь, я не знаю.

На работе, в редакции.

– Славик, ты видела «Тарзан»?

– Видела, ужасно понравилось.

– Слава, а зачем вы ходите в кино? – это один из международников. – Вы имеете шанс самой оказаться героиней!

– Найти дома залежи золота?

– Вполне возможно и это. Но главное, выведайте у своих родственников всё про заговоры!

Это уже что-то новое.

– Вы имеете в виду выведать, как достать в магазине курицу без очереди или как перегородить комнату с одним окном?

– Не притворяйтесь душой. Берите пример с Тимашук (Лидия Тимашук – героиня тогдашних газетных статей, раскрывшая несуществующий заговор «врачей-убийц»).

Вы находитесь внутри. Один из корейцев, очевидно, пожалел меня и решил изменить тему разговора:

– Слышите, за городом, где Роза Ли снимает комнату, очень часто стали воровать и убивать. Недавно мальчика убили.

– Ну, это как раз понятно, – говорит Иза.

– Почему понятно?

– Убийство русского мальчика. Обычное ритуальное убийство на Пасху.

– Изка, ты пошутила не в очень подходящее время.

– Я не пошутила. Это известно всем. Кроме тебя, конечно...

КАРЬЕРА ДИПЛОМАТА МЕНЯ НЕ ПРИВЛЕКАЛА

Бенедикт Сарнов

Предыдущий свой очерк я закончил признанием, что если бы все-таки случилось мне на старости лет стать верующим, мне гораздо легче было бы поверить в невидимого, вездесущего, загадочного, непостижимого Б-га, чем в богочеловека, распятого и воскресшего, который, к тому же, не просто Сын

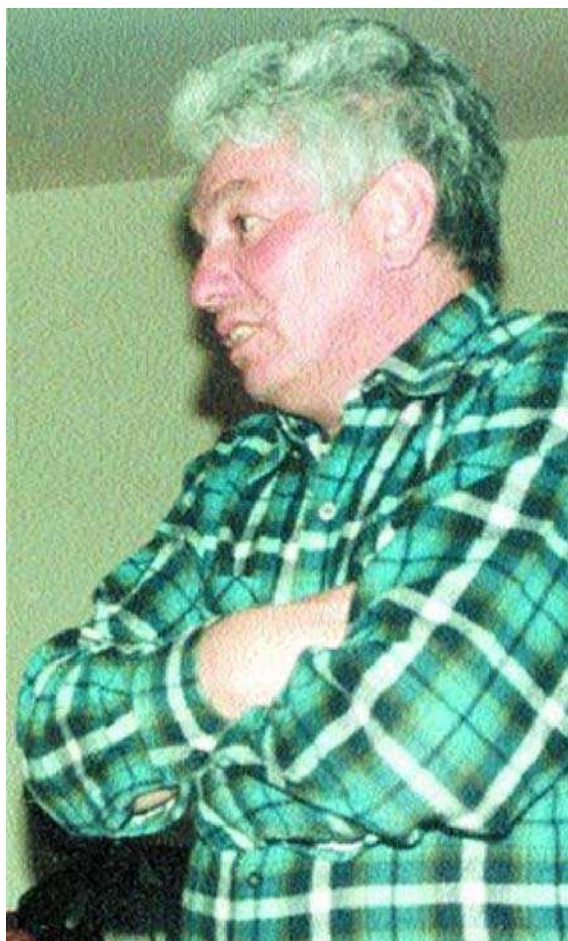
Б-жий, а – одна из трех ипостасей Отца, единого в трех лицах.

Неужели, – думаю я сейчас, – в этом проявилось мое прирожденное, так сказать, генетическое еврейство?

Нет, вряд ли. Скорее тут другое.

Интеллигент, выросший в атмосфере блюдущихся религиозных традиций, может сохранить веру отцов – по самым разным причинам. Но интеллигент, который пришел к вере, будучи уже вполне взрослым человеком, вряд ли, мне кажется, может воспринять христианскую мифологию иначе, чем прекрасную метафору.

Теоретически я, конечно, могу допустить, что тот или другой из моих новообращенных друзей и знакомых крестился по причинам сугубо внутреннего свойства. Что обращение его – результат глубоких, может быть, даже мучительных поисков некой духовной истины, единственное (для него) возможное постижение конечного смысла бытия. Тем более что среди этих моих друзей есть люди, которых я люблю, умом и талантом которых издавна восхищаюсь (тот же Эмка Мандель, Юз Алешковский). Я верю в честность их обращения к вере, в искренность их душевного порыва. И все же не могу удержаться от недоверчивой иронической усмешки. Нет, ребята! Вера – дело интимное, личное. Тут не может быть никакой показухи. А у вас – крест наружу, на всеобщее обозрение. Вы знаки своей веры (не веры даже, а конфессиональной принадлежности) носите, как самые глупые из нас в ранней юности носили свои комсомольские значки.

*Αίετταε: «Ἰ ἐετῶα ἰά ἰτῶαδ, =οἶαῦ ἁ αεοῦ αεῶ εἰοῖοῦε εἰαῶοῦῖ ἁ Ἰ ἰτῶα ἰά
αῦεἰ ἰε πῆτῶα:εἰ ἰοῖ ἁἰ ἀδεεἰ πῆεε εἰ ἰ ἀδεεεῖε εἰε ἰοῖ εἰοῶεεῖεεεῖ ἀαῶαῖοῖα».*

Одна милая женщина как-то попросила меня прочесть стихи близкого ей человека. Договорились, что он позвонит мне, и я назначу ему время и место встречи. Но позвонил не сам поэт, а человек, представившийся его другом. Он же и явился ко мне со стихами.

Судя по тому, как держался со мной друг поэта, в их узком кругу стихи эти считались гениальными. А были они – вполне посредственными.

Нет, кое-чем они все-таки отличались от множества других графоманских стихов, которые мне время от времени приходилось читать. Отличие это сразу бросилось мне в глаза. Оно заключалось в том, что каждая четвертая (или восьмая) строка каждого стихотворения состояла из несколько раз повторенного одного и того же матерного слова.

Что касается содержания, сейчас уже, хоть убей, не вспомню: то ли автор восторженно славил женские гениталии, то ли, напротив, возмущался тем, что у всех вокруг на уме один только этот злосчастный предмет.

Да это было и неважно. Соль тут была в разрушении табу: грубое заборное ругательство смело вплеталось в тонкую ткань изящной поэтической речи.

Сейчас такими новациями, конечно, никого уже не удивишь. Но в те далекие времена (дело было в начале 70-х) такая поэтическая смелость, видать, прямо-таки потрясла воображение поклонников молодого гения.

Один из этих поклонников – румяный улыбающийся бородач – сидел передо мной и ждал моего... чуть было не сказал – приговора. Нет, не приговора моего он ждал, а – восхищения. И в том, что восхищение это непременно последует, похоже, не сомневался.

Не зная, как начать, я попросил

:– Расскажите мне немного об авторе.

Бородач – все с той же своей восторженной улыбкой – поведал мне, что автору – двадцать восемь лет, что по профессии он – художник (закончил Строгановское училище), что стихи пишет давно и именно это занятие считает истинным своим призванием.

Закljučая этот краткий перечень анкетных данных, он еще на несколько делений увеличил восторженность своей восторженной улыбкой и, понизив голос, словно сообщал какую-то важную тайну, произнес:

– Верующий.

Это слово было произнесено примерно с такой интонацией, с какой в прежние, давно прошедшие времена сказали бы: «Герой Советского Союза». (Говоря о давно прошедших временах, я имею в виду не 50-е и даже не 40-е, а 30-е годы, когда счет героев шел на единицы.)

Но в то же время это было – как пароль. Тут как бы само собой предполагалось, что это сообщение я должен принять – не могу не принять! – с таким же почтительным восторгом, с каким оно мне было доверено – как своему, как человеку «нашего круга». Это был знак общей нашей принадлежности к некой духовной элите. Самый верный, самый надежный знак качества.

Не помню, что я там наговорил поклоннику молодого гения. Что-то кисловатое, наверно, пробормотал. Но особенно разочаровывать его не стал. И уж конечно ни словом не обмолвился о том, какое комическое впечатление произвело на меня это его – с придыханием, благоговейным шепотом произнесенное: «Верующий!».

Но это – с человеком незнакомым.

Со знакомыми, а тем более с приятелями, с друзьями – я не стеснялся.

Задумали мы как-то вчетвером (Володя Корнилов, Володя Войнович, Фазиль Искандер и я) заглянуть в недавно тогда открывшийся большой пивной бар на Новом Арбате, посидеть, попить хорошего, настоящего пива. Не могу сказать, чтобы четверка эта была так же неразлучна, как знаменитые четыре мушкетера Дюма-пэра, но, тем не менее, это была тогда одна компания. (Размолвки и ссоры начались позже.)

Сказано – сделано. Схватили такси и – поехали.

Очередь при входе в бар, конечно, была, но – небольшая: постоять пришлось не больше полчаса.

Пока мы стояли, издали нас заметил и помахал рукой Толя Гладилин. Подошел. Мы немного поговорили. Он выразил сожаление, что не может к нам присоединиться, и ушел, завистливо вздохнув на прощанье:

– Ваше дело молодое.

Был он, надо сказать, существенно моложе самого молодого из нас – Володи Маленького, как мы в отличие от Корнилова (Володи Большого) именовали Володю Войновича.

В баре мы посидели хорошо, и пива выпили порядочно. И хотя, покидая заведение, мы предусмотрительно заглянули в сортир, но, не успев дойти до Никитских ворот, почувствовали, как нестерпимое желание вновь облегчить мочевого пузырь с жуткой силой овладевает нами.

«Пиво дырочку найдет!» – весело вспомнил я любимую поговорку моего друга Поженяна. Но нам было уже не до веселья, поскольку выяснилось, что с самого детства знакомый мне подземный туалет близ памятника Тимирязеву на Тверском бульваре, куда я уверенно вел всю нашу компанию, закрыт на ремонт.

Положение становилось угрожающим.

И тут кто-то из нас (кажется, Корнилов) вспомнил, что где-то совсем рядом, в каком-то из близлежащих переулков (вспомнил: Южинский. Вот как он тогда назывался!) живет наша подруга Зоя со своим мужем Светом.

Свет, Светик – это было его детское имя, которое прилепилось к нему на всю жизнь. По-настоящему его звали Феликс. Феликс Светов. Он был тогда довольно известным «новомирским» литературным критиком. Светов – это, конечно, псевдоним, образовавшийся от того же его детского имени и давно уже вытеснивший не только из памяти всех, кто его знал, но даже, наверно, и из собственной его памяти, родовую фамилию, доставшуюся ему от отца.

Отца Феликса звали Цви Фридлянд. Был он известный советский историк, автор фундаментальных монографий о Дантоне, Робеспьере и других вождях Великой французской революции. В 30-е годы – декан исторического факультета МГУ. В 37-м, разумеется, расстрелян. (Помимо разных других грехов – в основном, конечно, мнимых, – ему припомнили, что на заре своей революционной деятельности, прежде чем вступить в железные ряды РКП, он был членом ЦК еврейской рабочей партии «Поалей-Цион», а стало быть, сионистом.)

До недавнего времени Свет тоже входил в наш тесный круг. И хотя был он, как я уже сказал, известным «новомирским» критиком, и хотя Боря Слуцкий, любивший субординацию, отметил, когда Зоя, расставшись с предыдущим мужем, поэтом Марком Максимовым, стала женой Света, что она вышла замуж с повышением, – несмотря на все

это вошел он в нашу компанию как муж Зои. И так – уже навсегда – «зойкиным мужем» для нас и остался.

Отчасти это объяснялось женственной натурой Света. Но красавица Зоя не просто вертела мужем на бытовом уровне (такое случается во многих семьях). Свет сразу признал не только светское, но и, так сказать, духовное Зоино лидерство. И когда узналось, что Зоя и Свет крестились, никто из нас не сомневался, что именно Зоя приняла это решение за них обоих, что это она «охмурила» беднягу Света, как ксендзы Козлевича, потащила его за собой в крестильную купель, и он покорно пошел туда за нею, как бычок на веревочке.

А до своего (точнее – до их совместного с Зоей) обращения Свет был очаровательный рубаха-парень, выпивоха и бабник. Встречая в какой-нибудь компании красивую женщину, он подходил к ней и спрашивал:

– Откуда вы такая?

И сразу закручивался, стремительно разворачивался новый, очередной роман.

Когда они с Зоей только-только поженились, сидели мы с ним как-то вдвоем, что-то пили. И Свет – уже в тумане винных паров – сказал:

– Я знаю, у тебя там что-то было с Зойкой. Но ты не думай...

– Чушь, – воспротивился я. – Ничего у меня никогда с ней не было.

– Да ладно, брось! – махнул он рукой, давая понять, что все это не имеет для него решительно никакого значения. Во всяком случае, в сравнении с тем, что сейчас мы вот так хорошо сидим. И опрокинув очередную – уж не помню, какую по счету – рюмку, громко запел:

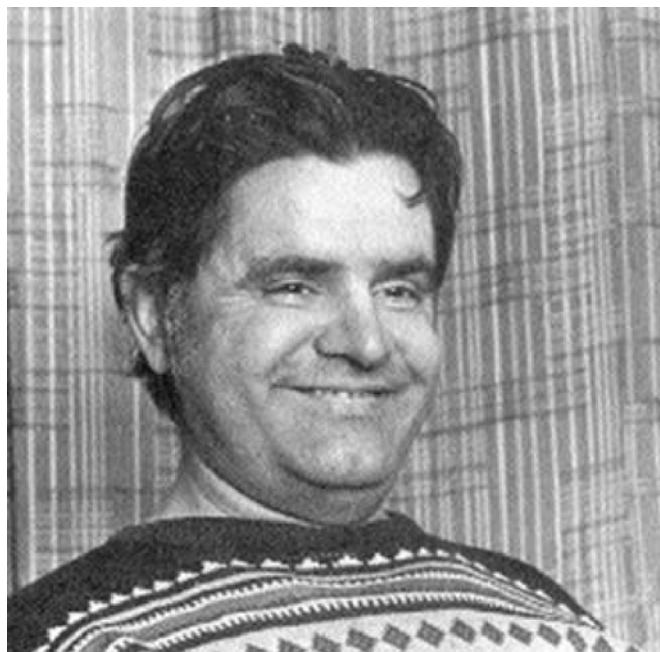
– А потом отдавалась!..

Таким я и вижу его сейчас: в полутьме (дело было теплым летним вечером, на дачной террасе) белеет его расстегнутая рубаха. И он поет на какой-то импровизированный, цыгано-романсовый, совсем не подходящий к этим рафинированным северянским строчкам мотив:

– До рассвета рабыней проспала госпожа...

Поет как бы на юморе, как бы слегка издеваясь, иронизируя над этой пошлятиной, но в то же время и с душой, со страстью, с веселым пьяным надрывом, с каким-то даже отчаянием:

– А-а потом атдава-алась!!!..

Γαεί ες «:αὐὸῶ αεεῖα» - Οἶαεῦῦ Εἰεῖαί αἶῶ

А с Зойкой у меня действительно никогда ничего не было. Хотя она была так хороша, что не влюбиться в нее было просто невозможно.

Помню, однажды она заглянула ко мне в «Пионер». Какие-то длинные зеленые серьги, зеленые глаза... Она была ослепительна. Наши «пионерские» дамы просто обомлели, когда я поднялся ей навстречу и мы с ней расцеловались. Они, конечно, даже представить себе не могли, что молодой мужчина, вот так вот запросто целующий такую женщину, испытывает к ней только братские, только товарищеские чувства. А между тем это было именно так.

Вот каким я был идиотом!

В свое оправдание могу сказать, что Зоя была на редкость хорошим, верным товарищем.

Когда в одночасье умерла первая жена Булата – Галя, Булат не хотел идти на похороны. Разрыв его с Галей назревал давно, но ушел он от нее совсем незадолго до этой внезапной, ошарашившей нас всех ее смерти. И поэтому он – не без некоторых к тому оснований – не мог отделаться от мысли, что во время похорон, если он на них явится, все будут осуждающе глядеть на него как на главного виновника случившейся трагедии и перешептываться: вот ведь, мол, хватило наглости... явился... как ни в чем не бывало... да что, ему все как с гуся вода...

Только Зоя сумела уговорить его все-таки пойти на похороны. И в продолжение всей этой долгой, душераздирающей (Гале было 39 лет, и у гроба рыдали совсем еще не старые ее родители) кладбищенской процедуры она стояла рядом с еле державшимся на ногах Булатом, изо всех сил сжимая в руке его ладонь.

Итак, распираемые выпитым пивом, мы вспомнили, что где-то здесь, близ Никитских ворот (Корнилов, хранивший в памяти все на свете цифры, запомнил даже номер дома и номер квартиры) живет наша подруга Зоя со своим мужем Светом.

В то время они от нашей компании уже почти совсем отошли, и ни один из нас, кажется, даже ни разу еще не был тут, в их новой квартире, куда они – уже скоро год – как перебрались из старой, располагавшейся близ Курского вокзала.

Эта близость к Курскому вокзалу – самому значному месту тогдашней Москвы – сыграла однажды с Зоей и Светом довольно злую шутку.

Уезжая куда-то на месяц – то ли по каким-то своим делам, то ли отдохнуть, они оставили на это время в квартире гостившую у них Зойкину мать. Та, видать, была женщина предприимчивая и, что называется, без предрассудков. Оставшись на целый месяц одна в большой (четырёхкомнатной, если память мне не изменяет) квартире, она резонно рассудила, что нет никакого резона в том, чтобы эта драгоценная жилплощадь пустовала просто так, без всякого профита. И, поразмыслив, нашла самый простой и – в тех обстоятельствах – пожалуй, оптимальный вариант извлечения прибыли из пустующих комнат: стала сдавать (по часам) свободную жилплощадь ищущим пристанища парочкам. Среди девиц древнейшей профессии, промышленявших у Курского, редкая владела собственной жилплощадью, поэтому в клиентах у Зойкиной матери не было недостатка. Счастье, подвалившее ей, длилось целый месяц. Но когда Свет и Зоя вернулись, история эта каким-то образом стала им известна. Может быть, даже сама виновница, не видя в затеянном ею доходном предприятии ничего худого, простодушно поведала детям о том, какую прибыль удалось ей извлечь из простаивавших без всякого толка пустых комнат.

Мама Света – тоненькая, хрупкая, интеллигентная Надежда Львовна – семнадцать лет сталинских лагерей не смогли не то что выколотить из нее, но даже поколебать эту ее врожденную интеллигентность, – была просто в шоке. Особенно поразило ее, что и кабинет Света, где за старинным, каким-то чудом уцелевшим фамильным письменным столом он сочинял свои критические опусы «Ушла ли романтика?», тоже был превращен не ведавшей никакого стыда бандершей в обитель разврата.

– В рабочем кабинете писателя! – потрясенно повторяла она.

Сам Свет, да и Зоя тоже, потрясены не были. Они отнеслись ко всему этому происшествию с юмором, с веселым и, я бы сказал, здоровым цинизмом.

И вообще были они тогда веселыми, забубенными ребятами, без всяких предрассудков. Кто бы мог подумать, что вдруг, неведомо как и неведомо откуда, снизойдет на них эта так называемая благодать, и они превратятся в то, во что превратились.

– Да, – сказал Фазиль, когда мы отсмеялись, припомнив все комические подробности той давней истории. – Я тут недавно его встретил...

– Ну? – спросили мы, не сомневаясь, что он имеет в виду Света.

Фазиль пожал плечами:

– Просто другой человек. Он стал похож на такого... Ну, на пастора, что ли...

Фазиль вытянул губы трубочкой, пытаясь изобразить эту новую, пасторскую личину бывшего рубахи-парня.

Да, повздыхали мы. Как-то они нас встретят с этими нашими пивными проблемами?

Делать, однако, было нечего. Переполюнявившая нас жидкость настойчиво искала дырочку.

Сравнительно быстро найдя дом, этаж и квартиру, мы позвонили. Дверь открыла Зоя. Света, как тут же выяснилось, дома не было. И слава Б-гу! После лицедейства Фазилья, так талантливо передразнившего его пасторский облик, встречаться с ним нам сейчас не очень-то и хотелось.

А Зоя встретила нас нормально.

Наскоро с ней расцеловавшись, мы – по очереди – посетили сортир. И тут нам сразу стало хорошо-хорошо! И даже показалось, что Зоя наша ничуть, ну ни капельки не изменилась.

Она и в самом деле не изменилась. Слегка изменился только тон, эмоциональный настрой ее речи. В ее голосе звучала теперь какая-то другая музыка. Особенно ясно почувствовалось это, когда разговор зашел (а он, конечно, зашел) о делах религиозных. На эти темы Зоя говорила с нами чуть снисходительно, даже можно сказать надменно.

Но до религиозных тем дело дошло не сразу.

Когда мы всей гурьбой ввалились в Зоину комнату, мне сразу бросилась в глаза дивной красоты каминная решетка, узорного чугунного литья.

– Зоя! Что это? Откуда это у вас?

Зоя объяснила, что вещь эта (действительно антикварная, можно сказать, уникальная, очень дорогая) принадлежит не им. Владелец этого чуда поставил ее у них временно, отчасти в надежде, что они помогут ему сбыть ее с рук. Я спросил, как дорого стоит эта дорогая вещь. Зоя сказала – девятьсот рублей.

Ого! По-старому это, значит, девять тысяч! (Со времени хрущевской денежной реформы, скостившей с наших денег лишний ноль, прошло, наверно, уже лет пять. Но когда называли какую-нибудь – особенно крупную – сумму в новых дензнаках, мы все невольно прикидывали: сколько же это будет по-старому?)

Отказавшись от мысли о приобретении антикварного чуда и сказав Зое, что у нас, пожалуй, не найдется знакомых, которые могли бы клюнуть на такую дорогую и совершенно при этом не нужную для жизни вещь, мы обратили свои взоры на длинный стол, стоящий у стены, на котором стопками, грудями и просто так, вразброс, были навалены какие-то журналы и книги.

Мимо книг я никогда не мог пройти равнодушно и тут же с жадностью стал их разглядывать и перелистывать. Увы, ни одна из них меня не заинтересовала: все они были, как мне показалось, про одно и то же. Мысленно (для себя) я окрестил рубрику, под которую можно было подверстать названия всех этих сочинений, так: «Г-споди, помилуй!».

Окончательно убедившись, что Зоины книги и журналы никакого интереса для меня не представляют, я отошел от стола и, усевшись в кресло, стал оглядываться по сторонам. А к столу тем временем подошел Володя Войнович. Взяв в руки какой-то журнал (из той же рубрики «Г-споди, помилуй!», других там не было и, как я уже убедился, быть не могло), он сказал:

– Зоя, что это?

– Это теоретический, богословский журнал, – тем самым, надменным своим тоном, какой появлялся у нее в разговорах на религиозные темы, объяснила Зоя.

– Он выходит в Москве? – невинно осведомился Войнович.

– Ну да, конечно, – пожала плечами Зоя.

– И в нем тоже, конечно, есть всякие такие статьи – про империализм, сионизм? А? Не может ведь быть, чтобы не было?

– Ты с ума сошел, – сказала Зоя. – Это ведь не «Вестник Патриархии». Там, действительно... А это, я же тебе сказала... Это серьезный теоретический, теософский журнал...

– Не может быть, чтобы в журнале, который издается в Москве, не было ни словечка про американский империализм или про израильских агрессоров, – сказал Войнович.

– Если ты найдешь там что-нибудь подобное, – вспыхнула Зоя, – я заплачу тебе тысячу рублей новыми деньгами!

Войнович, полистав журнал, сразу же нашел и, торжествуя, зачитал вслух несколько фраз в духе знаменитой песни Галича: «Израильская военщина известна всему свету...»

Мы радостно заржали.

– Тысячу рублей новыми деньгами мы у тебя требовать не будем, – сказал я Зое. – Тем более, что таких денег у тебя все равно нет. А вот решеточку эту антикварную, пожалуй, с собой унесем.

Поиздевавшись еще немного над слегка все-таки смутившейся, обескураженной Зоей, мы добродушно расцеловались с нею и ушли. И по дороге домой долго еще ликовали по поводу того, как ловко прищучил Войнович нашу надменную подругу, каким безошибочно метким и точным ударом он сбил с нее спесь.

А спустя несколько дней до нас докатилась реакция Света на этот наш неожиданный визит.

– Четыре жида, – возмущался он, пересказывая (с Зоиных, конечно, слов) всю эту историю, – пришли в православный дом и глумились над нашей верой!

По Нюрнбергским законам Корнилов, конечно, еврей (его мать, умершая так рано, что он едва ее помнил, была еврейкой). Войнович – тоже. (По отцу он – серб.) Фазиль даже и по Нюрнбергским законам к еврейскому племени причислен быть не может: наполовину перс, наполовину абхазец, а по вере отцов – мусульманин. Так что выходит, что из всей нашей четверки единственным полноценным жидом по справедливости мог числиться один только я.

Но, как выразился однажды Герман Геринг, – «Это я решаю, кто еврей!».

Впрочем, полной уверенности, что Свет выразился именно так, как это нам передали, у меня нет. Конечно, это мог быть «испорченный телефон». Или просто злая сплетня.

Но я поверил в подлинность этой его комической реплики. Уж очень это было в духе наших новообращенных, ощущавших и осознававших себя в точном соответствии со старым анекдотом. Знаете, конечно... Два еврея решили креститься. У того, кому выпало окунуться в крестильную купель первым, второй спрашивает: «Хаим, вода холодная?». Новоиспеченный христианин гордо отвечает: «Я с жидами не разговариваю».

Черт его знает! Может быть, Зоя была права, сказав, что я, в сущности, никто – не еврей, не христианин, не коммунист: так, пустое место. Пер Гюнт, которого надо отправить на переплавку к Пуговичнику.

Или, может быть, прав тот мальчик из Израиля, который сказал, что еврей, равнодушный к иудаизму, но все-таки не ставший христианином, не безнадежен: он не потерял для еврейства, поскольку и сам про себя еще не все знает.

Кто знает? Может, и для меня тоже еще не все потеряно? Может, и у меня еще есть шанс стать настоящим евреем?

Не знаю, не думаю.

Сколько ни стараюсь, на вопрос: «Кто я?», не могу придумать лучшего ответа, чем тот, легкомысленный, который – в запальчивости – дал тогда Зое:

Я – Бенедикт Михайлович Сарнов.

Глупо, конечно. Наивно. Но ничего более умного я придумать не могу.

Мой сын, когда мне случается побрызгать по поводу каких-нибудь молодых людей, нацепивших на себя кресты или отрастивших пейсы, говорит:

– Ну, ты, известное дело... Ты ведь у нас – Овечкис.

«Овечкис» – это персонаж пьесы Фридриха Горенштейна «Бердичев», столичный еврей-агностик, с некоторым пренебрежением и даже брезгливостью глядящий на местечковых своих соплеменников, которые, на взгляд автора, какими бы

жалкими они ни казались, несут в себе вечный огонь многовековой еврейской духовности.

Называя меня Овечкисом, сын имеет в виду примерно то же, что имела в виду Зоя, говоря, что я – никто: не еврей, не христианин, не коммунист.

Признать, что я не иудей, не христианин, а тем более не коммунист, – это мне легче легкого.

Но признать себя «Овечкисом»?.. Обидно, Зин!..

И тем не менее – я готов.

Что ж, Овечкис – так Овечкис. Пусть так.

Я ведь все равно могу быть только тем, кто я есть.

То, что новообращенный христианин Феликс Светов обозвал нас жидами, никакого впечатления ни на кого из нас не произвело. Посмеялись, тем дело и кончилось.

Не могу, однако, сказать, что я всегда так же спокойно относился к ситуациям, когда мне напоминали о моей принадлежности к еврейской нации. А напоминали довольно часто и иногда в весьма грубой форме.

Болезненнее всех напоминаний были те, которые исходили не от частных лиц, а от моего родного государства.

Постепенно и к ним я тоже привык, перестал на них реагировать.

Но самое болезненное запомнилось мне надолго. Наверное, потому, что оно было первым.

В 1945 году, когда я кончал десятилетку, кто-то мне сказал, что в МИМО (так назывался тогда институт международных отношений) не принимают евреев. Есть, мол, такое указание.

Сообщение это поразило меня в самое сердце.

Я был так этим ушиблен, что даже крикнул родителям:

– Какого черта вы родили меня евреем!

На мать этот мой выкрик, кажется, особого впечатления не произвел. А отец был, по-моему, этой моей выходкой довольно сильно травмирован. Но – промолчал. И вид у него был при этом какой-то смущенный, даже виноватый, словно и в самом деле была тут у него передо мной какая-то вина.

Самое смешное при этом было то, что в МИМО я поступать не собирался. Ни о каком МИМО и думать не думал. До этого сообщения, которое почему-то так меня поразило, наверно, даже не слышал о существовании такого учебного заведения.

Ушибло же оно меня, я думаю, по той же причине, по которой так больно задело меня когда-то сообщение Колюши Бешеного, что жениться я смогу только на еврейке.

Некоторая разница тут, конечно, была. Но не такая уж существенная. Ведь если бы Колюша сказал мне, что жениться я имею право на ком угодно, кроме, скажем, итальянок, я тоже почувствовал бы себя ущемленным, хотя до этого о женитьбе на итальянке (да и вообще о женитьбе) не думал, ни с какими итальянками знаком не был, да и вряд ли имел шанс познакомиться.

Вот и сейчас, узнав, что путь к дипломатической карьере для меня закрыт, не собираюсь и совсем даже не желая стать дипломатом, я не мог примириться и с таким – чисто теоретическим, не имеющим никакого практического значения – ограничением моих природных, от рождения данных мне прав.

Сообщение о том, что евреев не принимают в МИМО, было первой ласточкой. Сколько еще предстояло мне в жизни услышать таких сообщений!

Государственный антисемитизм вскоре стал бытом, он порастил всю жизнь страны, проник в каждую пору государственного (и не только государственного) организма. Словосочетание «пятый пункт» стало таким же расхожим, как в 20-е годы – «лишенец». Появились и другие идиомы, порожденные дискриминационной политикой властей по отношению к «лицам еврейской национальности» («инвалид пятой группы»), анекдоты (заполняя анкету, в графе «национальность» еврей пишет: «да»).

Самым удивительным, пожалуй, тут было то, что после смерти Сталина, в пору хрущевской «оттепели» и позже, когда либерализм хоть и иссякал, но режим явно слабел (вынужден был терпеть «подписантов», чикаться с «диссидентами»), государственный антисемитизм набирал все большую силу, день ото дня становился все жестче и изощреннее.

Вот, например, такая история, рассказанная мне одной моей близкой приятельницей.

Сын ее еще в школе обнаружил выдающиеся математические способности. Закончив школу, он, естественно, хотел поступить на математический факультет МГУ, и мать его в этом поощряла.

Тщетно все друзья и знакомые твердили ей, что предприятие это совершенно безнадежное, что для евреев – даже для подозреваемых в слабой причастности к «пятому пункту» – там установлен совершенно непреодолимый барьер. (Дело было в середине 70-х.) Она на все эти уговоры не поддавалась и твердо решила предоставить своему выдающемуся мальчику возможность схватиться врукопашную с могучей ядерной державой.

Выдающийся мальчик это сражение, конечно, проиграл, хотя из всех предложенных ему на экзамене задач не решил, кажется, только одну знаменитую теорему Ферма.

Но мой рассказ не о нем.

В той же группе, с которой экзаменовался сын моей приятельницы, был еще один выдающийся математик. Не один, конечно, там все были выдающиеся. Но этот был особенно выдающимся, и к тому же он был самый что ни на есть чистопородный русак. Не только с мамой и папой, но и с дедушками, и с бабушками все у него было в полном порядке.

Приехал он в Москву из какой-то дальней глубинки, чуть ли не из Сибири. Там, у себя, он блистал на всех школьных, районных, областных и прочих математических олимпиадах. А тут вдруг с ужасом обнаружил, что на экзамене – один за другим – сыплются «звезды», ничуть ему не уступающие, может быть, даже слегка превосходящие его своим столичным математическим блеском.

Он был просто раздавлен, изо дня в день наблюдая, как прославленные профессора-математики, принимающие экзамены, сладострастно топят одного блистательного абитуриента за другим, не жалея ни сил, ни времени, тратя по четыре, а то и по пять часов на каждого.

Несчастный русский мальчик не знал, какая играется тут игра. Он решил, что здесь, в столице, ко всем поступающим предъявляют такие высокие требования. Убедившись, что такой экзамен ему нипочем не выдержать, он забрался на самый высокий этаж высотного здания прославленного Московского Университета и кинулся вниз.

Написав сейчас эти три слова – «несчастный русский мальчик», я вдруг поймал себя на мысли, что слово «несчастный» пришло мне тут на ум не только потому, что так ужасно закончилась его короткая жизнь. Если бы такая история произошла с мальчиком-евреем, я бы, рассказывая об этом, тоже, наверно, назвал его несчастным. Но в этом случае слово «несчастный» было бы плоским, однозначным. А тут у него – более сложный, двойной смысл: суть несчастья не только в том, что он погиб, но еще – и может быть даже главным образом – в том, что произошла нелепая, ужасная, чудовищная ошибка. Суть в том, что он погиб зазя.

Если бы такое случилось с мальчиком-евреем... Что ж! Еврейскому мальчику это на роду написано. Ужасный конец его был бы, конечно, так же ужасен, но – не так драматичен. И вся история была бы вполне банальной. Настолько банальной, что мне даже в голову бы не пришло тут о ней рассказать. Мало ли было таких историй!

Да, историй о наглой, подлой, гнусной дискриминации школьников-евреев, тщетно пытавшихся поступить в разные советские вузы, мне привелось слышать множество. И были среди них совершенно чудовищные. Но – странное дело! – ни одна из них не поразила меня так, как та – первая – ласточка, тот впервые дошедший до меня слух, что евреев не принимают в МИМО.

Èëüü Ýðáí áóðã Áîò èàèèì ìí áüë,

éíããà í áí èíëë ìò èõì ò áí ðáí è á «Ááðáë, ì ááì è æèòü í á áíëëãð...».

Значит ли все это, что с евреями я связан только той кровью, которая «течет из жил»?

Известная формула эта принадлежит Юлиану Тувиму.

«Я – поляк, потому что мне нравится быть поляком! – писал он в своем обращении, озаглавленном “Мы – польские евреи”. – Я – поляк, потому что в Польше я родился, вырос, учился, потому что в Польше узнал счастье и горе, потому что из изгнания я хочу во что бы то ни стало вернуться в Польшу, даже если мне будет в другом месте уготована райская жизнь... Я – поляк, потому что по-польски я исповедовался в тревогах первой любви, по-польски лепетал о счастье и бурях, которые она приносит. Я – поляк еще потому, что береза и ветла мне ближе, чем пальма или кипарис, а Мицкевич и Шопен дороже, нежели Шекспир и Бетховен, дороже по причинам, которых я опять-таки не могу объяснить никакими доводами разума... Я слышу голоса: “Хорошо. Но если вы – поляк, почему вы пишете “мы – евреи”?” Отвечу: “Из-за крови”. – “Стало быть, расизм?” – “Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая – это сок тела, ее исследование – дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-либо свойства, помимо физиологических, тот, как мы это видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей и, в конце концов, как мы это увидим, обрекает на гибель свой собственный народ. Другая кровь – это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не “еврейская кровь”) течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение – кровавое, горячее, мученическое братство с евреями...”».

È ààò à ò ò íééî ò ù, è ò à ò ò í á í ù á,

È í á í á ù ÷ í á ÿ ò á ù á á,

Ò á ù á á ò ò à è ù ù à è ò á á á

Í ò ò á á á í ÿ á á ò á è ò í é è ò ò í á ò,

È á á á ò ò í á ò ò ò ò á ÷ í í é á è ó ó è

Í í á é á è ó è á à ò ù á é á ó è

È é á á ò ò à ò è ò á í á ù ò ò ò í í á ò,

È á ÷ á ò ò í ó í ú í è é, á ÷ á ò ò ò í ò á á é,

È ÷ á ò ò ò á ò ò, ÷ ò ò ÿ á á ò á é.

Á á, ÿ ò ò í á í á ò í ò ò ò ò é ò ò, ç à ò ò á ò è è á è ò ò ò é ò ò í á è.

Í í - é á é í é?

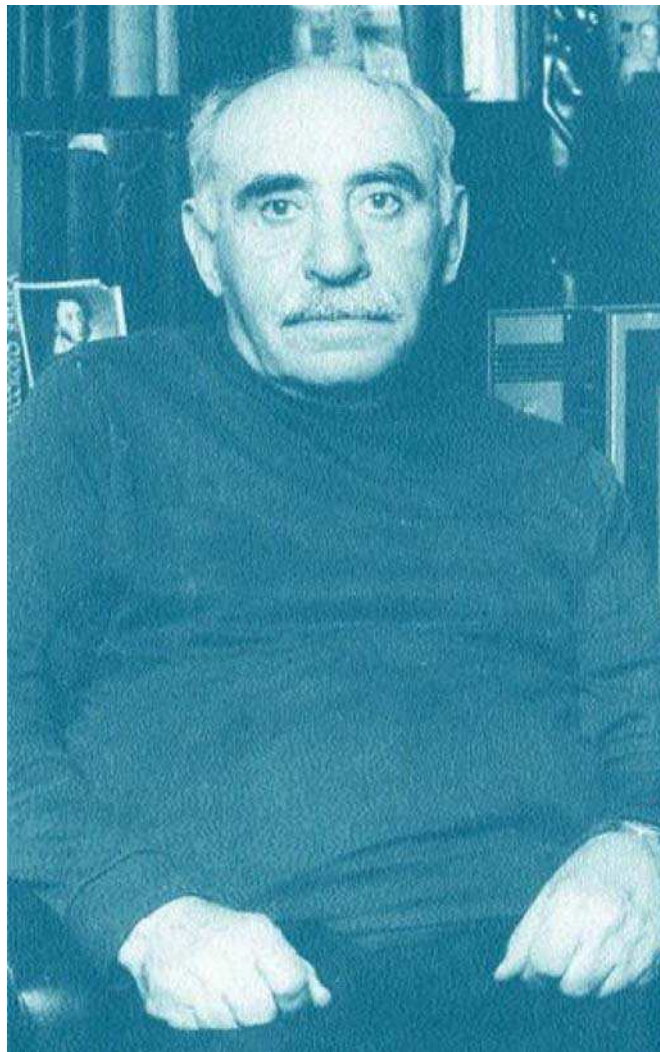
Заметьте: евреем он себя чувствует «в час уныний, в час скорбей». То есть, когда накатывает очередная волна гонений?

Опять, значит, все-таки выходит, что не той кровью связан он со своими соплеменниками, которая течет в жилах, а той, что течет из жил.

ТОТ, КТО РОДИЛСЯ, – НЕ УМРЕТ

Daçi ûœëáíèÿ î æèçí è è òáîð-áîð ááÑ. Èèí èèíà

Î àò ááé Ááéçáð

Семену Израилевичу Липкину сегодня за 90. Свой величественный юбилей он отметил в прошлом году, 21 сентября. Но о возрасте в этой связи рассуждать неуместно: Семен Липкин — ярчайшее подтверждение тому, что понятие «возраст» едва ли не самое относительное. Кстати, к формуле Эйнштейна он написал свое примечание, так и названное: «Примечание к формуле Эйнштейна» — чудесное стихотворение, где есть такие, многим известные слова:

Î îþ èíáúèèó çáèèè Ñîð èà,

À îðè ááèà áá áí èí à

Ñáò èí-íááðáñÿ èðáñ ò èà,

Î íà è ò îí ó æ áúèà óí íà..

*Áàðõì íà íáé,
íñàò èì-íñàðàííé,
В ääèäèñý äì òù ã ñò äí áé,
Í í áúé í á ãñáí èéìì,
à í àííé,
Í í à - ýí áðëáé í íáé.*

Семен Липкин был младшим современником Багрицкого, Бабеля, Катаева, то есть плеяды одесских писателей, вступивших в литературу еще во втором десятилетии прошлого, XX века. А когда из Одессы в 1929 году он переехал в Москву, судьба даровала ему знакомство с Осипом Мандельштамом, Георгием Шангели, Марией Петровых. В том же году в «Известиях» Горький опубликовал его стихотворение «Леса». «Эти “Леса”, весьма банальные, – вспоминал С. Липкин, – были в рамочке врезаны в главу из “Клима Самгина”». Несравнимо менее банальным было другое его стихотворение, написанное в том же году, – «Боги».

*...Áñò õí ààì á ì íéáéùù é,
÷ è ò ààì ì í è è ò áó È à à è ø,
Í í è ò ì í áúýíí è ò í í ÷ àì á
Áñá ì õííèì è ì õííèì,
à äà ò ú í è ÷ áñ í á õí ò è ì
Ò à ì ð ó ñ á ì àì ó?*

Стоит ли говорить, что такое стихотворение не было опубликовано Горьким. Юный поэт прочел его на занятиях молодогвардейского кружка поэтов в том же 1929-м... «Был скандал. Меня вызвала к себе хорошенькая редакторша “Молодой Гвардии” Феня Мальц, – вспоминал Липкин. – На другой день ко мне пришел зав. отделом губкома комсомола по фамилии, как мне кажется, Селиванов...» Он-то и посоветовал начинающему поэту «учиться у хороших поэтов, например, у Безыменского», автора нашумевшего в ту пору стихотворения «Ах, комсомолия, мы почки твоих стволов, твоих ветвей...», ставшего по сути гимном молодежи. Но что за поэзия по указке! Учился у кого хотел, у кого Б-г дал и в первую очередь – у своего сердца.

И все же скоро стихи Липкина стали появляться в московских толстых журналах – в «Новом мире», «Молодой гвардии». Но больше всего самолюбию молодого поэта льстили публикации в альманахе «ЗиФ» («Земля и фабрика»). Еще бы! Там печатались такие признанные корифеи, как Борис Пастернак, Евгений Замятин, Эдуард Багрицкий. В ту же пору судьба преподнесла Липкину дружбу с большим русским поэтом Павлом Васильевым, с замечательным художником, поэтом и переводчиком Аркадием Штейнбергом, а чуть позже – с Арсением Тарковским. Вспоминая об этих людях в своих автобиографических заметках, написанных в 1989 году, Липкин с грустью замечает: «Все ушли, а я на роковой очереди стою».

А ведь только двумя годами раньше он писал:

Êîãã à ù çàì íãî ðîãèèèîü
Ñî ñðàì à ï ðÿ:-ãü çà èóòò ù,
Í à íãã ò ù ï ù òò ùãèèèîü
À í à òãé ï í è ï é è ðãî ò ù,
À í à òãã èãäííí è ï à ï ü,
× ò î è àãäí ò ñãäãí ÷ äðãä,
Í î ñ äðò ù ãò ù ò î è ü è î ã è ï í ç ï à ï ü,
Òò ò, è ò î ðîãèèèü - í à ò ï ðãò...

По достоинству оцененный в преклонном возрасте, поэт изведал до той поры немало гонений, незаслуженных обид. Достаточно напомнить, что первый сборник его стихов «Очевидец» вышел только в 1967 году, когда Семену Израилевичу было 56 лет. Впрочем, и его близкий друг Арсений Тарковский первую книгу своих стихов увидел почти в том же возрасте – в 55 лет. У Марии Петровых первый поэтический сборник «Дальнее дерево» вышел в Армении, когда поэтессе было за 50, а Аркадию Штейнбергу и вовсе не пришлось увидеть своей книги стихов при жизни... Что тут скажешь! Все, что суждено, приходит в срок, – вспоминается Коэлес. Слава Б-гу, Семен Израилевич после первой выпустил много своих книг, познал славу и признание, был удостоен премий... Я люблю наугад открывать его книги и всякий раз поражаюсь: какие строки!..

ТРОПОЮ КОНЦЕНТРАЦИОННОЙ...

Поэта Семена Липкина мне по-настоящему открыл Межиров. Было это где-то в середине 80-х уже прошлого века. На своей переделкинской даче, на втором этаже, в бильярдной, Александр Петрович, вдруг застыв с кием в руках, прочел стихи (как их читал Межиров – говорить излишне!), показавшиеся мне знакомыми, но почему-то забытыми. Очарованный этими стихами, я долго оставался под впечатлением. А ночью, когда не спалось, вдруг застал себя на том, что твержу те чудом запомнившиеся строки.

Àüòîü ãããí:-è à ã ðéà è ò í ãü à,
Ñî è ò í à æãðãí:-è à ããðéò ñãüé,
È ãÿãè ò í à í è ò çèã ò í ä Ñî à ò à í à
Ýèããí ò í ù é à ð òãããèèé ï î ð ò í é.
È çãèéãèà çàì à ñ ãã ñéó:-àé,
À äðóèé à è ñ:-à çè è à ç í é à
Òàì, çà ï ðîãèèèèèèè è ï è ð ÷ àé,

È ò ài àdī īī īāēī ī à çai éà..

Помню, в стихотворении был и библейский сюжет, но те строфы я сразу не запомнил. А вот последние строчки врезались в память.

Ýò à ñò àâøäÿ ī ðàõī ī Òðáééēī éà

Æã-éé ī àī äē ī ñò àâèèà á ī àī .

Летняя подмосковная ночь так коротка, и все же я торопил время в ожидании утра. Я знал, что Александр Петрович Межиров почти не спит и чуть свет, тихо, не будя гостей, с собакой выходит в переделкинский лес на прогулку. И вот я решил пойти вместе с ним, чтобы попросить снова прочесть мне стихи про варшавского портного. Уже в 7 утра мы с Александром Петровичем идем в сторону платформы «Мичуринец», собака бежит рядом. Когда я попросил его прочесть «вчерашнее» стихотворение, он удивился: как, неужели я слышал его впервые? И заметил, что, по его мнению, это едва ли не лучшее стихотворение Семена Липкина. Вот строки, которые я не мог припомнить ночью:

Ááí ü á ī ūēē èñ: açàò, èàé àñáí éé

Í àõü ò èõī àááãðò á çàéóò.

Çÿáéī ī ðÿ: àò èèñò ū áéī ī ãðáí éé,

È ī ī ðáñ ī éé á ðòò á ī áéóò.

Õī: ī ī ò àé èõ ī áééè á Ááèèèáí

Í ī ä ī áááñ ī, áá: áðī áé ī ī ðī é..

È ñò ī èò ññáí ò èī àò ðī ī ī à çáí

Ýéááí ò ī ūé áàðø àáñèéé ī ī ðò ī íé.

Í á ññðéī éà á ãèàçó, ī á ññèçéī éà, -

Ýò ī ææáò áá ī áðò áñī ī ä áī ,

Ýò ī ñò àâøäÿ ī ðàõī ī Òðáééēī éà

Æã-éé ī àī äē ī ñò àâèèà á ī àī .

Даже сегодня, спустя более пятнадцати лет с того дня, как впервые услышал эти стихи, я вспоминаю их с неизменным волнением. В моей памяти живет образ другого портного, тоже из Польши, из Вроцлова. Звали его Иосиф Пойлишер (истинной его фамилии я не знал). Как и Зигмунда Сметану – героя стихотворения «На Тянь-Шане», война его тоже вырвала из родных тенет и забросила, нет, не в Треблинку, слава Б-гу, в Бершадь, в гетто. Семья Иосифа осталась в Польше и, как рассказывали, оказалась в Освенциме. Он был красив, строен, аристократичен. Не выпускал изо рта сантиметр и руками «изучал» клиентов. А когда в мае 1948 года он шил мне костюм по случаю окончания первого класса, то на примерках приговаривал то и дело: «Мой Мойшеле

сейчас был бы такой же, как ты», – и слезы наворачивались на его выразительные карие глаза.

Стихотворение «На Тянь-Шане» Липкин написал в 1948 году, когда кошмары недавно закончившейся войны, дым концлагерных печей и ужасы Бабьего Яра были еще свежи в его памяти. Но уже надвигалась другая еврейская трагедия в СССР – «борьба с космополитами», трагедия, дороги которой вели на Дальний Восток. Истинный поэт – всегда пророк, и Липкин, разумеется, не мог не предчувствовать, что кроется в близком будущем. В 1950 году он написал стихотворение «Переселенец». Есть в нем такая строфа:

*Çääññi ÷ öæäy, çí îéí äy çai ëy,
Â äîçäöä - ääçüi üä è òðäîäîä,
È ääæèò, è èðüæèòñy, i üëy,
Âðäéääðí äy äíééäy äîðîä.*

Что-то «дальневосточное» терзало душу поэта. Думаю, терзания эти, как и воспоминания о Холокосте, никогда его не покидали. Свидетельством тому стихотворение «Моисей», написанное в «спокойном» 1967-м:

*Òðñîîp éñíöäí òðäöèñííé,
Ääáíí÷ü ääññííá, éäé òpðü ä,
Òðäîé éäí äèçäöèñííé,
Ñðäèè ïñí íää è ääðü ä,
Ïñ äñü íäí äöèè è ñäðòñèè,
È ïñüñèè, è èíüí ïòòyí,
Ïñ äñü ïéä:äí, ïñ äñü ï äðòäñèè,
Ïñ äñü ñòðäñòyí, ïñ äñü ñ äðòyí
B øäè. È äñçäí, è äöñíäí
Äíäðäíä Ä-äí ò èðüëñy ï íä
Ï üéäy ï éäí äí äí ääçíäí
Â íäñíäèè ïé èöíéíä*

Два года спустя Липкин напишет «Возвращение из Египта», где у поэта, для которого Талмуд, Тора были не только книгами, но и самой жизнью, снова зазвучит библейская тема.

Гладит бога, просит, чтоб окрепла,
Женщина, болящая проказой,
Но поймет ли, что такое лепра,
Этот идол крупный и безглазый?
Воздух пахнет знойно, пыльно, пряно,
Горяча земля и нелюдима,
И смеются люди каравана,
По всему видать, – из Мицраима...

В пору «хрущевской оттепели», когда у «шестидесятников», которым было тогда около тридцати или тридцать с небольшим, появились не только надежды, но и некоторая вера в «светлое будущее», зрелый поэт Семен Липкин написал в 1960 году стихотворение «Мертвым».

В долгой, замкнутой, душной
чугунности,
Где тоска с воровским улюлю,
Как же вас я в себе расщеплю,
Молодые друзья моей юности?
К Яру Бабьему этого вывели,
Тот задушен таежною мглой.
Понимаю, вы стали золой,
Но скажите: вы живы ли, живы ли?
Вы ответьте, – прошу я немногого:
Там, в юдоли своей неземной,
Вы звереете вместе со мной,
Низвергаясь в звериное логово?
Или гибелью вас осчастливили,
И, оставив меня одного,

Не хотите вы знать ничего?

Как мне трудно! Вы живы ли,

живы ли?

Это стихотворение, почему-то мало замечаемое исследователями творчества С. Липкина, на мой взгляд, одно из самых значимых в его творчестве...

КАК САМО ДЕТСТВО, СЛАДКО ПАХЛИ АКАЦИИ...

Семен Израилевич Липкин родился в 1911 году в Одессе, однако покинул этот город еще в юности. Потом заезжал туда, но – ненадолго. Оказавшись в Одессе в 1969-м, спустя 40 лет после первого, решительного, отъезда, он напишет в своей драматической повести «Картины и Голоса»: «Я сворачиваю за угол – и не узнаю улицу. Костецкая? Болгарская? А мне хотелось выйти на Мясоедовскую. Для нас, жителей города, наименования улиц заключали в себе целый мир, и мир, в них заключенный, не менялся, он по-прежнему был миром детства, веселой красноречивой нищеты...»

А вот строки автобиографии: «Мне было 8 лет, когда я поступил в 5-ю Одесскую гимназию, в старший подготовительный класс. В нашем околотке я был единственным неправославным мальчиком, ставшим учеником казенной гимназии... Экзамены были трудными, так как, чтобы быть принятым, мне надо было сдать все предметы только на пятерки...»

Сделать это было не просто. На долю соискателя в казенную гимназию выпала пушкинская «Песня о Вещем Олеге». Он знал ее всю и даже название столицы Хазарского царства, потому что много читал, и, по собственному признанию, был «достаточно смышлен». Однако историк, принимавший экзамен, очень противился поступлению даже единственного еврейского мальчика, оттого и задал ему вопрос «на засыпку»: «На каком языке говорили хазары?» «Не знаю», – честно ответил восьмилетний соискатель – и дорога в гимназию по сути была отрезана. Но, как это бывало, в особенности в Одессе, за него заступился «батюшка», православный священник Василий Кириллович, и способному претенденту поставили «пятерку». Семен Израилевич на всю жизнь сохранил чувство признательности и к нему, и к другим преподавателям гимназии. Там он узнал о Пушкине и Лермонтове, о Баратынском, Тютчеве, Фете...

И еще из воспоминаний С. Липкина о гимназии: «Она помещалась далеко от нашего дома, где-то на Земской улице. В ней преподавал отец Валентина Катаева. Я любил свою гимназию, помню окна, выходящие в сад, учителя словесности Подлипского». Ему-то и показал свои первые стихи юный гимназист. «Мне было семь лет, когда я начал писать стихи», – напишет в зрелые годы Семен Израилевич.

Вскоре начинающий поэт понес стихи в редакцию «Одесских новостей». «В комнате без окон, – вспоминает С. Липкин, – меня принял высокий, с седым вихром, чуть сутулый консультант в мятых парусиновых брюках и в толстовке... Рукой с необыкновенно длинными ногтями он отстранил мою тетрадку, сказал, хрипло дыша: “Стихи надо читать вслух”». Едва ли не на первом стихотворении Багрицкий заподозрил плагиат: «Последние две строки вы сперли у Гумилева». Начиная поэт признался, что не знает поэта Могилева. А на вопрос: «Кого знаете из современных поэтов?» – ответил: «Эдуарда Багрицкого и Демьяна Бедного». На провокационный вопрос, кто ему больше нравится, не раздумывая ответил: «Багрицкий... Он о море хорошо пишет и очень звучно...» И сразу услышал в ответ: «Так слушайте, Багрицкий буду я», – и Семен Липкин тут же получил приглашение в гости на Дальницкую, где в ту пору жил Эдуард Георгиевич.

Много воспоминаний С. Липкина связано с одной из самых красивых одесских улиц – с Пушкинской. «Когда-то Пушкинская была многоцветной, – писал он. – Говорят, что такой ее впервые увидел Пушкин...»

Будучи маленьким, Сема Липкин еще не обращал внимания на красоту этой улицы. Но ему четко и навсегда запомнилась картина, однажды увиденная: «Конный кортеж двигался медленно. В толпе зевак двигался городской. Он часто крестился, держа в левой руке фуражку. Буколические, беспечные времена – преступно беспечные, как вскоре выяснилось. Я просунул голову сквозь витую ограду балкона, мне мешал высокий платан. Царя я не запомнил, хотя мне на него указывали...»

И еще из воспоминаний об этой улице: «Я не случайно написал, что хорошо помню синагогу на Пушкинской в глубине обшарпанного двора. Синагог было много, все не упомнишь, да еще такую невзрачную, но дело в том, что под ней помещался мой

хедер... он содержался на средства погребального общества. Учитель в хедере, звали его Тевель Винокур... Вопросы задавал на идише или же детям из интеллигентных семей – на загадочной смеси польского, украинского и одесско-русского...».

Об Одессе Семен Липкин думал, вспоминал везде и всегда. Свидетельством тому блистательное его стихотворение, созданное в зрелые годы.

В а̀у̀ѐ і̀п̀о̀у̀а̀с̀а̀р̀ с̀і̀ѐі̀ѐ
А́а̀ç̀ і̀ у̀і̀ѐѐ, і̀а̀ѐѐѐа̀ ѐ д̀а̀-ѐ,
І́ і̀ а̀і̀с̀а̀ѐ Ÿ́ і̀а̀ і̀о̀о̀у̀ç̀а̀і̀ і̀і̀ѐ
Èç̀ -d̀àà і̀ а̀о̀а̀д̀ѐ - ѐç̀ і̀а̀-ѐ.
А̀у̀а̀ ѐ æ̀èç̀і̀ѐ і̀а̀ і̀і̀у̀а̀
È̀ і̀ d̀àè і̀а̀è м̀ а̀d̀о̀ ѐ і̀а̀ і̀і̀èàèàà
В̀ о̀а̀è п̀d̀àè а̀ààd̀і̀èèò о̀ d̀àà
È̀ і̀а̀àç̀p̀àààòèò а̀àd̀àèі̀а̀
І́ а̀і̀і̀ а̀ò і̀ і̀ а̀ і̀і̀і̀ а̀d̀èàò о̀ а̀èèè
«Òі̀èі̀èі̀àààі̀ ù» ѐ «і̀ а̀d̀і̀àààі̀»,
А̀ Ÿ́ òàі̀ о̀àè: «І́ а̀і̀ Ÿ́ м̀ æ̀àè.
È̀àè і̀ і̀а̀ а̀і̀ àd̀àò ùŸ́ àі̀ І́ ààі̀і̀?»

МОИ ВСТРЕЧИ С С. ЛИПКИНЫМ

Первая встреча была заочной.

Это было в Одессе в 1967 году, в магазине «Поэзия». Одесситы уверяли, что то был единственный «поэтический» магазин в тогдашнем СССР. В этом маленьком магазинчике на Греческой площади любители поэзии читали стихи – свои и чужие. Однажды кто-то принес туда книжечку неизвестного мне доселе поэта С. Липкина «Очевидец». И до сих пор я помню строки одного из стихотворений, кажется, первого в этом сборнике.

Есть прелесть горькая в моей судьбе:

Ñ̀èààòùŸ́ ò і̀àі̀è, ò і̀Ÿ́èç̀ Ÿ́ і̀ òààà
È̀àі̀àò ùŸ́ d̀è è а̀і̀àààò ùŸ́ а̀àd̀à
× ò і̀ æ̀àæ̀àò Ÿ́ ò àі̀èò è і̀ m̀ òò ùŸ́ d̀è.
È̀ àààù òàè і̀ààò ù è ò і̀Ÿ́è і̀ààò ù

יְיָ אֱלֹהֵינוּ, הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ

Когда я услышал это стихотворение, оно показалось мне гениальным. Может быть еще и потому, что я, как и новый для меня поэт, был в очередной раз влюблен и испытывал те же чувства, что и автор этих дивных строчек. Стихи я, конечно, впитал как откровение, но фамилию автора на какое-то время забыл. Уж слишком громкие и модные имена молодых поэтов звучали тогда в магазине «Поэзия»: Вознесенский, Ахмадулина и, конечно, популярный, но далеко не юный Асадов.

Во второй раз о С. Липкине я услышал, когда бушевали страсти вокруг «Метрополя», но наряду с нашумевшими именами авторов альманаха его имя в этой идеологической истерии прошло для меня малозамеченным.

Третья встреча, тоже заочная, состоялась где-то в середине 80-х на даче у Межирова. Александр Петрович рассказал мне, что Липкин когда-то перевел стихотворение Бялика, очень значимое для моей будущей книги о Михоэлсе...

Наконец-то теперь состоялось и личное знакомство. Произошло это 10 января 1988 года дома у Семена Израилевича. Я пришел к нему по рекомендации Моисея Соломоновича Беленького, друга и соратника Михоэлса. Давая мне на иврите стихотворение Бялика «Последнее слово», он сказал, что перевести его может только Липкин: «Больше в СССР сегодня это не по силам никому», – безапелляционно заявил он.

Прав был Межиров – стихотворение это было крайне необходимо мне в работе над книгой «Соломон Михоэлс». От того же М.С. Беленького я узнал, что именно его на идише, а не на иврите читал Михоэлс, когда поступал в студию Грановского в Петрограде в 1918 году. М. Беленький заверил меня, что С. Липкин однажды это стихотворение уже переводил, когда к изданию на русском языке готовился сборник стихов

Х.-Н. Бялика.

По телефону я рассказал Семену Израилевичу о своей просьбе, и мы условились о встрече. Когда я пришел к нему со стихотворением на иврите, он, улыбнувшись, сказал:

– Последний раз я читал на иврите лет 75-80 тому. Тогда я по утрам учился в 5-й Одесской гимназии (он рассказал мне об этой гимназии), а потом... Мне не было и восемнадцати, когда я уехал в Москву. Иврит я тогда уже забыл напрочь. Но помочь я вам готов, и с удовольствием это сделаю и во имя вашей будущей книги и в память о Михоэлсе, с которым имел счастье быть знакомым, но принесите мне подстрочник.

Тогда, в 1988 году, я с трудом отыскал человека, способного сделать подстрочник. А когда принес его Семену Израилевичу, он пообещал мне при следующей встрече рассказать о своих беседах с Михоэлсом. На прощанье подарив мне томик из серии «Мастера поэтического перевода», где был раздел «Стихи поэтов Востока в переводах Семена Липкина», он сделал дарственную надпись: «Матвею Моисеевичу Гейзеру на долгую еврейскую память».

РАССКАЗЫ О МИХОЭЛСЕ

Следующая моя встреча с Семеном Израилевичем состоялась почти через 10 лет, точнее 24 октября 1997 года. И снова нас «свел» Михоэлс. Подписывая мне на память свою «Квадригу», С.И. Липкин пожелал мне «расширить книгу о незабвенном Михоэлсе», которую я ему незадолго до этого передал. Он прочел ее, и вот что я от него услышал.

– С Михоэлсом меня познакомил Галкин. Это было, когда он переводил для театра «Короля Лира» Шекспира. А мы очень дружили с Галкиным, я его переводил и считал из современных еврейских поэтов, живущих у нас, самым крупным. И сейчас я так считаю. И вот мы были два или три раза в гостях у Соломона Михайловича. Он жил около ТАССа, недалеко от еврейского театра. По-русски Михоэлс говорил замечательно, без какого-либо акцента. Немного даже, знаете, в русской театральной манере. По-моему, у него была только одна комната, большая. А может быть, я ошибаюсь.

Зашла дочь. Тогда это была молоденькая девушка. Она куда-то уходила и попрощалась с ним. И Михоэлс театрально сказал: «Иди, дочь моя!»

Интересна была его необычная реакция на мой вопрос. Мы говорим о том, о сем, и вдруг я его спросил: «Вот у вас в театре нет пьесы о евреях, которые не знают еврейского языка, об ассимилированных евреях, но которые себя считают евреями. Не то чтобы они пренебрегали своим еврейским происхождением, отрекались от него, просто они оказались вне еврейской культуры. Они могут прийти в ваш театр, а у вас нет ничего из их жизни».

Михоэлс ответил мне на идише, что такие евреи не вызывают у него никакого интереса. В приблизительном переводе с идиша его ответ прозвучал так: «Я их не замечаю, я их не вижу». Это был редкий случай, когда он говорил при мне на идише. Мы говорили всегда по-русски. С Галкиным при мне они тоже говорили по-русски. Но частенько Михоэлс в разговор вставлял еврейские фразы.

Он просил меня читать переводы из Галкина. Я прочел довольно большое стихотворение, которое называлось «Сократ». Оно о том, что испытывал Сократ, зная об уготованной ему смертной казни. Выслушав стихотворение, Михоэлс сказал: «Ну, перевод есть перевод, но, вроде, хорошо».

Семен Израилевич задумался и заметил:

– Может быть, вам, в связи с тем, что вы решили назвать новую книгу о Михоэлсе «Жизнь и смерть», стихи Галкина о Сократе понадобятся. – И снова задумавшись: – Может быть, не стоило давать книге о Михоэлсе такое название. А, может, вы и правы. Огромное государство убило одного артиста, убило обдуманно, жестоко. Пожалуй, смерть Михоэлса – такое же событие, как и его жизнь.

Здесь я прерву свою беседу с Семеном Израилевичем отрывком из его перевода стихотворения Галкина «Исповедь Сократа»:

Ñíîéíáí áóüü ì íé äðüä Èñîéíþ

ááç áíÿçí è

B í ðéã áíð ñüü B æääë áñ ääáí î,

B áúé é íáí ó ã ò í á Í á é á æ á ì í ó á á í í

Ñ á í á í í á ú á è ð à ò ü è á è í é í í ò í : á ò

é á ç í è.

Ì í á á ÿ ò í ì á ì ò ó í è ò ü á í è æ í ú á ú è è

í í è!

Í ó í æ è ò ñ á á í ñ ò è, à í á

ì ÿ á í ñ á ð á : ú ð

Í á ÿ ç á í ÿ. Í ó : ò í æ? Á í ñ ò í é í í

ñ á ð ò ü ÿ á ì ò ð á : ó

Ñ í ò ð è í ð í è è ÿ ò ú á ñ á á. Í í è : á í é á

ò ð á í è.

È ç ò á í í ñ ò á é è ð á ñ è è ò á ñ á ñ ò á í á á

ð á ç ú í :

Ò á è á á í ü ç à á í á í ò á á ÿ ó : è è ÿ ì í í á ñ é á ò.

Á í á í ñ ò á è ü í í á - í ð á ò è ñ á á ò à ñ á á ò.

Ò ú á í è ü è á á á è ñ ò ð á ò è ç ñ á ð á ò à

á ú ð á è ð á ç í í .

В продолжение нашего разговора с С. Липкиным речь пошла о Василии Гроссмани. Семен Израилевич предупредил, что это имеет непосредственное отношение к его рассказу о Михоэлсе.

– У него был рассказ «Учитель» о человеке, который перенес эту войну и все, что с ней связано. Он сделал пьесу по своему рассказу еще в 47-м году, то есть до начала антисемитской кампании, и сдал ее в театр Вахтангова. Главный герой в рассказе Гроссмана был еврей, и речь шла о массовом поголовном истреблении евреев на Украине в годы войны. Театр Вахтангова вернул пьесу Гроссману, не востребовав даже выплаченного аванса. Я уж не знаю, каким образом эта история стала известна Михоэлсу, но он предложил Гроссману перевести пьесу «Учитель» на идиш. Михоэлс был очарован этой вещью. И вот, я знаю это со слов Гроссмана, Михоэлс, получив пьесу, сказал: «Короля Лира я сыграл, а теперь сыграю учителя. Это будет моя последняя роль». Гроссман был влюблен в Михоэлса, они ходили друг к другу домой – возникла если не дружба, то очень хорошие отношения.

Тут Липкин задумчиво улыбнулся и сказал:

– И еще о Гроссмане и Михоэлсе.

С Гроссманом мы часто бывали у моей мамы. Она угощала нас традиционными еврейскими кушаньями, которые Гроссман очень любил. Михоэлс это оценивал, как «гастрономический патриотизм».

Однажды Гроссман мне сказал: «Михоэлс уезжает. Я с ним говорил о тебе. Он тебя знает. Давай поедem провожать его на Белорусский вокзал». Мы приехали на вокзал. Его провожал второй по важности актер ГОСЕТа Зускин, дочь и еще кто-то. Жена у него была полька. Ее на вокзале не было.

На перроне Михоэлс с Гроссманом медленно прохаживались, все время говорили об «Учителе». Михоэлс выразил сожаление, что в связи с отъездом в Минск прерывается работа над пьесой, ведь в театре она уже началась. Гроссман спросил Михоэлса: «А уж так ли нужно вам ехать?» Михоэлс сказал: «Нужно. Речь идет о присуждении Сталинской премии, я должен посмотреть ряд спектаклей». Я точно не помню, но, по-моему, при этом разговоре был Борщаговский. Если бы я знал, что это будет такой важный разговор, я бы запомнил. А так, мы просто пришли провожать Михоэлса на вокзал. Больше я его не видел...

Помню, как хоронили Михоэлса. Всё помню, как будто это было вчера. Шли к ГОСЕТу от ВТО по бульвару и по улице, где дом Герцена. Толпа была огромная. Среди провожающих были видные русские люди, например, писатель Леонов, известные артисты, писатели, художники. Незадолго до этого я приехал из Киргизии, с которой был связан по переводческим делам. Там я встретил Ясына Кулиева, Джамалдина Яндиева – ингуша, оба они были депортированы.

На похороны я шел вместе с Гроссманом и говорил ему, какое для меня это горе, что мои друзья – в ссылке, что Сталин, победив Гитлера, попал под его влияние – занялся уничтожением целых наций. И Гроссман мне сказал, что может быть, это нужно было из-за каких-то военных целей, что они, мол, перешли на сторону врагов. Мы еще были тогда на «вы». «Что вы говорите?! – воскликнул я. – Изгонять женщин, стариков,

беременных женщин! Дети изгнаны, еще не родившись!..» И, помню, я тогда сказал: «Что вы запоете, когда то же самое случится с евреями». Гроссман посмотрел на меня: «А вы знаете, все может быть» Наверное он так сказал, потому что уже это испытал. Он написал очерк «Украина без евреев», который не хотели печатать, но все же он напечатал его в каком-то второстепенном журнальчике. Гроссман был наивен и не понимал, почему статью «Украина без евреев» не хотят печатать...

Сегодня, читая этот рассказ С.И. Липкина, я вспомнил его автограф на подаренной мне книге «Декада», изданной в 1990 году: «Матвеем Моисеевичу Гейзеру – о народе, чья печальная судьба грозила и евреям».

Интересное замечание я услышал однажды от Семена Липкина о театре и настоящих поэтах. Липкин сказал мне: «Театр вообще отличается от писательства тем, что ему необходимо в ту же минуту, сегодня же почувствовать, что его любят, ценят. И вот наши поэты, которые стали выступать перед огромным количеством слушателей и зрителей, унизили свою профессию. Настоящие поэты и так остаются в литературе без бурных аплодисментов».

После бесед о Михоэлсе мы встречались с Семеном Израилевичем лишь изредка, случайно. Как принято сегодня говорить, на «московских тусовках». Между тем желание поговорить с ним, человеком высокого таланта и поистине библейской мудрости, неизбежно, но я не позволяю себе этого, чтобы не отнимать его драгоценное время. А эти заметки хочу закончить стихами, написанными Семеном Липкиным давно и навсегда. Для меня в них органически слились две мощные присущие ему силы – поэтического дара и никогда не могущей быть до конца изъясненной любви.

Èàé àúòáí ùá ò áí èà á ýí áàðá

Èëü îð: àýí ùá áí èè ó áí ð: í ú ò,

Òàé çàññáí: í áé í àò á ñéí áàðá

Í áí í áóé ááí í ú ò ñéí á í áí í çàò: í ú ò

Áñò ü í áí í, - è áí ó èè òü ááí í

Í áóç àò ü í í éí í áé áñò í í ðàç èè: üý.

Ñ í í: ü ð ááí ü ññ: áò ààò í í í,

Ì èð ñ áí é í í é è í áááí ùá ñ áá èè: úáí .

Á í áí ò ðááí ãè ò áí è è í í è,

Á ýò í í È - í àø ñ ðç è í í áññ í ðáá..

В óí áé: á àç è àò ñéí í çàí í ðáá

Áñò ü í áò áá í í í ðí çááí è ð È.

Òú í í áóí áé: è ñ áò ò ü è çà: àò üá

*Áóáí è ááòñòáá, íáááèà, ááíðà,
Íáíðèÿòèáèèè, èíííÿòüá
Ñíñòðáááíüÿ, ááñòðáááíüÿ, áíáðà,
Èíðíñòíð, èáñòíðá, èóíüéíñòü
×áéíáá: áñéíé íáóáéñííüè, -
Áñáñéíòèéíñüè ííúííñðáíèéíñüè
Áÿòíí íáéáíüéíí íéáíáíèÈ.
Èéíááá áíò: óæááíííééóíèðíá
Íðéáéèæááòñÿ íáòüèæèòáð, -
Ýòíÿ, òáíñèéüáéèáñíèðíáé,
Áíáñòáñíáéíòáááñáíð.
Ááçññçíáñéíááòüííáíááò,
Èÿçíáð: ñéááòñéíéáé,
×áéíáá: áñòáíáúòüíáñííááò
ÁáçíáðíááííèíáíèÈ.*

Благословен объединяющий, он – вечен.

ГЕРШЕЛЕ ИЗ ОХРИМОВКИ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Григорий Бенционович Ингер... Как живого вижу я перед собой маленького старика с чудесными, такими молодыми черными глазами, красивого мудрой старческой красотой. Он всегда радовался моему приходу, спешил показать свои новые работы, хотел узнать мое суждение – выкладывал передо мной свой блокнот с фломастером. С ним нельзя было разговаривать, только переписываться: тяжкая болезнь еще в юные годы сделала его совсем глухим, оторгла от полноты сегодняшнего существования. Приветливый, общительный – он был и здесь, рядом, и где-то в ином своем мире, куда никому другому не было пути, постоянно жил как бы в двух измерениях: в настоящем – немом, погруженном для него в вечную тишину, и в прошлом, полном шума, звучащем сотнями голосов.

В его душе звучало эхо далекой жизни его детства в маленьком украинском городке, входящем в пресловутую «черту оседлости», он слышал внутренним слухом величественные слова субботних молитв и пение кантора в синагоге; надрывное рыданье скрипок на еврейской свадьбе; пронзительные крики женщин – всех этих Ривок, Иток, Нехамок, чьи имена по сей день звучат в фамилиях их внуков и правнуков Иткиных, Ривкиных, Нехамкиных. Знакомые, бесконечно родные голоса, давно умолкшие...

В том уже не существующем мире кипела жизнь – по-южному сочная, красочная, причудливая и нищая, убогая и трогательная, так гениально воспетая великим Шолом-Алейхемом в его мудрых, горестных и веселых книгах. Тема этого навсегда ушедшего мира его детства составляла важнейшую линию в творчестве Григория

Ингера. Серия рисунков «Из еврейской народной поэзии»; иллюстрации к «Мальчику Мотлу», «Блуждающим звездам», «Рассказам для детей», «Заколдованному портному» и другим произведениям Шолом-Алейхема, к «Тайне скрипки», «Посыльному», «Кабалистам» И.-Л. Переца, к Шолому Ашу – к его повести «В Америку» сливаются с циклом композиций «Мое детство» в единую симфонию, единое эпическое повествование о судьбе евреев в России, о тяжелой, бедной и в то же время удивительно яркой и своеобразной еврейской жизни.

Эта жизнь была буквально в считанные месяцы уничтожена, снесена с лица земли. Тема войны и гибели, жестокой беспощадной силы, холодно, деловито расстрелявшей в Бабьем Яру, удушившей в газовых камерах Тремблинки самую душу художника, его прошлое, его детство: этих величавых библейских стариков; этих местечковых чудачков «не от мира сего» и горластых мальчишек; этих матерей с огромными печальными и

такими прекрасными глазами, какие бывают во всем мире только у еврейских женщин, – не оставляла Ингера никогда, жила в его душе саднящей незаживающей раной. Он рисовал апокалипсический ужас фашизма надрывно, страстно. Листы из серии «Бабий Яр» – «Последний путь», «Старый учитель», «Поминальная молитва», триптих «Лицо фашизма» – буквально истекают кровью, заходятся в безмолвном крике, звучат реквиемом, трагической песней не только о погубленных близких людях, но о погубленной жизни целого народа. В левом листе триптиха «Лицо фашизма» предстает именно «убийство жизни» – убийство мира, в котором жили отцы, деды, прадеды; уничтожение и их, и памяти о них... Черные руины домов с искореженными, скрученными стропилами, с обнажившимся вывороченным наружу «нутром» комнат – обобщенный образ разрушения, уничтожения всего долгого, давно сложившегося уклада жизни. Ничто не избежало гибели, все сметено, разграблено, затоптано фашистскими сапогами. Средний лист триптиха – выброшенные из этих домов простые мирные люди – женщины с детьми на руках, старик в полосатом талесе, прижавшиеся друг к другу, почти уже мертвые, почти призраки с изможденными лицами, высохшими телами, глазами, в которых застыл ужас. Правая часть триптиха «Камни Тремблинки» – скорбный памятник этим людям. Серые камни словно прорастают из земли и кажется, земля сама исторгает из себя каменные тени погибших, взывающих к живым: помните, помните о нас!

Èëëþñò ðàòëÿ é «Ñëðëí èá»

Øíëí -Àëáéõáí à

Ингер более чем помнил. Он нес в себе этот безжалостно истребленный, рассеянный по всему свету мир, он существовал в том мире, быть может даже больше там, нежели здесь, хранил тот мир и берёг – и воскрешал в своих работах, вводил в него тех, кому верил, кого любил, гостеприимно распахивал двери, и зритель окунался в стихию вдруг ожившей и зазвеневшей радостным открытым цветом еврейской жизни, удивительно конкретной и реальной, хотя и не было в рисунках ничего похожего на буквальное воспроизведение действительности в ее материальном «земном» облики. Особая пронзительная сила заключалась именно в «нереальности» рисунков, в их откровенной условности – той условности, которая пронизывает творчество ребенка, придает рисункам детей очарование свежести, непосредственности, удивленного и первозданного открытия мира.

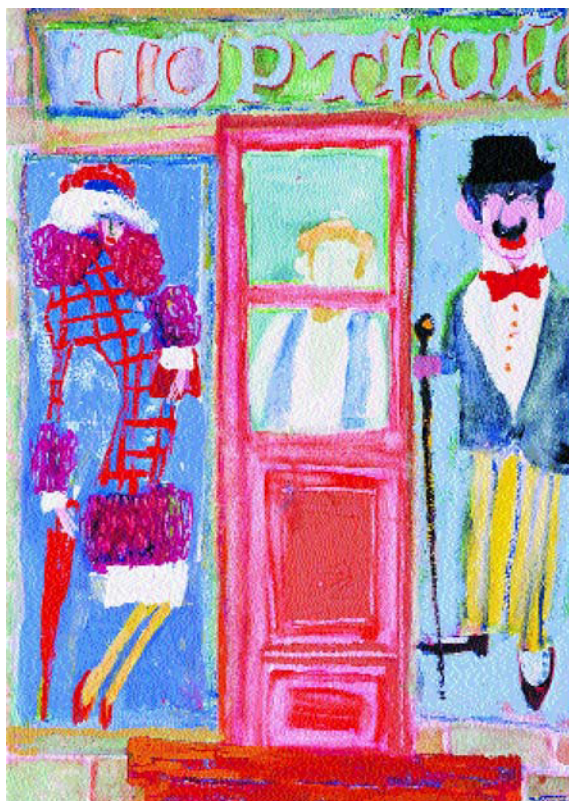
Èç àààèñéîé í àðíàí îé ïíçèè

«Ñààò ù ààò».

Обращение к детскому рисунку – нелегкий и опасный для художника прием: здесь очень легко впасть в стилизацию, холодно и внешне воспроизвести лишь неумелость ребенка, его художественное «косноязычие». Но у Ингера – и в этом подлинная уникальность его работ – «детскость» оказывалась не просто органичным, но кажется единственно возможным приемом. Старый художник, обладающий блестящим мастерством, властвующий над любой техникой рисунка, действительно перевоплощался в ребенка, снова становился тем Гершеле, что когда-то в иной жизни бегал с другими Гершлами и Мотлами по сонному городку, нарушая тишину летнего украинского дня звонкими мальчишескими голосами. Память, способность воскресить в себе себя того, юного, светлого, полного радостного ощущения жизни, постоянного удивления и счастья, жила в нем необычайно остро. Так умели чувствовать большие писатели, обращаясь к теме своего детства и юности. Так ощущал Шолом-Алейхем: «Это я, Мотл, сын кантора Пейси вылез из холодного сырого подвала, пропахшего кислым тестом и аптекой, и показалось мне, что я расту ввысь, что тянет меня все вверх и вверх, в синеву глубокого-глубокого небосвода, туда, где скользят редкие перистые облака, где ныряют белые птицы... Песнь Песней, божественная радость: Отец небесный, Б-же милосердный!» Написать этот поэтический гимн весне, обновлению жизни мог только большой писатель; ощутить так весну мог только ребенок. Эти слова могут быть эпиграфом к иллюстрациям Григория Ингера к «Мальчику Мотлу», к серии «Мое детство».

Во всей мировой литературе лишь у Шолом-Алейхема, наверное, найдем мы такое удивительное соединение трагизма с иронией, с остроумной шуткой, с неиссякаемым запасом оптимизма. Эта национальная черта еврейского характера едва ли

не сильнее всего раскрылась в «Мальчике Мотле». По существу, рассказанная в повести история семьи Мотла глубоко драматична: болезнь отца, кантора Пейси, во время которой пришлось продать все до последнего одеяла; его смерть; надежды на богатую женитьбу брата Эли, рухнувшие с полным разорением тестя; неумелые попытки заработать деньги с помощью разных «гешефтов» вроде изготовления чернил и травли мышей; мечты об Америке – земле обетованной, где еврейское благополучие почему-то должно устроиться само собой; решенный, наконец, отъезд... Какая судьба ждет их, непрактичных, нелепых в незнакомой чужой стране?

Надєу «І їаääòñòáñ». «І їòòííé».

Но вся эта горькая борьба за существование преломляется через восприятие девятилетнего мальчика, в котором радость жизни бьет через край, для которого все на свете – увлекательное приключение: и продажа последнего шкафа, и изготовление чернил, которые приходится выливать, так как в местечке никому не нужны чернила, и конечно же отъезд в неведомый огромный мир. Вот эта-то детская радость, веселая радуга, окрашивающая жалкую нищую жизнь в яркие цвета, воскресает в иллюстрациях Ингера во всей своей красочности и пестроте.

В иллюстрациях к «Мальчику Мотлу» оживает его, Мотла, восприятие всего – людей, событий. Это он, Мотл показывает нам «мою золовку Броху» – веснушчатую франтиху с сумочкой и зонтиком, с аляповатыми серьгами; «нашего товарища Пиню» – нелепого, нескладного, с непомерно длинными пейсами, влекущего куда-то упирающегося козла. Это его, Мотла, детская наблюдательность представляет нам в ребячливом, но очень точном воспроизведении убогие покривившиеся домишки, колокольню, военный оркестр... «Я» рассказчика-ребенка зримо оживает в иллюстрациях. Подобно тексту рисунки звучат «от первого лица»: если бы Мотл вздумал проиллюстрировать собственный рассказ, он, безусловно, нарисовал бы нечто очень похожее...

Ингер, человек на редкость музыкальный, лишенный возможности слушать музыку, страстно им любимую, сумел в своих рисунках создать поистине «цветомузыку», передать ощущение звонкой ликующей песни. Если можно передать звучание цветом, то и в «Мальчике Мотле», и в серии «Мое детство» это удалось как нельзя более: краски поют, трезвонят, как праздничные колокола. Вещи, яркие, каких не бывает в жизни, кричат и шепчутся таинственными сказочными голосами. В рисунках нет ни одного серого глухого пятна. Их «автор» – на редкость одаренный мальчишка признает лишь открытые звонкие цвета и бросает их на бумагу со всей щедростью, не жалея красок: желтое солнце почти слепит пронзительным сиянием, изумрудная трава невероятно зелена; теленок красен, как киноварь. Брат Эля предстает у Мотла оранжево-рыжим; оранжево-рыжей оказывается и малютка Добца, которую ему приходится нянчить, а мать обрисована ярко-синим. Лицо старика фельдшера – интенсивно-зеленое с оранжевой бородой. Но все эти условные цвета не кажутся неестественными, напротив: они лишь усиливают, обостряют реальность впечатления. Красным пламенем пылает веснушчатое лицо невестки Брохи; зеленая бледность брата Эли вполне согласна с образом затхлого подвала, где обитает его семья. В каждой детали рисунков – будь то поистине грандиозный шкаф, выносимый крохотными грузчиками, расписные часы-ходики, балдахин над головами жениха и невесты, клетчатые картузы мужчин, платки женщин, характерно повязанные за уши – во всем воскресает подлинный живой быт «местечка», его атмосфера, его реальность.

Èëëðîäàëëü è «Ì àëü:ëëóÌ ïòëó».

При всей примитивности «детского» рисунка узнаваемым и очень привлекательным предстает перед нами герой – мальчик Мотл с огромными черными глазами, тонким горбатым носиком и оттопыренными ушами. А вместе с ним оживают и добрая толстуха Песя, и криволицый Менаше-фельдшер, и множество других обитателей Б-гом забытого городишки, от которого 45 верст до железной дороги. И невольно улыбка соединяется с горечью при виде семьи, сгрудившейся под висячей керосиновой лампой

вокруг голого стола, на котором сиротливо лежит единственная рыбка и два пера зеленого лука... Но то, что в реалистическом, верном жизненной правде «взрослом» искусстве представало бы мрачным, безысходным, способным вызвать гневный протест, огорчение и жалость к «униженным и оскорбленным», в мироощущении ребенка оборачивается волшебством и живет по законам сказки – в какой-то момент и страшной, и злой, но неизменно светлой и благополучной в своем финале...

Мне не привелось знать этой жизни – жизни моих предков Гершензонов, обитавших в точно такой густой народной среде еврейских «местечек», только не на Украине, а в Бессарабии. Но какой-то таинственной памятью души я ощущаю: этот мир, куда ввел меня мой старый друг, близок мне, он мой; его частица живет во мне – я узнаю его в каждой черточке, каждом мазке этих удивительных рисунков, похожих на волшебные окна...

Èèèrñò ðàòèÿ é «Ì àèü-èéó Ì îòéó».

В еще большей степени «от первого лица», от самого себя ведет Ингер рассказ в серии «Мое детство». Ее автор снова, как в «Мальчике Мотле», – мальчишка: маленький, лопухий, с огромными черными глазами, сорванец и мечтатель, подобно Мотлу – почти своему двойнику – он бредит музыкой. В преломлении его фантазии является нам окружающий мир; в его, подчас ироничной и шутливой оценке предстают люди – родственники, соседи. Он, этот черноглазый Гершеле, сливается воедино с художником Григорием Ингером и существует отдельно от него. Он там навсегда – в старой Умани, заповедном крае, куда нет дороги; где все осталось неприкосновенным, только обрело черты сказки, фольклора, народного искусства, вечного и бессмертного, как душа народа. И мне представляется: старый мастер довел меня до заветной двери, распахнул ее передо мной – и передал в руки Гершеле, а уж он повел дальше, радостно и увлеченно знакомя со всем, что его окружает, составляет его мир.

Гершеле необыкновенно наблюдателен и зорок. От его меткого взгляда не ускользает нелепая претенциозная шляпа на макушке барыни-соседки, целая гирлянда пестрых бус на обширном бюсте, заключенном в широчайшую красную кофту; столь же красная круглая физиономия, похожая на чайник. Рядом с этой мадам особенно тщедушным выглядит ее супруг, самодовольный и лощеный, как и замыкающие семейную группу чада – лопухий гимназист и томная барышня с гигантским красным бантом на голове. Не нужно быть очень догадливым, чтобы понять: Гершеле терпеть не может этого гимназиста с его слюняво-красным ртом; его чванливых родителей; все их выставленное напоказ жалкое благополучие.

Соседи вновь и вновь встречаются на нашем пути. Вот еще одна (а может быть, та же самая) мадам, похожая на гигантский колокол своей пышной юбкой, необъятной фигурой. Прогуливается важное семейство, вынесшее на всеобщее обозрение дорогие шубы, меховые шапки, вульгарные украшения. Детский взгляд, беспощадно-зоркий, подмечает и простодушно обнажает то, что глаз взрослого либо считает нужным тенденциозно осудить, либо как-то оправдать, объяснить – словом, предложить некую оценку, некое суждение... Ребенок не судит, не оправдывает. Он видит и чувствует.

Гершеле – этот остроглазый юнец, конечно же, не упустит случая показать мне генерала, гордо вышагивающего рядом с грудастой особой в шляпке с огромным зеленым пером и папироской во рту. Он обязательно заметит боевую саблю, хвостом волочащуюся по земле за низеньким генералом; лихо подкрученные усы, похожие на половинку бублика. Он не упустит и стоящего навтыжку мелкого жалкого солдата, столь же мало воинственного, как и генерал, обернувшийся посмотреть: по всей ли форме отдается честь его превосходительству.

У мальчишки нет особого пиетета ни к чему: жизнь его собственной семьи, нищая, нелепая не вызывает у него никакого почтения. Спит на железной кровати старик-дед, укрывшись синим одеялом с красными полосками; седая голова с длинной бородой величаво покоится на красно-белой ситцевой подушке; розовые шлепанцы смиренно лежат под кроватью на полу; а через дырявую соломенную крышу падают капли дождя, стучат в аккуратно поставленные на одеяле, животе и ногах деда белые плоски. Покорность судьбе в лице дырявой крыши, которую то ли некому, то ли не считают нужным чинить; предусмотрительная аккуратность, с какой расставлены под дырами сосуды от дождя; способность ко всему привыкнуть и все перетерпеть вызывают у моего «гида», как и у меня, сложную гамму чувств: и смех, и восхищение – воистину, голь на выдумку хитра, – и раздражение: не лучше ли все-таки было бы починить крышу?

Nādeŷ «Ī řá āāōñō āī». «Ī āī Ōōū: ēī řēē Ī ā āāçāđā».

А вот бредет по травке вдоль дощатого забора с портфелем под мышкой, с бледно-белым лицом, в кепочке и пенсне пан Тульчинский, «которого все обижали», как записал в своих воспоминаниях Григорий Бенционович, и что так наглядно демонстрирует мне Гершеле: чудак-интеллигент, всеобщее посмешище, предмет издевательств и розыгрыша для мальчишек. Привычно не обращает внимания на ухмыляющегося маленького разбойника, запустившего в него веником. И сияет над его головой то самое – из «Песни Песней» – весеннее глубокое-глубокое небо; отвечает небесной голубизной короткая борода...

Пан Тульчинский – заметная фигура на фоне жизни мелких обывателей, ремесленников, торговцев, для которых интеллигент – нечто чуждое, странное. Мальчишки отлично улавливают отношение взрослых, не устают смеяться над чудачком, а в то же время неотрывно следят за ним, таким интересным, необычным.

Вот пан Тульчинский двинулся на базар. «Пан Тульчинский на базаре» – целое событие, увлекательное зрелище. Роскошная пестрая торговка в ярчайшей юбке, красной с белыми цветами, с лотком пирожков, изображенным вопреки всякой перспективе «сверху», дабы мы могли разглядеть и оценить должным образом этот божественно благоухающий пирожный рай, предлагает пану свой товар. Да только есть ли у пана деньги на такое редкое лакомство, как базарный пирожок?

Базар в местечке – одно из самых притягательных для мальчишек мест. «Продавец счастья» – рыжебородый еврей-шарманщик в фуражке и зеленом лапсердаке, с лицом зеленым, как травка, крутит ручку своего ярко расписанного органа. На крышке сидит, высится огромный, как сказочная птица Гамаюн, красный попугай с роскошным хохолком, с пестрыми синими, зелеными, желтыми перышками; вынимает девочке в платочке конвертик с предсказанием. Именно он, этот сказочный попугай – «продавец

счастья», а его болезненно-хилый, такой будничным хозяин только сопровождает ему. Попугай «сродни» просторному синему небу, причудливому облаку, напоминающему фантастического зверя, пению шарманки, рыдающей каким-то душещипательным старым вальсом...

Важнейшая часть жизни Гершеле – музыка, несбыточная мечта о скрипке. Вот они – красные, розовые, золотистые, неопределимо прекрасные скрипки висят в витрине магазина. Гершеле даже не смеет взглянуть на них. Он стоит неподвижно, стиснув руки, отвернувшись от вожделенной витрины, словно боясь: сказочное счастье может так легко исчезнуть от одного его взгляда, обернуться какой-нибудь прозаической житейской рухлядью. А в то же время рухлядь – палки, дощечки, обструганный прутик могут силой волшебства превратиться в чудесную скрипку. Босоногий Гершеле в убогой комнатенке на фоне голого без занавески оконца самозабвенно «играет» на прутиках – и дивная музыка звучит в каждом звонком ярком мазке; в бездонном небе, по вечернему синющему за мелкими переплетами окна. «Ах, если бы моя мама была хорошей мамой, она сделала бы меня музыкантом», – мечта Мотла, это и мечта Гершеле! Но по понятиям местечка, работа музыканта, как и работа ремесленника, недостойна мальчика «из хорошей семьи». Своя местечковая спесь, свои сословные предрассудки...

Мальчику из «хорошей семьи» положено ходить в хедер, что является не самым приятным, но самым животрепещущим, самым незабываемо-острым воспоминанием детства. В классе за длинным красным столом сидят в ряд ученики – бледный веснушчатый малыш с подвязанной щекой, другой, повыше, такой же бледно-немоощный, с забинтованным горлом; краснолицый молодец, по сравнению с другими детишками большой и сильный, опасно нависший над Гершеле, – сжавшимся, испуганным, резко отличающимся от товарищей своими всевидящими огромными глазами, своим одухотворенным обликом. А над ними неумолимым фатумом навис огромный учитель с плеткой в руках. Красное лицо, рыжая борода, зверский глаз, нацеленный на мальчишек. Кажется, вот сейчас обрушится страшная плеть на втянутые плечи Гершеле. А за окном в небе плывут белые барашки-облака – напоминанием о воле, летнем просторе, куда так хочется убежать из душного класса: так и представляется, что он, подобно подвалу мальчика Мотла, насквозь пропах кислым тестом...

И все-таки даже этот ненавистный хедер и учитель с наводящей ужас плеткой, и мало приятные соседи, и тоска о недостижимой скрипке не омрачают неиссякаемого оптимизма Гершеле. Все они – и учитель, и чванливая барыня-соседка, и ее слюнтявый сынок составляют часть «моего детства»; без них оно исказится, потеряет свою контрастность, свою полнокровность. В восприятии Гершеле все пронизано стремлением запечатлеть навсегда этот мир таким, каким он был, сохранить во всей его реальности.

Путешествие окончено – Гершеле прощается со мной у двери, за которую ему нет хода.

Последние – девятидесятых годов – рисунки из серии «Мое детство» совсем иные. В них уже нет и следа «детскости». Безупречно точный «взрослый» рисунок, блестящее владение черным пятном и линией – та скупая простота, которая служит мерой подлинного искусства. С поистине библейской силой подлинным шедевром мастера предстают два рисунка: на фоне развалившегося домишки еле-еле переступает подгибающимися ногами сгорбленный старик с иссохшим телом и великолепной головой пророка Моисея; больной нахохлившийся малыш привстал на своей жалкой кривой железной кровати в полупустой комнате, где всей обстановки – колченогий стол, голая керосиновая лампа под потолком да унылые доски пола. Начало и конец жизни – и

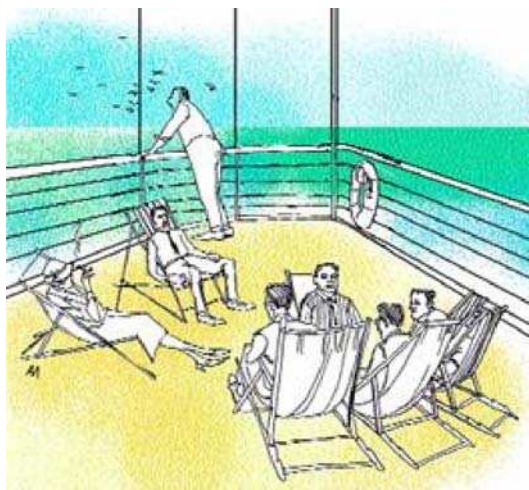
там, и там тема одиночества: одиночество испуганного ребенка; одиночество заброшенного старика. Эти два листа, заключающие повесть о «моем детстве», такие скорбные, такие щемящие, звучат как бы напоминанием о грядущей трагедии – вновь донеслись отзвуки того скорбного реквиема, что надрывали сердце не преходящей болью Бабьего Яра...

... В одной из последних работ восьмидесятилетнего мастера созданы образы его матери и его самого – большеглазого ребенка, доверчиво глядящего на Б-жий мир. А мать – встревоженная, с испуганным молящим взглядом прижимает к себе сынишку, словно бы отгораживая его рукой от этого самого

Б-жьего мира, такого жестокого, такого беспощадного. В этой живой, реальной – и наивной, с элементами народного примитива, светлой и горестной еврейской Матери воплотилась глубокая человечность, пронизывающая все творчество Григория Бенционовича Ингера. Маленького Гершеле из местечка Охримовка, что на Украине, близ Умани. БЫЛО когда-то на Украине.

РЕСПУБЛИКА ТРИНАДЦАТИ

Øîëî -Àëëõài

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На пароходе нас целая колония знакомых, полузнакомых и совершенно незнакомых. Есть настоящие евреи, но есть и такие, что могут сойти за немцев. Один из них банкир. Про него говорят, что он миллионер. Он едет в первом классе, но часто приходит к нам, во второй, поболтать, провести час-другой. Он не заносчив – и этим он подкупил нас, очаровал. Вдобавок, он очень веселый человек, красиво говорит и любит анекдоты. Глядя на его лысую голову и приподнятые плечи, вы не верите, что это миллионер. На нем простой черный галстук, никаких украшений, камней, кроме обыкновенных плоских часов. Но как только он вступает в разговор и заливается дробным смехом, закрывая глаза и сверкая зубами, вы догадываетесь, что это один из тех людей, кому счастье всегда улыбается и от кого убегают заботы и огорчения. Таким людям одного не достает – славы.

Êàí'èòàëèñò

Среди пассажиров – наших незнакомых знакомцев – был один обитатель подпалубного помещения, здоровый парень, по виду мясник, сапожник или столяр, но, во всяком случае, рабочий. Когда он говорит, то кажется, что он рубит топором. При этом он всегда сопровождает свои слова взмахом руки, будто вколачивает молотом. Он часто взбирался к нам на палубу второго класса и терся около нашей еврейской колонии.

Он чувствовал себя счастливым, когда кто-нибудь из нас заговаривал с ним и, отвечая, был на седьмом небе.

В нашей колонии была также одна молодая женщина лет тридцати, высокая, стройная, как англичанка, болтливая, как француженка, и красивая, как еврейка. Одевается почти как мужчина, держится, как мужчина, и любит быть среди мужчин. Она сама говорит, что ненавидит женщин и что нет ничего противнее женщин. В этом я с ней не согласен...

Daai-èé

Кто эта женщина и куда она едет – никто не знает, точно так же, как мы не знаем, кто все остальные, похожие на немцев в такой же степени, как и на евреев. То есть они скорее евреи. Я готов держать с вами пари на что угодно. Я, видите ли, узнаю еврея по глазам. Еврейские глаза спрашивают, что-то хотят узнать... быть может, они вас спрашивают: «Неужели, упаси Б-же, вы нас узнали?»...

Во всяком случае, не в этом суть моего рассказа. Я хотел только сказать, что и на море, как и на суше, всякого тянет к своему. Все пассажиры группировались по национальностям. Были различные группы, начиная от английской и кончая негритянской. И мы тоже не сговаривались. Никто из нас не выступал с проектом объединения. Но это произошло. Я даже не знаю как. Тихо, без слов, мы образовали свою еврейскую колонию, уселись на носу парохода и завели разговор. Сначала о пустяках, о том, о сем, а потом, не помню уж как, перешли к самой больной и существенной теме. Мы заговорили о евреях, о нашем прошлом, о положении еврейского народа в разных странах и о будущем еврейской нации. Сперва говорили настоящие евреи, а потом уж приняли участие и полунемцы-полуевреи. Дальше – больше и в конце концов, обнаружилось, что мы все евреи различных стран, различных занятий и различных убеждений. Нас было тринадцать человек. Тринадцать евреев из тринадцати различных мест. Разговор велся спокойно и холодно, но чем дальше, тем все теплее и теплее, пока не стал настолько горячим, что даже заинтересовал остальных пассажиров. Они подходили к бортам, делая вид, что любуются морем, а на самом деле прислушивались.

Ааі іеіа

Постепенно наша дискуссия превратилась в диспут или, говоря просто по-еврейски, в базар. Каждый из нас хотел другого переубедить и доказать серьезность и правильность своего мнения. А чтобы доказать – приходится говорить все громче и горячее. То есть надо перекричать другого. Ведь старая истина: кто умеет громче кричать – тот может скорее убедить. И вот так мы все кричали, жестикулировали и не заметили, как море разыгралось. Появились неизвестно откуда небольшие, но густые облака. Они стали шириться, расти – и проглотили солнце. Море затянуло печальную песню. Загудели волны... Пароход стал покачиваться, бросаться в разные стороны, то поднимаясь, то опускаясь. Зазвенели звонки, раздался сигнал, забегали матросы. Машины затрещали, послышались удары бросаемых канатов. Загудели колеса... И, не успев оглянуться, мы услышали оглушительный гром, ужасающий гул, точно под нами разверзлась бездна – и в один миг все изменилось. Все мы, пассажиры, очутились на полу в различных позах. Упав, мы сразу почувствовали на себе холодные потоки воды – и вода схватила нас, смяла и унесла с собой. Все это произошло с непонятной быстротой. Мы даже не успели дать себе отчет во всем происходящем и не знали, куда нам бежать, где спрятаться. Мы все сбились в одну кучу, словно овечки в бурю, – и вот мы в воде, хватаемся за разбитые доски и выбиваемся из сил. Еще минута – и мы теряем представление о времени, забываем собственные имена, не понимаем, что творится вокруг нас. Мы знаем только одно: нас бросает вверх и вниз. И мы чувствуем, как кровь застывает в наших жилах, как немеют наши руки и ноги. И мы – уже не мы...

Понятно, что все это относится к моим товарищам. О себе я могу сказать (надеюсь, вы не сочтете это хвастовством), что я держался довольно стойко на одном месте, имел даже возможность наблюдать, как остальные боролись с волнами, напрягая все свои силы. Конечно, про миллионера и говорить нечего. Какому миллионеру хочется умереть?! Разве такому, кому миллионы и слава опротивели, кому хочется узнать, что такое представляет собой загробный мир...

Í èñò áëü

Вы должны были бы поглядеть на того атеиста, который на палубе отрицал существование Б-га, смеялся над всем миром, над всеми законами. Как он задвигал руками! Как он вздыхал и охал, призывая Б-га на помощь! А женщина, та самая, что на пароходе держалась, как мужчина, – тут, увы, совсем потерялась. Она ежеминутно падала в обморок и так же быстро приходила в себя под холодными потоками воды, которые обливали ее с ног до головы. Женщина остается женщиной... Зато любо было глядеть на пассажира подпалубного помещения. Он постоянно оборачивался ко мне, кивал мне головой, советуя держаться обеими руками за железный крюк. Он сам держался за него одной рукой, ибо в другой у него была женщина. Женщина находилась в обморочном состоянии и могла, упаси Б-же, скатиться с доски и найти преждевременную смерть в глубинах моря...

.....

Как долго это продолжалось – я не могу сказать. Никому из нас не пришло в голову поглядеть на часы. Я только помню, что было темно, потом стало еще темнее. Долго, очень долго тянулось время, возможно, что целые сутки, а, быть может, и двое суток. Я не могу с точностью определить, ибо есть такие читатели, которые, когда им рассказывают что-нибудь необычайное, переглядываются друг с другом и посмеиваются. Я знаю, чем пахнет такой смешок! – «врет напропалую, верь ему, как календарю». Да, я могу себе представить, какие гримасы соорудили бы эти умники, если бы я хотел рассказать им, на какие чудеса я насмотрелся, когда на доске разбитого парохода несся по волнам необозримого моря, глядя на чудовищных рыб, на морских зверей – помеси человека с рыбой. Они бы заявили, что я рассказываю сказки. Но я предпочитаю об этом промолчать и рассказывать дальше.

Дальше, слава Б-гу, все было очень хорошо, лучше, чем мы могли ожидать. Нас выбросило на какой-то песок с камнями. Светлый путь блеснул в наши полузакрытые глаза, и живительное тепло разлилось по всем нашим членам. И понемногу мы стали приходиться в себя, раскрывая глаза, перебрасываясь словами.

– Где мы? – говорит один.

– Где мы? – вторит ему другой.

Мы еще не знаем, где мы, но чувствуем и видим, что мы на берегу, на суше. И постепенно мы приподымаемся, пытаемся встать на ноги. Отряхиваем воду, оглядываемся по сторонам, поднимаем глаза к небу, потом вновь опускаем к земле. Над нами чудесное синее небо с ослепительным солнцем, а внизу – зеленая земля. Над нашими головами летают и поют птицы, вокруг нас рассыпаны мириады цветов. Мы

чувствуем, как в душу каждого из нас вкрадывается какая-то странная щемящая боль... У нас дрожат руки и ноги. Мы, видимо, голодны. И снова мы спрашиваем друг друга:

– Где мы? Где мы?

Наш рассудок возвращается к нам, и мы уже понимаем, что это море выбросило нас на берег, на неизвестный нам остров. Я начинаю всех пересчитывать и вижу, что нас, представьте себе, ровно тринадцать, тринадцать человек как раз. Тут и миллионер, тут и атеист, та же женщина, рабочий... Вся наша еврейская колония целиком. И ни одного чужого!

И невольно из груди вырывается вздох.

Мы все поднимаем руки к небу (кроме одного – атеиста, отвернувшегося в эту минуту в сторону) и молча славим Б-га, и каждый из нас в душе произносит:

– Ты велик, о Г-споди, и велики чудеса, Тобою творимые...

Ġđđġġġġ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наверное каждый из вас в детстве читал чудесный рассказ про Робинзона Крузо и знает, как море выбросило его на остров, как он жил в одиночестве несколько лет.

То же самое было и с нами – тринадцатью несчастными пассажирами, попавшими Б-г знает куда. Разница лишь в том, что он был один, а нас – тринадцать. Тринадцать братьев (двенадцать братьев и одна сестра), дети одного и того же народа. Тринадцать Робинзонов на одном острове! Конечно, наше положение лучше, чем положение одинокого Робинзона. Но если даже нас тринадцать человек? Все равно мы не знаем, где мы находимся. Материк ли это или пустынный остров. Судя по богатой растительности, мы не в пустыне. Возможно даже, что остров обитаем. Но вопрос в том, кто его обитатели. А вдруг, избави Б-же, людоеды?

И мне вспоминается книга, которую я читал на пароходе до катастрофы. Книга как раз была еврейская – роман, но издана в Америке. У меня был экземпляр седьмого издания (так сказано на обложке). Заглавие этого романа очень длинное: «Капитан Гарибаба, или Они идут за бриллиантами и попадают к людоедам на остров “Кукуруза”, где живут дикие люди из племени “Таратута”».

Книга произвела такую сенсацию во всем мире (так сказано на обложке), что на фабриках не хватило бумаги, а в типографиях – букв для набора, и наборщиков пришлось привезти из Европы на специальных пароходах.

Жаль, что я романа не дочитал. Буря помешала мне, а я как раз остановился на самом интересном месте, где было описано, как пароход блуждал по волнам океана, как на пароходе кончился провиант и как бросали жребий, кого из матросов употребить в пищу. Жребий бросали до тех пор, пока в живых остался только один капитан. И этот капитан поплыл к острову «Кукуруза».

А что, если и мы попали на этот остров, и дикарям из племени «Таратута» захочется полакомиться котлетами из человеческого мяса?

Если так – то лучше было погибнуть в море!

Àòàèíò

Эта мысль заставила нас всех содрогнуться: никто из нас не хотел попасть на зубы дикарям, а предпочел бы скорее зажарить кого-нибудь из них. Мы отчаянно проголодались, свершив небольшую прогулку по морю на обломках разбитого парохода.

Ребром встал вопрос о еде. Мы поглядели друг на друга такими глазами, точно говорили: «Давайте-ка бросим жребий, кого раньше съесть».

– Если мы будем стоять, ничего не выйдет. Надо начать поиски, достать пищу.

Так сказал один из нас. Кажется, миллионер. Он больше всех страдал от голода.

– Достать пищу? – сказал другой сердито. – Это легко сказать! А где достать? Разве вы не видите, что мы находимся в пустыне?

– Вы так решили? – спрашивает третий, рассердившись на второго.

– Милосердный Б-г, избавивший нас от воды, наверное, и накормит нас.

Так произнес единственный набожный еврей среди нас – ортодокс, но за это атеист наградил его злобным взглядом.

И таким образом начались дебаты. Они продолжались до тех пор, пока один из нас (я не хочу сказать, что это был я, дабы вы не сочли меня хвастуном) не напал на блестящую мысль: мы все должны разойтись в разные стороны и начать поиски в лесу, на горах, в полях. Это предложение было почти уже принято, но нашелся один и запротестовал:

– А вдруг мы заблудимся?

Это было очень дельное замечание, и все согласились с тем, что тринадцать – это не один. Но все-таки остался вопрос: куда нам всем двинуться? В какую сторону? Влево или вправо? В лес или в поля? И снова закипел спор, и, как на пароходе, мнения разделились. Сколько людей – столько мнений. Тринадцать человек – тринадцать мнений. Один утверждал, что в лесу должны быть плоды, какие – неизвестно, но, во всяком случае, – плоды. Его перебил другой:

– Я впервые слышу о том, что в лесу растут плоды.

Вмешался третий и сказал, что бывают различные леса. Если нет яблок и груш, то зато, наверное, есть орехи. За орехи он ручается.

– За орехи вы ручаетесь? Чем вы, например, ручаетесь?

– Чем хотите!

– И за диких зверей вы тоже ручаетесь?

– Для чего вы тут приплели зверей? Дикие люди опаснее.

– Гораздо хуже!

Спор тянулся бы до бесконечности, но вмешался рабочий:

– Господа! Если вы не обидитесь, я вам кое-что скажу. Я себе человек простой, рабочий, всяких там штук не знаю, но для чего ссориться по поводу того, чего не знаешь? Возможно, в лесу много плодов, но, может быть, и наоборот. Если вы мне позволите, я на минутку забегу в лес. Если там растут плоды, я вам скажу или сорву и принесу. И мы поедим.

Это было так просто и ясно, что никто не запротестовал. Мы расселись по камням, греясь на солнце, и каждый из нас погрузился в свои думы. Все мы молчали и не потому, что боялись нарушить святую тишину и не из-за отсутствия тем для разговора, но по очень простой причине: мы были, как я уже вам говорил, адски голодны, а голодный человек не любит разговаривать.

Néíéñò

Если все чувствовали то, что я чувствовал, – мне придется сказать, что в ту минуту каждый из нас с вожделием поглядывал на другого не хуже людей племени «Таратута».

Да, голодный человек – зверь. Я мог убедиться в этом, когда рабочий вернулся из леса, с ног до головы нагруженный плодами. Вся колония набросилась на него. Б-г знает, что могло бы произойти, приди он с пустыми руками. Джентльмен-банкир первый бы задушил его. Но, к счастью, наш ходок принес сладкие свежие бананы и жирные орехи. И мы, словно дети племени «Таратута», набросились на них, вырывая друг у друга из рук.

Эти бананы и орехи были изумительно вкусны. Мы не могли ими нахвалиться. Каждый из нас находил в них различный вкус и высказывал по этому поводу свое мнение.

Чем больше мы ели, тем все разговорчивее становились. Засияли лица, улыбки показались на губах. Мы стали совершенно другими людьми. Один заметил, что банан – самый лучший плод.

Другой заявил, что бананами он готов питаться всю жизнь.

Третий доказал, при помощи Дарвина, что первобытные люди питались исключительно бананами. Но вмешался еще один и при помощи того же Дарвина стал отрицать это.

Его поддержал пятый, приведя в доказательство зубы:

– Если первобытные люди питались бананами, почему же у них были такие крепкие зубы?

Но вступил ортодокс, сотворил молитву над плодами и заявил:

– О чем вы тут спорите? Разве вы забыли, что сказано в Писании? Б-г ведь так наказал Адаму: «со всех деревьев в саду ешьте, кроме этих двух деревьев».

Само собой понятно, что против такого объяснения запротестовал атеист, и они оба немного повздорили, но очень добродушно. После еды у каждого человека хорошее настроение, особенно после такого продолжительного голода. На душе стало

легче, в глазах посветлело. Захотелось немного отдохнуть, растянуться на мягкой траве во весь рост, глядя на синее небо.

И все растянулись, задрав головы. Но долго глядеть на небо нельзя – подкрадывается сон и, видимо, на долгое время, ибо, когда мы проснулись, солнце уже стояло довольно низко.

И наша первая мысль была:

– Воды! Где достать глоток воды?

И, как водится, взяли за долгое обсуждение. Кто-то заметил, что вода должна быть поблизости: где горы – там и вода.

Ī àò áðèàèñò

Другие ополчились:

– Это вовсе не доказано. Могут быть горы, но без воды.

Все мы высказали свое мнение. Тринадцать человек – тринадцать мнений. Тринадцатым был рабочий, который любил постоянно быть последним. Он сперва извинился, что осмеливается в таком почтенном обществе выступать со своими мнениями, но если ему будет позволено, он хочет сказать, что спорить не надо, а лучше всего пусть разрешат ему добежать до ближайшей горы и убедиться, есть ли там вода.

Нечего говорить, что это предложение было принято почти единогласно, – и через очень короткое время рабочий прибежал с известием, что тут недалеко под горой протекает ручей с

чудесной холодной водой. Жаль только, у него нет под рукой ведра, а то бы он принес. Он боится, что нам всем придется потрудиться и сходить самим. Конечно, мы «потрудились», направились туда и увидели ручей кристальной чистоты. Ручей падал с горы и пропадал где-то в лесу. Мы опустились на колени, припав губами к воде, как делали некогда наши предки. И снова мы ожили, снова посветлело в глазах. Мы уселись на берегу ручья.

Сидим и глядим, как заходит солнце и прячется за густым, темным лесом. Теплый день готовится уступить свое место прохладному вечеру. И вечер реет над нами и наводит нас на новое размышление:

– А где нам поспать?

Конечно, мнения разделяются. Один говорит, что лучше всего переночевать в лесу. Другой против этого, опасаясь диких зверей. Третий предлагает подняться на гору:

– Авось, там мы найдем что-нибудь.

Его перебивает кто-то, утверждая, что кроме камней там ничего не найдем. Следующий оратор заявляет, что это и хорошо: из камней можно построить что-нибудь для защиты от дождя.

Идеалист

Разговаривая так, мы удаляемся от ручья и незаметно доходим до какой-то огромной пещеры. Возможно, эта пещера сделана человеческими руками.

И об этом различные мнения. Но все согласны, что здесь мы должны проводить наши ночи. Разве есть что-нибудь другое? И, если уж вы хотите знать, это не так скверно. Правда, одеял и подушек у нас не было, зато каждый постелил себе свежей травы. Для женщины мы отвели отдельный уголок и из листьев сделали нечто вроде ширмы. Всю эту работу исполнил рабочий. Не думайте, что мы его заставили работать. Он сам за это взялся, дав нам понять, что это его дело, ибо он прирожденный рабочий, привыкший к постоянному труду. Он не может не работать. Сказать, что мы особенно упорствовали, – я не могу. Но мы тоже не сидели сложа руки. Мы были заняты весьма серьезным вопросом: «где мы находимся?» Нет ничего хуже, как не знать, где находишься. Удивительное дело!

Среди нас было много интеллигентных людей. Были люди даже ученые, философы, но ни одного, кто бы знал географию и мог назвать все острова. Один кое-что помнил и стал сыпать названия ни к селу, ни к городу:

– Сицилия, Сардиния, Куба, Ямайка, Урагвай, Индостан, Гиндукуш, Гималаи, Анды, Тибет, Арарат...

– Те-те, – отозвался другой, – смотрите-ка, куда он заехал! С островов взобрался на горы.

– Знаете что, – сказал третий. – Придумаем название для этого острова. Как назовем, так и будет называться.

Это предложение понравилось всем, и мы принялись подыскивать название. Конечно, каждый предлагает свое. Тринадцать человек – тринадцать названий. Миллионеру хотелось, чтобы остров был назван «Парижем». В Париже он провел свои лучшие годы. Ортодокс, только что помолвившийся Б-гу, предложил назвать «Б-жьей помощью». Но атеист высмеял его и заявил, что ему все равно, пусть хоть назовут «чертовым островом».

Женщина тоже предложила другое, советуя назвать «Евой» в честь прародительницы Евы. Но так как она была единственной женщиной, ее никто не поддержал.

Кто-то предложил назвать «Сионом», но другой спросил:

– С какой стати Сионом? Почему не Аргентиной, Угандой или Бразилией?

– Если бы вы меня послушались, я бы предложил назвать этот остров «Карлом Марксом», – так отозвался некто, по-видимому, социалист.

– Почему это «Карлом Марксом»? – спрашивает кто-то. – Почему не Моисеем-законодателем, Магометом, Спинозой, Байроном, Гейне, Спенсером?

Из всех этих дебатов мы узнали, что среди нас, тринадцати, существует ровно тринадцать элементов. Даю здесь подробный список:

1 сионист, 1 территориалист, 1 капиталист, 1 ортодокс, 1 атеист, 1 социалист, 1 националист, 1 ассимилятор, 1 идеалист, 1 материалист, 1 рабочий, 1 женщина, 1 писатель (это я, автор этого рассказа). Итого 13 человек, 13 элементов.

Àtèi èyòîd

Внезапно меня осенила идея (величайшие идеи приходят внезапно), и я встал на камень и попросил слова:

– Милостивая государыня и милостивые государи! Позвольте и мне высказать свое мнение по поводу названия острова. Так как каждый из нас твердо держится за свое название и не намерен уступить другому и, возможно, прав в своем упорстве, я бы предложил вам, принимая во внимание, что нас тринадцать человек, назвать этот остров Островом тринадцати.

Тут я должен сделать небольшое примечание и сказать вам откровенно, что ни один оратор Европы и Америки не слышал таких аплодисментов, каких удостоился я в этот прекрасный вечер на не менее прекрасном острове.

Я это, упаси Б-же, говорю не для хвастовства, но с исключительной целью доказать читателю, что успех всякого оратора заключается в одном: надо говорить как можно короче. Чем меньше говоришь, тем меньше глупостей. Поэтому я и заканчиваю вторую главу своих описаний.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда я был маленьким и с учителем читал рассказ об удивительных приключениях Робинзона, я ежеминутно останавливался и спрашивал учителя:

– А что было бы, если бы Робинзон не нашел орехов? – Или: – А если бы попугай не прилетел к нему? А если бы Робинзону не удалось бы извлечь огня из камня?

Таковыми вопросами я так надоел учителю, что он вышел из себя и схватился за голову.

– Как это мальчик может быть таким глупым и не понимать, что, не будь всего этого, не было бы и книги о Робинзоне!

Я хочу надеяться, что никто из читателей не станет сомневаться в правдивости моего описания. Меня нельзя сравнивать с Робинзоном. Робинзон был один-одинешенек и мог выдумывать Б-г вещь что: поди-ка, доказывай, что он врал. Но я, если бы даже хотел, не могу приврать: я не один. Нас, слава Б-гу, тринадцать. Тринадцать Робинзонов на одном острове, тринадцать потерпевших крушение, тринадцать представителей различных течений, тринадцать человек, выброшенных на неизвестный нам остров, и поэтому названный нами Островом тринадцати.

Я могу вас уверить, что еще никогда мы не спали так чудесно, как в эту первую ночь на Острове тринадцати.

Ī àòèíí àèèñò

После обеда из бананов и орехов мы утолили жажду свежей ключевой водой, легли на свои постели из молодой зеленой травы и заснули блаженным сном, каким могут только спать люди, чудом избавившиеся от разъяренных волн, после долгих мук и голодовки.

Такой сон не нарушается печальными сновидениями. Такой сон тянется долго и кончается только тогда, когда наступает яркое утро, когда первые нежные лучи солнца

приветливо ласкают ваше лицо. Вы тогда медленно открываете глаза, расправляете свои члены. Перед вашими глазами проходит ряд картин вчерашнего дня, и вы спрашиваете себя:

– Где я?

Каждый из нас тихо поднялся со своего места, натянул на себя не совсем еще высохшую одежду, и по одному мы выбрались из своего убежища, подошли к ручью, освежили руки и лица холодной кристальной водой и залюбовались окружающей нас природой, восхищаясь синей лентой лесов, легкими контурами гор и ярким сиянием солнца. Потом мы все повернулись лицом к лесу, чтобы дать возможность нашей единственной даме умыться и привести себя в порядок, как полагается даме.

После этого мы поздоровались друг с другом, расспрашивая, кто как поспал. И невольно у каждого вырвался один и тот же вопрос:

– Ну, а что дальше делать?

От главной заботы – насчет еды и питья – мы, слава Б-гу, избавлены. Вокруг нас, на деревьях – бананы и орехи, в горном ручье журчит вода. По-видимому, на этом острове мы с голоду не умрем. Есть, конечно, известные привычки и потребности, от которых трудно отказаться, например: стакан чаю по утрам или чашка кофе с молоком, сигара и любимая газета. А ведь всегда жаждешь того, чего нет... Я не помню, кто первый из нас заговорил про чай и молоко, но как только эта тема была затронута, тотчас же начался продолжительный разговор. Один захотел чая с молоком, второй – кофе с молоком, а третий заметил:

– Не надо молока, лишь бы чая.

Но его перебил четвертый:

– Коль скоро чай без молока – так уж лучше молоко без чая.

Вмешался еще один и поддержал его, доказав как дважды два четыре, что предпочтительнее молоко, ибо для чая необходим сахар.

Конечно, на одном месте мы не стояли и медленно поднимались в гору. Подвигаясь таким образом, разговаривая и размахивая руками, мы заметили, как в дали шевелились какие-то странные белые существа. Мы остановились в раздумье:

– Что это такое? Быть может, это люди? Дети? Или карлики?

Òààðè ò Ì ðè à è è ò

И я вспомнил недочитанный мною роман. Насколько я помнил, люди из племени «Таратуга», во-первых, не такие маленькие, а во-вторых – черные.

Само собой понятно, что по этому поводу каждый из нас высказал свое мнение. Тринадцать человек – тринадцать мнений. Но так как мы подвигались к этим белым созданиям, а они, в свою очередь, к нам, то мы вскоре увидели перед собой огромное стадо белых коз. Обыкновенные белые козы, обыкновенные бородатые козлы...

Мы вскоре убедились, что это не дикие козы: они не только не убегали от нас, но, наоборот, вплотную подошли к нам, обнюхивая нас, протягивая свои глупые мордочки, словно о чем-то прося, чего-то ожидая. Глупые козы!

– Как вы думаете, они дойные? – спросил кто-то из нас.

– Где ваши глаза? – ответил другой.

– Если бы достать хоть какую-нибудь посудину! – мечтательно заметил третий.

– Если вы позволите, – отозвался рабочий, – я подою парочку коз. Почему вы так удивлены? У меня дома была коза, и я сам ее доил.

– А во что вы будете доить?

– Каждому в его шапку.

Предложение это было встречено громким смехом, словно рабочий предложил нам одной ногой вскочить на небо. Но потом смех прекратился. Желание отведать молока было велико, и перед ним стушевались все возражения. Мы протянули рабочему или, как мы его называли, пролетарию свои шапки. Первый пример показал миллионер. Он снял свою шляпу и поднес ее с такой миной, с какой король или, по крайней мере, министр подносит свой стакан у минерального источника в каком-нибудь Мариенбаде или Карлсбаде и просит налить ему целебной влаги, которая отвратительна на вкус. Но что поделаешь: доктор велит пить натошак.

После него мы все потянулись, а также и дама со своей шляпой.

Небольшая заминка произошла с ортодоксом. Сперва он упрямылся, сомневался: пить ли ему. А потом, когда он, наконец, убедил себя подходящим изречением, встало другое препятствие: как пить без шапки. Но ученый еврей всегда найдет выход. Полой своего сюртука он покрыл голову, а шапку протянул пролетарию. Конечно, атеист высмеял его, назвав ханжой. Но ортодокс и бровью не повел: прочитал молитву и с набожным видом выпил молоко. Словом, все было, как говорят в Америке, ол-райт.

Когда все общество вдоволь налагомилось молоком, пролетарий сел наземь под одну из коз и стал сосать весьма простым образом. Это уж нас поразило, и мы отвернулись, сели на душистую мягкую траву, и снова начался разговор. Конечно, тема была все та же – «где мы находимся?».

Один из нас захотел нам доказать, что на острове должны быть люди и в доказательство привел коз, которые не только не убежали, но даже позволили подоить себя.

Тотчас же запротестовал другой:

– Наоборот, это доказывает, что на острове нет людей, иначе козы не позволили бы доить себя.

Њіоєàèèіò

Во всяком случае, мы были в хорошем расположении духа и более счастливы, чем одинокий Робинзон. Еда у нас есть, вода тоже и даже свежее козье молоко. Работать нам не приходится, как Робинзону. У нас налицо свой рабочий, который работает на нас всех, никому не позволяет даже пальцем пошевелить и, работая, предварительно извиняется.

Приходит утро – он доит коз (со временем козы привыкли к нам и уже не ждали, пока их подоят, а сами молчаливо просили об этом), потом он идет в лес и приносит нам плоды на целый день. Наступает ночь – он рвет для нас свежей травы и приготавливает нам постели.

Одним словом, он был нашей правой рукой. Он нам всем оказывал различные услуги и был счастлив, когда к нему обращались.

Да, всё – только привычка. Например, мы привыкли, выходя из пещеры, находить уже приготовленные бананы, орехи и молоко. Все это делал рабочий. Не хватает чего-либо, мы ему говорим – и в одну минуту все готово. В противном случае мы

злимся, читаем ему нотации, предупреждаем, что в следующий раз... Он все это выслушивает и молчит. Удивительно! Простой человек, а понимает, что мы – это не он, мы не созданы для черной работы. Наша работа более тонкая – мозговая работа. Мы каждый день разгуливаем по острову, изучаем местность, следим, не видать ли людей, стараемся определить, где мы находимся, на каком море, вблизи каких мест. Внимательно всматриваемся в даль, не видать ли парохода.

И так идут дни, недели, месяцы. И нет помощи, нет спасения! Мы не встречаем людей! Пароходов не видать! Мы теряем все надежды и решаем, что надо засесть здесь основательно, надолго, надо заняться устройством жизни.

Надо поднять культуру страны, издать законы, распределять работу, выработать правила разделения имущества, дабы каждый знал, что принадлежит ему. Словом, надо образовать государство – учредить королевство, конституционную монархию или даже республику.

Мы горячо принялись за работу и заложили первый камень для основания республики – единственной еврейской республики на всем земном шаре.

Понятно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, поэтому я прошу читателя запастись терпением.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Умные люди, изучающие мир животных, уже давным давно пришли к убеждению, что самым неблагодарным существом является человек. Возьмите, например, нас – тринадцать Робинзонов. Чего нам недостает?

Для кого сияет это чудесное солнце? На кого глядит безоблачное небо? Для кого зеленеет трава? Цветут цветы? Журчит ручей? Поют птицы? Шумит море? Для кого собраны здесь козы? И для кого Б-г создал пещеры? Разве не для нас? И все же мы неблагодарны и еще как! Я вам опишу утро на Острове тринадцати.

Все встали, вышли из пещеры, умылись, а уже навстречу идет пролетарий с сияющим лицом и приглашает к столу.

«Стол» – это огромный камень, где-то найденный пролетарием. Внизу он круглый, а сверху гладкий и ровный, словно кто-нибудь обстругал его. Наш пролетарий здорово вспотел, пока ему удалось докатить этот камень до нужного места. Покончив с этим камнем, он стал подыскивать другие и соорудил тринадцать стульев. Помочь себе он никому не позволил, заявляя, что это исключительно его обязанность.

– Работать должен каждый. Каждый человек обязан на себя работать.

Так сказал социалист и при этом счел своим долгом прочесть длинную лекцию о развитии общества. Но пролетарий раз навсегда заявил, что это его дело, и твердо стоял на своем.

Со своей улыбочкой простого человека он сказал:

– Если вы не обидитесь, то позвольте мне сказать, что бывает всякая работа. Работа работе рознь. Есть работа и есть работа. Один работает руками, другой – ногами, а третий – головой.

Упрямый человек! – что с ним поделаешь? Когда он успевает все сделать – мы не знаем. Кипит у него работа.

Когда мы просыпаемся, мы уже находим на столе молоко, воду, бананы, орехи, а также черные ягоды (он где-то нашел их); эти ягоды очень вкусны, похожи на виноград. Любопытно поглядеть, как мы шествуем к столу. Впереди всех мадам – единственная женщина на нашем острове. Рядом с ней капиталист, который считается в нашей колонии элегантнейшим джентльменом.

За ними идут по порядку: атеист, ортодокс, сионист, территориалист, социалист, националист, ассимилятор, идеалист, материалист, а уж за ними я – писатель. Последним идет пролетарий. Мы все усаживаемся, едим, пьем и разговариваем. Мы говорим о религии, о политике. Разбираем социальные и этические вопросы. И у каждого из нас свое мнение и, конечно, оно идет вразрез с мнением другого.

Часто из-за этого вспыхивают небольшие ссоры и бывают различные неприятности: дуемся друг на друга, перебрасываемся колкостями, иногда едкими насмешками или просто грубостями. Порой мы чувствуем, что успели уже надоест друг другу хуже горькой редьки. Мы перестаем разговаривать – и постепенно рождается мысль, что нам надо разойтись – раскинуться по всему острову. Надо каждому найти свой уголок. Тринадцать человек – тринадцать уголков.

Эта мысль нравится всем. В начале, конечно, об этом говорится намеками. Потом, чем дальше – тем все откровеннее.

– Если бы я знал, что вы не обидитесь, я бы предложил следующее, – так заявляет пролетарий, начиная по обыкновению с извинений. – Гора, на которой мы живем, велика и обильна. Пещер здесь достаточно. Здесь могут жить не только тринадцать человек, но даже тринадцать семейств. Если вы мне позволите, я возле каждой пещеры положу по камню, чтобы знать, какая кому принадлежит...

После коротких дебатов, занявших несколько часов, предложение пролетария было принято, и все остались довольны, даже сам пролетарий. Как видно, и мы ему здорово надоели. Неудивительно: у каждого из нас свой вкус, свои привычки, свои капризы. Например: один любит много солнца, другой, наоборот, любит прятаться в тени. Один любит, чтобы молоко было теплое, только что от козы, а другой – холодное. Один предпочитает бананы очищенными, а другой как раз любит их в натуральном виде. Поспать тоже всякий по-своему любит. О даме уже и говорить нечего. Женщине сам Б-г велел быть капризной. Наша дама требовала по утрам свежий букет цветов. Когда он отсутствовал, наша дама ни с кем не разговаривала. А когда хмурилась дама – хмурилось небо. А когда дулась дама – дулась земля, дулся лес, и все мы ходили надутыми. Вполне понятно, как легко стало на душе, когда мы разбрелись по своим пещерам, когда каждый занял свою собственную «территорию». Тринадцать человек – тринадцать территорий. Самая большая территория досталась, конечно, капиталисту. Он привык, по его словам, жить широко и свободно. Он не виноват: его с детства приучили жить в светлых, больших комнатах. Крошечная территория выпала на долю рабочего. По правде говоря, когда он находится в пещере? Ведь все равно он с утра до позднего вечера занят работой, а поспать пару часов не все ли равно где?

– Я, – говорит он, – спал дома не лучше.

Работы ему тоже не прибавилось, кроме чистки и уборки. Раньше он убирал одну пещеру, а теперь их тринадцать. Хорошо хоть, что не нужны отдельные столы. Чуть-чуть мы не обзавелись ими. После ряда долгих и горячих дебатов было решено, что столовая должна быть общей – под открытым небом. Самое удобное место, где мы можем два раза в день видеть друг друга.

Удивительно! Живя на одной территории, мы не выносили друг друга, а разойдясь – стали скучать. Но как только собирались вместе – ссорились. Спорили, потом прибегали к колкостям, вплоть до ссор.

После этого извинялись друг перед другом. И все это продолжалось до тех пор, пока не решили (конечно, после продолжительных дебатов) образовать отдельные колонии.

Первый заговорил о колонизации и о разделении имущества капиталист. Он доказал, оперируя своим опытом, что мы только тогда заживем хорошо, когда у каждого из нас будет свой уголок, свой собственный кусок земли, свой лес и свой скот (он имел в виду наших коз).

– Одним словом, – закончил капиталист, – собственность – это вечный двигатель, приводящий в движение весь мир. Без собственности нет прогресса.

– Они правы! – подхватывает ортодокс, еврей-литвак из толстых бородатых литваков. – Еще наши ученые талмудисты говорили, что каждый человек обязан заботиться о себе. Каждый еврей должен строить дом, разводить огороды и устраивать хозяйство. Еще наш праотец Ной...

И ортодокс обрушился на нас градом изречений, цитат, притч и примеров, но его перебил атеист, уничтожив его в один миг и заявив, что он поддерживает капиталиста исключительно с точки зрения удобства.

– Человек создан из земли и должен на земле устроиться.

– Как сказано в Писании, – подхватывает ортодокс. – Из праха ты взят...

Тут же произошел небольшой инцидент между материалистом и идеалистом. Идеалист сказал, что он поддерживает капиталиста с идеалистической точки зрения, а материалист сказал, что только с материалистической. После них слово за сионистом и территориалистом. Оба они интеллигентные горячие головы.

Позвольте мне хоть слово сказать! – говорит сионист. – Если я не ошибаюсь, речь идет о колонизации. Я не понимаю, как евреи могут говорить о какой-либо другой стране, кроме Палестины. Как это евреи могут говорить о другом убежище? Разве могут евреи заняться колонизацией на чужой земле, в то время как земля наших предков уже более двух тысяч лет стоит брошенной и одинокой, словно вдова, и ждет нас – своих детей, которые, увы, находятся в изгнании и разбросаны по всему миру?

– Как сказано в Писании, – подхватывает ортодокс, – мать Рахиль плачет над своими детьми...

– Э, это лирика, сентиментализм! – говорит территориалист. – Вашим оплакиванием сироты-Израиля и вашими дифирамбами по адресу святой земли наших предков вы ничего не сделаете. Земля израильская – она только на бумаге, в старых книгах, а принадлежать – она принадлежит другим. Вы будете петь ваши красивые песенки, а Израиль будет по-прежнему скитаться среди чужих народов, которые и знать его не хотят. Посмотрите-ка, что творится на Б-жьём свете – в России, в Румынии, в Марокко и в других цивилизованных государствах! Нет, Израиль не в силах больше ждать, он просит земли. Дайте ему земли! Кусочек земли! Маленький уголок, но уголок! Где бы его не били, не гнали, не издевались над ним. И там будет наша Палестина!

– Как в Талмуде сказано, – вставляет ортодокс, – велика земля Израиля и распространится она на все страны.

– Панове, в этом наша миссия, – поддерживает ассимилятор, еврей из глубины Польши, поляк моисеева вероисповедания с бородкой а la Мерзжвинский. – Мы, израелиты, должны быть всюду, мы должны потонуть среди народов, чтобы вести их к источнику настоящего прогресса...

– Потонуть? – переспрашивает националист, русский еврей. – Значит вы проповедуете ассимиляцию? Стоило в течение многих веков гореть на всех кострах инквизиции, блуждать по всему миру, быть козлом отпущения чужих грехов – и все это для того, чтобы в начале двадцатого века исчезнуть, раствориться среди других народов, вычеркнуть слово «еврей»? Это значит, попросту говоря, на старости лет покончить самоубийством? Зачем же вы говорите намеками? К чему все эти аллегории? Говорите откровенно, как миссионеры делают, и скажите: окропите себя водицей и вы избавитесь от всех бед. Или еще проще: евреи, креститесь, чтобы вам пусто было, – и кончено!

– Избави Б-же, – вставляет ортодокс, глубоко вздыхая.

Тогда встает социалист – студент русского университета, худощавый молодой человек с горящими глазами, в черной косоворотке, говорящий на смешанном диалекте из русских и еврейских слов. Он заявляет, что здесь идет речь не о религии и национальности, а разбирается социальный вопрос о колонизации острова или, говоря проще, об образовании государства старого порядка, который основан на принципе собственности. Так начал социалист и в горячей речи напал на капиталиста. Закончил он свою речь следующими словами:

– Хотя я только социалист, а не анархист, но все же могу доказать при помощи авторитетных мнений, что собственность – это кража. Прогресс, основанный на грабеже, не прогресс. Слово «собственность» должно быть вычеркнуто из человеческого лексикона. Нет собственности! Да здравствует социализм! Ура!

Когда все вдоволь наговорились, я встал и сказал, что вопрос о колонизации разработан и рассмотрен уже всесторонне и что поэтому надо приступить к баллотировке, как водится во всяком порядочном обществе...

– Кто за колонизацию – пусть поднимет руку.

Но тут мы наткнулись на препятствие: впервые нам пришлось столкнуться с женским вопросом, который снова вызвал продолжительные дебаты.

Некоторые утверждали, что в баллотировке должны участвовать только мужчины. Кое-кто выступил в роли горячего защитника женского равноправия. В особенности атеист. Он – свободный американский гражданин и за женскую эмансипацию стоит горой.

– Мистер черман^[1], леди и джентльмены! – так начал атеист свою речь – широко, на американский манер. – Нигде женщины не пользуются в такой мере равноправием, как у нас в Соединенных Штатах. В некоторых штатах они занимают даже высшие должности. Почитать женщин – это у нас первое правило. Я вам могу привести один факт из нашей американской жизни. Это не ложь, а достоверный случай из истории Северо-Американских Соединенных Штатов. Произошло это еще в 1851 году. Кто не хочет слушать – тот может уйти. Рассказать?

– Рассказывайте! Рассказывайте!

– В июле 1851 года в самую сильную жару в Вашингтоне происходило собрание свыше ста тысяч женщин, сторонниц женского равноправия. Они разрабатывали проекты новой одежды, которая бы не особенно отличалась от мужской. Проекты представили лучшие дамские портные Америки, но все они были отклонены. Только один костюм был принят. Этот костюм как раз был выдуман не женщиной, даже не портным, а обыкновенным «бутчером»^[2]. Костюм этот, леди и джентльмены, состоял из простого жакета и пары, извините за выражение, штанов. Этот костюм усиленно поддерживала известная миссис Амалия Блюмер, редактор газеты «Лили», горячо агитируя за него. В знак благодарности эти, извините за выражение, штаны были названы «блюмерс». Правда, эти «блюмерс» не долго жили: запротестовали мужчины, особенно так называемые моралисты, и подняли бурю протеста против этих дамских штанов. Дошло до того, что линчевали тех женщин, которые осмеливались показываться в таких костюмах. Конечно, президенту Соединенных Штатов пришлось издать указ, чтобы все эмансипированные женщины сбросили штаны...

– Я должен заметить вам, мистер, что в присутствии женщины вы могли бы изъясняться более корректно.

Так сказал капиталист, который сам взял на себя роль постоянного председателя на всех наших собраниях.

Американский атеист покраснел до корней волос и рассердился, что его перебили на самом интересном месте. Он вытер красное бритое лицо и продолжал:

– Ол-райт! Леди и джентльмены! Я мог бы привести вам еще много фактов из истории Соединенных Штатов, чтобы доказать, как высоко стоит у нас женщина, но так как мистер черман перебил меня и я не могу злоупотреблять вашим вниманием, то откладываю это до следующего раза и кончаю свою речь. Я надеюсь, что мы откажемся от того нелепого предрассудка, который является позором культурных народов. Леди и джентльмены! Позор, если мы на этой свободной территории не захотим признать нашу даму полноправным гражданином во всех отношениях. Что скажет пресса? Что скажет весь мир? Европа поднимет нас на смех. Леди и джентльмены! Не поддавайтесь влиянию моралистов, которые веруют в Библию и не хотят знать, что говорит Библия о первой женщине. Разве там не сказано, что она кость от нашей кости, плоть от нашей плоти?

Колония наградила оратора продолжительными криками «браво».

И мы поставили вопрос о колонизации на баллотировку – то есть образовать ли тринадцать отдельных колоний. Результат оказался блестящим: громадное большинство высказалось за. Двенадцать рук поднялись одним взмахом. Только одна осталась неподвижной. Но этим еще устройство нашего общества не окончилось. Впереди еще много-много работы!

Единственный, кто голосовал против, был сионист.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тот, кто знаком с историей культуры и знает, как развивалось человеческое общество, не будет удивляться нам, тринадцати Робинсонам.

Наши прапрадеды точно так же поступали. Будучи номадами^[3], они свободно разгуливали со своими стадами. Потом, когда они осели на земле, они занялись земледелием – и тут-то начались войны и ссоры.

Кровь лилась ручьями, каждый хотел захватить побольше земли. Кто был посильнее – тот побеждал. И мы тоже были сперва номадами – пасли своих коз, питались бананами и орехами и чувствовали себя счастливыми. Но потом мы надоели друг другу и стали подумывать о разделе имущества. Разница лишь в том, что в таких случаях наши предки прибегали к оружию, воевали, но мы, слава Б-гу, сделали все это мирно, без кровопролития. И немудрено: работать нам приходилось мало, а имущества, всякого добра было много. Каждый из нас взял себе кусок горы, отобрал часть деревьев. Мы распределили коз, бананы, цветы и все прочее.

И таким образом каждый из нас сделался хозяином сам по себе, обладателем своего уголка.

И каждый полюбил свой уголок. Каждому был люб свой лес, свои бананы.

Знаете, что я вам скажу? В собственности есть что-то приятное. Пусть наш социалист мечет гром и молнии! У меня было много свободного времени, и я успел изучить характер каждого из тринадцати Робинзонов, узнать все их недостатки и все добродетели. Я сделал удивительное открытие. Наш социалист, – тот самый, который прибегал к помощи всех авторитетов, доказывая, что собственность это кража, – так вот, этот самый социалист, заметив, как один из коллег нечаянно попал в его часть леса и присоседился к его бананам, с криком налетел на него, забыл в один миг все свои коммунистические идеи и выгнал его, протестуя против скверных привычек залезать в чужой огород. Да, мои милые друзья, можете говорить что угодно, но теория и практика взаимно исключают друг друга. Лучшим доказательством служу я сам. Например, в теории я горячий сторонник вегетарианства. Действительно, что может быть противнее той процедуры, когда берут, например, невинное создание – курицу, беззащитное существо, убивают ее, а потом режут на части, держат на огне – и все это для того, чтобы, в конце концов, съесть ее? Если так, то какая разница между мной и дикими животными или диким человеком? Потому что я ем не в сыром виде? Этим я выше их?!

Мы, тринадцать Робинзонов, настолько далеко зашли в своих вегетарианских убеждениях, что даже дали слово и впредь не употреблять мяса и рыбы. Ни одного кусочка! Даже если нам удастся выбраться с острова. Но... как мы тосковали! Хоть бы кусочек фаршированной рыбы! О, если бы хоть полтарелочки супу!

Должен сказать, что бананы и орехи опротивели нам до тошноты. Мы бы все эти богатства отдали за кусочек селедки или за ломтик хлеба с головкой чесноку!

Да, на нашем острове я кое-чему научился и думаю, мои коллеги согласятся со мной, если я скажу, что очень хорошо быть вегетарианцем, но с тем, чтобы хоть один раз в день съедать по кусочку мяса.

Но это все только грезы! Мы, тринадцать Робинзонов, отрезаны от всего живого мира огромным и бурным морем. Мы должны довольствоваться тем, что нам дано. Мы должны питаться бананами, орехами и козьим молоком. Только этим! До тех пор, пока не придет избавление.

А для того чтобы забыть о своем одиночестве, мы углубляемся в мелочи нашей жизни, входим в заботы о своем уголке... каждому хочется хоть чем-нибудь заняться. Каждый день мы сходимся в условленное время на установленном месте. Для этого мы выбрали красивый уголок – небольшое возвышение под развесистым деревом.

Ежедневно происходили наши собрания. Этот уголок мы прозвали «политическим клубом». Мы собирались для бесед, а иногда просто сидели, не разговаривая, прислушиваясь к рокоту волн.

Мы рассказывали друг другу свои биографии, называли имена родных, знакомых, делились мельчайшими подробностями нашего прошлого. И все это продолжалось до тех пор, пока мы своими рассказами не набили оскомину, узнав друг друга и все семейные дела каждого из нас.

В этом же клубе мы однажды собрались обсудить наше положение. Мы должны были решить вопрос о внутреннем устройстве нашей жизни, рассматривая его со всех сторон: с политической, социальной и экономической. Каждый из нас должен быть хозяином своего уголка, а все вместе – единой политической силой в случае нападения диких людей или зверей.

Само собой понятно, что этот вопрос горячо и долго дебатруется. Каждый вносит свое предложение. Тринадцать человек – тринадцать предложений. Прежде всех вносит свое предложение капиталист. Удивительное дело! Даже на нашем острове капитализм оказал известное влияние. Всегда и всюду, как только мы начинаем о чем-нибудь разговаривать, кто лезет вперед? – капиталист.

Он, видимо, с детства привык повсюду быть первым и не понимает, что такое поведение не всем колоницам по вкусу. Наш социалист выступил однажды с протестом весьма открыто и задал капиталисту старый, неумирающий вопрос:

– Скажите, пожалуйста, кто вас поставил начальником?

На этот раз он уже просто-напросто остановил его:

– С какой стати вы берете на себя роль председателя?

Но капиталист человек сдержанный

й. Он выслушал социалиста, слегка улыбнулся и, уступив ему место, вежливо произнес:

– Будьте вы председателем.

Это произвело на нас очень хорошее впечатление, и мы все (кроме социалиста) упростили его остаться на своем посту.

Капиталист согласился. Его предложение оказалось очень простым, чем-то вроде «буржуазной конституции», как назвал его социалист.

Согласно этому предложению мы все тринадцать Робинзонов должны образовать государство из тринадцати провинций под управлением выборного президента. Президент, как представитель народа, должен заботиться о его благе, выслушивать заявления и жалобы и судить согласно своим убеждениям и совести...

Тут уж социалист не смог спокойно усидеть. Он вскочил как ошпаренный и оглушил нас словами и криками: «Абсолютизм! Самодержавие! Автократия!».

– Так что ж? – вскакивает литвак-ортодокс. – Коль скоро говорят о государстве, то, конечно, надо и о царе подумать, как сказано в Писании: «поставь над собой царя».

– Для того чтобы справлять Субботу или праздник? – шутит один из двух интеллигентов, кажется, материалист, и ортодокс отвечает ему:

– Конечно! Как наши мудрецы нас учили: «чти царя, ибо, если не будет страха перед царем, то люди съедят друг друга живьем»...

Надо заметить, что эти последние слова вызвали только смех, хотя рабочий посмотрел на него такими глазами, какими глядят на своего злейшего врага. Нет сомнения, что все мы были свободолюбиво настроены и никто из нас, кроме ортодокса, не хотел монархии. Возможно, что даже и ортодокс не особенно жаждал абсолютизма. Но как быть с изречением?

Потом поднялся атеист из Америки и предложил другое – образовать соединенные штаты. Каждый колонист остается автономным, но все объединяются вместе. «Вот так, как у нас в Америке». А президентом надо выбрать одного из нас, на 4 года. «Вот так, как у нас в Америке, и пусть он именуется так: Президент Соединенных Штатов Первой Еврейской Республики на острове тринадцати».

– Ах! Это было бы очень хорошо! Я уже давно мечтаю об еврейской республике.

– Непрактично! – перебивает материалист. – Много времени уйдет и много бумаги, чтобы воспроизвести такое длинное название. Представьте себе: президент соединенных штатов и т.д. ...

– Позвольте, – вставляет также дама свое слово. – Зачем нам подражать Америке? Насколько я знаю, Америка не модная страна. Все моды идут из Парижа. Чем

плоха французская республика? Или швейцарская? Еще в прошлом году я была в Швейцарии. С моим покойным мужем я была. Мы всюду побывали. В Цюрихе, в Монтрэ, в Интерлакене... Видели Монблан... Мне кажется, что во всем мире нет такой страны, как Швейцария. Ницца тоже городок ничего себе... В Монте-Карло можно тоже кое-что увидеть... Но, если хотят жить хорошо и дешево, надо поехать в Швейцарию. Во-первых, молоко...

– Pardon, madame! – извиняется капиталист. – Мы не говорим о том, какая страна лучше и где удобнее жить. Речь идет об устройстве государства на нашем острове.

Дама краснеет, как кумач; она чувствует, что разболталась не в меру и против своего желания: язык развязался. Увы! женщина, будучи женщиной эмансипированной, все равно остается женщиной...

– Извините, господа. Когда я начинаю говорить о Швейцарии, я невольно вспоминаю своего покойного мужа... Я, собственно говоря хотела сказать, что мне нравится больше федеративная республика, как, например, Швейцария.

– А мне – ни ваши Соединенные Штаты, ни федеративная республика, – говорит националист. – И знаете, почему? Это не националистично и не по-еврейски. Надо придумать такое название, где бы чувствовался национальный дух, где были бы признаки еврейства.

– Коль скоро с еврейским оттенком, – отзывается сионист, – то я бы предложил воспользоваться именем Герцля.

– Почему Герцля? – вскакивает территориалист. – Почему не назвать Зангвилем?

– Потому что так! Надо назвать «республикой Герцля». Что за смысл в названии «республика Зангвилья»?

– А какой смысл в «республике Герцля»?

– Тоже доказательство! Герцль умер, а Зангвиль еще жив.

– А что же вы хотите? Хотите, чтобы Зангвиль умер? Что он вам сделал плохого?

– Кто говорит об его смерти? Пусть живет сто двадцать лет!

– Так что же вам угодно?

– Если вы не обидитесь, – так начинает рабочий, который пока успел приготовить для всех бананы, – я бы высказал свое мнение. Я ничего не знаю, я простой рабочий, мне кажется, что никаких названий не надо. Достаточно вполне, если будет

сказано: первая еврейская республика, или же первая еврейская республика тринадцати соединенных штатов, или просто «республика тринадцати».

Это предложение понравилось, и вся республика, как один человек, воскликнула «браво». Социалист пришел в восторг и обратился к нам на своем русско-еврейском диалекте:

– Братья! Да здравствует свобода! Да здравствует республика! Да здравствует пролетариат! Кричите, евреи, ура!

– Ура! – подхватываем мы все и усаживаемся за стол и с аппетитом беремся за бананы и орехи, а потом ведем долгую беседу о будущем первой еврейской республики, «республики тринадцати». Между прочим, затрагиваем вопрос о законах, которые должны быть разработаны, и о выборе президента. Кого выбрать?

Глаза всех невольно взглянули на капиталиста, а капиталист, почувствовав всеобщий взгляд, выпрямился, хотел было что-то сказать, но вскочил социалист, вечно стоящий в оппозиции капиталу, и сказал на своем русско-еврейском диалекте:

– Я не понимаю, для чего это переглядывание. Мы сделаем так, как поступают во всех цивилизованных государствах. Мы назначим выборы, и кого народ выберет большинством голосов, тот и будет президентом.

– Итак, мы выбираем президента?

Выборы президента первой еврейской республики заслуживают, по нашему мнению, отдельного описания.

Ī ēĭĭ : aĭ ēā ĩēāāāāō

Ī āāāāā ĩ ēēēō ā Ā. Ī-ĭāā

«Ī ĭāĭē Āĭāāā», 1913 āā

[1] (англ. chairman): председатель

[2] (англ. butcher): мясник

[3] (лат. nomades): кочевники

ЛЕХАИМ МАЙ 2002 ИЯР 5762 – 5 (121)

СУДЬБА

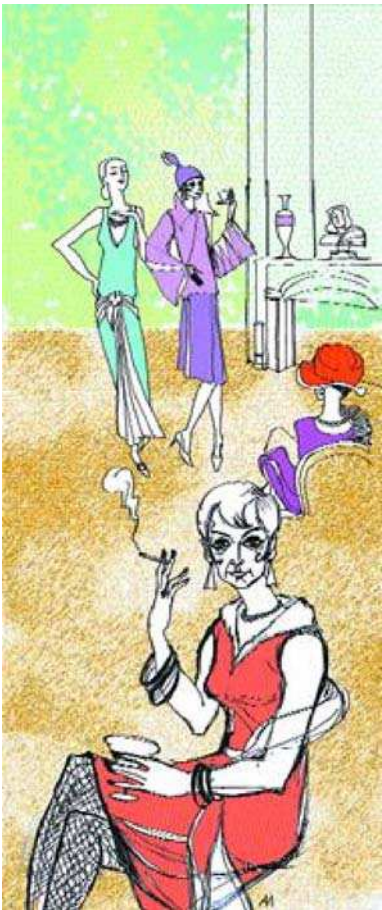
עֵינַי אֶל אִשׁוֹת צֵי אֵשׁ

Я часто навещал одного родственника, который жил на Парк-авеню. Он был юрист, специалист по капиталовложениям. Среди его клиентов было много довольно богатых вдов и пожилых незамужних женщин. Он часто устраивал вечеринки и приглашал их в гости.

Я встретил Бесси Голд на одной из таких вечеринок. Ей было за пятьдесят, она была маленькая, худая, с впалыми густо нарумяненными щеками. Ее желтые глазки были подведены голубой тенью, как перед выходом на сцену. Она красила губы оранжевой помадой и тем же цветом красила ногти. На ее жилистых волосатых руках были тяжелые браслеты с висячими побрякушками. Их

позвякивание вызывало у меня в памяти звон кандалов каторжников. Она была похожа на чахоточную, и ее ноги в чулках в сеточку были тонкие, как палки. Мы сидели с шампанским в руках.

Бесси затягивалась сигаретой и запивала дым глотком шампанского. Я заметил, что шея у нее худая и синяя, как у ошипанной курицы, а грудь впалая и в веснушках. Ее большие, как у мужчины, уши украшали бриллиантовые серьги, торчащие из крашенных под блондинку волос. Она повернулась ко мне и спросила:

– Вы действительно писатель?

– Я стараюсь.

– А почему бы вам не написать о моей жизни? Не думайте, что я всегда была женщиной, попивающей шампанское. Я родилась в Европе. Мои родители говорили на идише. Я тоже знала идиш, но уже многое забыла. Мы жили на Ист-Сайде, как все иммигранты, и у моей матери были квартиранты, она их кормила и все такое. Зачем мне вам рассказывать, как тогда жили иммигранты? У нас были три темные комнаты и туалет в коридоре. Мой отец работал по пятнадцать часов в день на фабрике, где его ободрали как липку. Иногда он оставался ночевать прямо на фабрике, потому что к тому времени, когда он добирался до дома, уже нужно было вставать на работу. Были некоторые фабрики, где профсоюз не давал так грабить рабочих, но отец был робкий новичок, и его гоняли направо и налево. Он работал так долго и тяжело, что начал харкать кровью.

У меня были брат и две сестры, и они рано ушли из дома – эгоисты, которые не хотели поддерживать домашний очаг. А у меня всегда было чувство ответственности. Оно и было причиной всех моих несчастий. Мы с матерью работали как лошади. Я варила, жарила, бегала на Садовую улицу за покупками, стирала белье квартирантов и еще находила время читать книжки. Я не кончила школу, но научилась английскому достаточно хорошо, так что могла давать уроки иностранцам. Чем я только ни занималась! Отец после долгих мучений умер, и мать совсем сломалась и душевно, и физически. Она все ходила на кладбище и плакала над папиной могилой. И уже не было никакого смысла держать квартирантов, поэтому я пошла на работу в магазин драпировщицей. Вы знаете, что это такое? Они надевают платье на манекен, а вам надо подогнать его по мерке. Другие этому долго учатся, но я была удивительно способна. Я могла заняться любым делом и через три дня знать все. И конечно, наживала себе врагов.

С самого детства я была старше своих лет. Мама звала меня «маленькой старушкой». Она приехала из Польши, а папа был «литвак», он приехал из Литвы. Я всегда всего боялась, вечно думала, как обеспечить семью. Я стала вместо мужа для моей матери. Каждую пятницу я приносила ей мою получку. Я не брала себе ни пенни. Другие девочки, включая моих сестер, ходили с мальчиками и наслаждались жизнью. Но у меня была цель: выйти замуж за достойного молодого человека, иметь дом, детей. Чего вы не пьете? Немного шампанского вам не повредит.

Если бы я могла вам рассказать, что я пережила! Это заняло бы три тома. Я скажу короче. Я таки встретила молодого человека. Мы влюбились и поженились. Он был высокий красивый юноша. О лучшем, казалось, и мечтать было нельзя. Родные просто не верили, что я смогла отхватить такого парня. Он приехал из Румынии. И тем не менее я скоро поняла, что влипла. Он не любил работать. Сегодня он имел работу, а на завтра ее терял. Я скопила пару сот долларов, и мы сняли квартиру в хорошем районе. Я заплатила за мебель, за все, даже оплатила счета за наш медовый месяц в Элленвилле. Такая уж у меня была судьба с самого начала.

Я очень скоро поняла, что он что-то скрывает от меня. Сосед часто вызывал его к телефону: у нас своего не было. Он стал получать письма в розовых конвертах. Он запикивал их в карман и никогда не вскрывал в моем присутствии. Я думала, что он завел кого-то на стороне, но я так устроена, что и не слишком беспокоилась. Лишь бы он возвращался вечером домой. Я знала свое место. А что я могла ему предложить? До моего замужества, когда я ссорилась с матерью, она называла меня доской. Такие слова западают вам в память и отравляют кровь. Когда мой муж целовал меня, мне хотелось

плакать, будто он сделал мне великое одолжение. Однажды он исчез со всеми нашими сбережениями. Он даже взял с собой мои драгоценности. Я его больше никогда не видела.

– И никогда не слыхали о нем?

– Никогда. Я заявила в бюро розысков, но про себя думала, что если он меня не хочет, то чего мне его искать? Насильно мил не будешь. И я вовсе не хотела засадить его за решетку. Он был отцом ребенка, которого я носила под сердцем.

Я вам обещаю, что долго не задержу. Но это голые факты. Я родила девочку. Словами нельзя описать, что я чувствовала, когда стала матерью. Меня он бросил, это правда, но несколько месяцев я была с ним счастлива. Всю жизнь я была окружена старыми девами и кретинами, и если сравнивать, то мне просто улыбнулось счастье. Я дала себе зарок, что моя дочь никогда не будет знать нужды. Она получит все, чего мне не было суждено иметь, – хороший дом, образование, красивые вещи, все, что ее сердце пожелает. Как я это устроила?

Я нашла добрую женщину, разведенную, которая поселилась у меня и стала ухаживать за моей дочкой. Моя мама умерла, и я пошла работать продавщицей одежды в магазин. И я так хорошо работала, что меня сделали помощником закупщика. Помощник закупщика редко становится закупщиком, но я каким-то образом – а кто я? – зеленая, неопытная девочка с Ист-Сайда! – стала-таки закупщиком в одном большом магазине! Не смейтесь. Это было достижение.

Другие закупщики умели хорошо провести время. Некоторые из них не считали для себя зазорным брать взятки у фабрикантов. А я как дура работала на хозяина. Но я все равно хорошо зарабатывала и могла послать Ненси в частную школу. Она всегда получала все самое лучшее. Единственное, что я не могла ей дать, – это отца. Я могла бы выйти замуж. У меня был оформлен развод. Но тех, кто меня хотел, я не хотела. Мужчина должен мне нравиться. Если он дурак или зануда – он меня раздражает. Были такие, которым нравились мои деньги, – полусутенеры, паразиты. Я знала, что каждый мой цент принадлежит Ненси. Она выросла высокая и красивая. Это у нее от отца. В комнатах становилось светлее, когда она приходила домой. Она была блондинкой с голубыми глазами, она была похожа на шиксу¹¹. Когда-нибудь я покажу вам ее фото. У меня три альбома с ее фотографиями.

– С ней что-нибудь случилось?

– Б-же сохрани! Не то, что вы думаете. Она жива и здорова. Пусть она, как говорят наши евреи, живет тысячу лет. Она сделала то, что сделал ее отец. Она ушла от меня. Когда я ей была нужна, я была мамочка, мамуля, дорогая мама. Как только она закончила Смит-колледж – а вы знаете, что это такое! – она нашла богатого парня, окончившего Гарвард. И она начала придирается ко мне. Я все предвидела. Я точно знала, чем все это кончится, я знала это наперед, как знаю, что мы с вами сегодня будем ужинать, пить кофе и пойдем домой. Как я это знаю, мне и самой не совсем ясно. Некоторые считают, что у меня дар телепатии. Я думаю о ком-то, кого не видела десять лет, и вдруг открывается дверь, и он там стоит... Короче говоря, я сделала свое дело, и во мне больше не нуждались.

Я должна сказать, что с годами добилась многого. Мои успехи по закупке платьев отмечались в газетах. Я ездила в Париж, Лондон, в Рим, и все, что я привозила,

женщины буквально выхватывали из рук. Если бы я открыла свою фирму, я бы была очень богатой женщиной, но мне и так хватало на прекрасную квартиру и на то, чтобы избаловать мою дочь.

И она таки превратилась в совершенно бессердечную. Она знала только одно слово: я, я, я... Она обращалась со мной, как со служанкой. Ее богатый жених называл меня вульгарной шахрайкой^[2] с Ист-Сайда, и этого было достаточно, чтобы моя дочь меня презирала. Она даже не скрывала своих чувств. Я ей сказала: «Я не знаю, кто из нас вульгарнее». Когда она это услышала, она так расвиrepела, что плюнула на меня, она буквально плюнула мне в лицо и заорала: «Мой отец был прав, что избавился от тебя! И я люблю его за это, хотя никогда не видела! А ты – торговка с Садовой улицы, вот ты кто!» Она даже пыталась ударить меня!

Я увидела, что больше ей не нужна и сказала: «Это все!» Она тут же собрала свои вещи.

Она тоже взяла мои драгоценности, как это сделал ее отец. Она хлопнула дверью и ушла. И все-таки я думала, что она отойдет. Ну скажите, что я такого сделала? Внутренний голос сказал мне: «Ты ее больше никогда не увидишь». Когда она ушла, мое сердце затвердело как камень, и кровь замерзла у меня в жилах. Я знала, что пришел мой конец и просила Б-га о скорой смерти.

Есть минуты, когда жизнь ничего не стоит. А почему еще люди кончают самоубийством? Я упала в кровать и пролежала неделю. Это было перед Рождеством, а я лежала, и нервы у меня были как обнаженная проволока, и я не могла даже проглотить ложку воды. И я уже тогда поняла, что нет таких мучений, которые я не смогла бы вынести. Кто-то называл меня когда-то мазохисткой. А я даже не знала, что означает это слово. Такие люди дают себя мучить для удовольствия. Я лежала, как побитая собака, и зализывала свои раны, пока чувство ответственности, заложенное во мне с детства, не одержало верх.

Теперь я вам расскажу что-то, во что вы не поверите! Если у вас есть еще пара минут, послушайте.

– Ну, конечно, я слушаю...

– Говорят, что чудес не бывает, но то, что случилось со мной, – это чудо! Однажды в мой кабинет пришел мужчина. Не молодой. Не старый, около пятидесяти, высокий, интересный, с седыми висками. Он был фабрикант и приехал по делу. Мы поговорили о ценах, о модах, о капризах покупателей. «Кто знает, что любит женщина?» – говорит он. «А что, разве можно предсказать, что любят мужчины?» – спрашиваю я. А это было то время, помните, в сорок восьмом, когда Уинтроп Рокфеллер женился на дочери литовского крестьянина, и все газеты были полны этой новостью. «Да, – говорит мой гость, – мужчина точно знает, что он любит!» – «Ну и что же он любит?» – «Я, например, люблю вас». В нашем бизнесе привыкли подшучивать друг над другом, но что и говорить, я женщина малопривлекательная. Когда-то мужчины пытались еще меня соблазнить, но дальше этого дело почему-то не шло. Я привыкла к одиночеству. Это стало моей второй натурой.

Я ему говорю: «Спасибо за комплимент». «Это не комплимент, – отвечает. – Вы как раз такого типа женщина, который меня всегда привлекал». – «Откуда вы знаете, что я не замужем?» – «Потому что вы не носите обручального кольца».

Что вам долго рассказывать? Он говорил это совершенно серьезно. Он забыл, зачем пришел. Он тут же сделал мне предложение. Я думала, что он шутит. Такой красавец и богатый, как Крез. Он был вдовец без детей. Что он во мне увидел? В те дни я всегда была усталая. Я хорошо одевалась, но что одежда значит для такого человека, как он? В тот вечер мы ужинали вместе. Мы сидели в ресторане, и он говорил мне, что Б-г послал меня ему. Теперь слушайте. Он вынул чековую книжку и сказал: «Здесь чек на двадцать пять тысяч долларов. Достаточно ли для вас, чтобы убедиться в серьезности моих намерений?» Я вдруг испугалась. «Вы же меня совсем не знаете», – говорю я и начинаю рассказывать ему о своей жизни. А он мне рассказывает о своей. Он был женат на богатой женщине с тысячью капризов, которая изменяла ему направо и налево. Ресторан уже закрывался, мы были последними посетителями. Официанты бросали на нас косые взгляды и постепенно гасили свет. Мы вышли на рассвете. Да, это была любовь с первого взгляда! Я не понимаю, что он во мне увидел. И это всегда было для меня загадкой. Он объяснял это так: ему нравился определенный тип женщин, и он искал именно такую женщину. Я была его идеалом. Просто смех, извините меня.

Женщина засмеялась. Слезы текли из ее глаз, она утирала нос. Браслеты на ее руках глухо звенели. Когда она отвела платок от лица, оно было совсем другим. Оно было похоже на лицо религиозной женщины, которую прервали во время молитвы. Мешки под ее глазами набухли. Я сказал:

– Вы поженились, и он умер.

– Да. Вы тоже телепат! Вам, должно быть, рассказывал обо мне ваш родственник... Те несколько лет, что мы провели вместе, были самыми счастливыми годами, которые можно только вообразить. Это было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Он был сильный и здоровый, просто гигант... Мы поужинали и готовились пойти в театр. «Надень свою норковую накидку, потому что на улице холодно», – сказал он. Это было в ноябре. Если бы я вам перечислила все, что он мне купил, путешествия, в которые мы ездили, и отели, в которых мы останавливались, то это бы заняло слишком много времени. Казалось, что там, на небе, решили, что Бесси должна иметь пару счастливых лет. Он подошел к шкафу, взял мою норку и упал как подкошенный. Он даже

не вздохнул. Я стала кричать, кричать как сумасшедшая. Прибежали соседи. Он был мертв.

Надо ли вам говорить, как я его любила? Доброе слово, просто улыбка – и я на седьмом небе. Для меня достаточно, если кто-нибудь не оскорбляет меня. Если бы Б-г хорошо ко мне относился, он бы забрал туда в ту же минуту. Мое единственное желание было – умереть. У меня не было смелости взять веревку и повеситься или прыгнуть из окна. У меня не было на это сил. Это могут сделать те, кто не привык к страданиям. Я мучалась с самого детства, и даже в эти короткие счастливые годы я все равно предчувствовала, что все плохо кончится. В известном смысле в эти годы я страдала больше, чем когда бы то ни было.

Дайте мне рассказать, что случилось с нашей собакой. Для нас было поздно иметь детей. У мужа был замечательный пес, датский дог. Он был огромный, как теленок, и умный. По крайней мере, я так думала. Когда я его прогуливала, все останавливались посмотреть. Мой муж с ума по нему сходил. Я дразнила его, что он любит свою собаку больше, чем жену.

Когда умер муж, все, что у меня осталось, это была собака. Я не говорю о деньгах. Муж оставил мне целое состояние. И я знаю, что его сокровенным желанием было, чтобы я хорошо относилась к его собаке. А к кому мне еще хорошо относиться? Что можно сделать для собаки? Все, что можно было делать, я делала. Этот пес жил в роскоши. Каждый день отбивная. Дважды в день я его выгуливала, и мне кажется, что это он вел меня на поводке, а не я его. Он волочил меня куда хотел. Прохожие смеялись. Я знала, что его избаловала, но я также знала, что ничто не могло заполнить пустоты моей жизни.

У нашего дога были человеческие глаза. Я разговаривала с ним. Он садился, и казалось, что он понимает каждое слово. Может быть, действительно понимал. Недавно я читала статью о животных. Там говорилось, что они могут читать наши мысли и что они ясновидящие. Я верила, что наш пес вот так же понимает меня. Он ел из моих рук. Я его мыла и причесывала. Я заказала норковую шубку, которую он носил в холодную погоду. Ночью он спал на моей постели. Я много раз пыталась его отогнать, потому что он был такой огромный, такой тяжелый. Это как будто лев спит у вас на ногах. Только он был не из тех, кого можно легко прогнать.

У моего мужа было много друзей и родственников, но после его смерти они все оставили меня. Не спрашивайте меня, почему. Такая у меня судьба. Они никогда не были ко мне особенно дружелюбными, даже когда он был жив. Что я им сделала? А что я сделала плохого моей дочери?

Вы не поверите, но я вдруг обнаружила, что пес стал меня ненавидеть. Он стал злым и по временам даже свирепым. Он больше не клал мне лапы на колени, чтобы облизать мое лицо. Когда я пыталась его погладить, он рычал, как волк. Может быть, он что-то имеет против меня и хочет это мне сказать, думала я и пыталась себя успокоить, говоря себе, что все это – мое воображение, мой комплекс неполноценности. Но больше я не могла выносить его скверный характер и злобный взгляд. К счастью, собака не может собрать свои вещи и уйти. Я не могла ее понять. Если кто-то по-доброму относится к животному, оно обычно предано этому человеку. И не было никого, с кем я могла бы посоветоваться, да и стыдно было! Сначала пес не слушался и вел себя, как испорченный ребенок. Потом он начал лаять при моем появлении и скалить зубы. Он казался одержимым. Я боялась оставлять его на ночь в моей кровати и запирала его в

кухне. Я хотела его отдать кому-нибудь, но потом я подумала о своем муже и о том, как он любил его, и была просто не в силах сделать это. Но кто знает, что происходит в голове у животного? У него тоже свое настроение, и я думала, что он исправится.

Однажды я вернулась из ресторана, где я ужинала, одна, конечно. Я взяла пса на поводок, чтобы с ним погулять. Вдруг он остановился, встал на задние лапы и стал дружески лизать меня, как он когда-то это делал. «А, ты хочешь помириться? Мазл тов!^[3]». Я наклонилась, чтобы его поцеловать, и тогда, мой друг, случилась ужасная вещь! Пес впился мне в нос и почти откусил его! Вот почему на мне столько косметики. Мне надо скрыть шрам.

В тот вечер я думала, что изуродована на всю жизнь или истеку кровью до смерти. Я была одна в доме, и я подползла к телефону, вызвала скорую помощь. Кровь хлестала из меня, а пес прыгал на меня и рвал зубами мою юбку. Его потом пристрелили. А что делать с таким монстром? Когда мне ответили по телефону, я потеряла сознание. Очнулась в больнице. Мне сделали операцию, потому что я не могла дышать. Когда я поправилась, мне сделали пластическую операцию.

Я говорила вам, что никогда не видела больше своей дочери. Это не совсем точно. Она пришла навестить меня в больницу сразу после операции, и я еще не отошла от наркоза. Я ее видела как в тумане. Она что-то говорила мне, но я до сего дня не знаю, что. Она изменилась. Лицо стало твердым. Это был не мой ребенок. Она была разодета. Я, должно быть, думала, что это галлюцинация, а потом медсестра сказала, что приходила моя дочь. И это был последний раз, когда я ее видела.

Я провела три недели в больнице, а потом две недели в частной клинике для пластической операции. Это стоило больших денег, но, учитывая все эти обстоятельства, операция прошла успешно. О моем случае было написано в медицинских журналах. Но душевную рану, которую я получила, не могут вылечить ни доктора, ни психоаналитики. Когда от вас уходит муж, когда от вас бежит единственная дочь, когда собака, которую вы кормите и холите, хочет вас загрызть – ведь должна быть тому какая-то причина? Ну что это? Неужели я такая злая, безобразная, нудная? Можете не отвечать. Я уже ничего не ожидаю ни от людей, ни от зверей.

С тех пор я живу совершенно одна. Знакомые мне предлагали взять попугая или канарейку, но я сказала: «Пес, которого я любила, укусил меня. Птица наверняка выклюет мне глаза. Такие люди, как я, – порченые».

Некоторое время мы оба молчали. Потом она спросила:

– Ну и что это все значит?

– Вы назвали это судьбой.

– А что такое судьба?

– Судьба – это капкан.

– Я тоже ставила капканы другим. Ну давайте допьем наше шампанское. Будьте здоровы, лехаим!

Мы чокнулись. Она сделала глоток, скривилась и облизала губы. Потом вопросительно, с печальной улыбкой посмотрела на меня. Сквозь слой краски и косметики на лице проглядывали шрамы и морщины.

– Я себя не обманываю, – сказала она. – Я знаю: все это из-за меня. Даже то, что случилось с этой собакой.

– Почему вы так думаете?

Женщина не ответила. Что-то странное и злорадное появилось в ее взгляде. Я даже не знаю, что это было: жалость к себе, гордость, скрытое удовлетворение от того, что она несет в себе опасность для себя и для других? Внезапно я понял, что хотя она и говорила так искренне, очень много в ее истории осталось недоговоренным. Я поверил в сверхъестественную силу, заложенную в этой хрупкой разговорчивой женщине с ее кошачьими движениями. Меня охватило желание уйти от нее, мне было страшно оказаться втянутым в ее странные комплексы. Мне показалось, что она поняла, что испугала меня. Ее желтые глаза посмотрели на меня с хитрым упреком.

– Идите, идите, вам лучше пойти к другим гостям, – сказала она. – Такая судьба, как моя, – заразная.

Ààò îð í àðàîî àà ñ è àè ò à ðàààèöèè í àèçàîò àí

[1] Áááóéó í àáðàéíéíá í ðéñîíæááéý

[2] Êðèèèèáé, íááîî èòáííé æáíùéíé

[3] Í íçàðàæýð!

КНИГА РУФЬ

Naï óéé Ì áðøáé

1. Моавитянка-Руфь. Еврейка-Нозминь.

2. – Мать! Скорбную сноху в унынье не
покинь.

О как постылы мне родимые края!

Твой Б-г – отныне мой. Твоя страна –
моя.

Муж не оставил мне ребенка – им бы
жить!

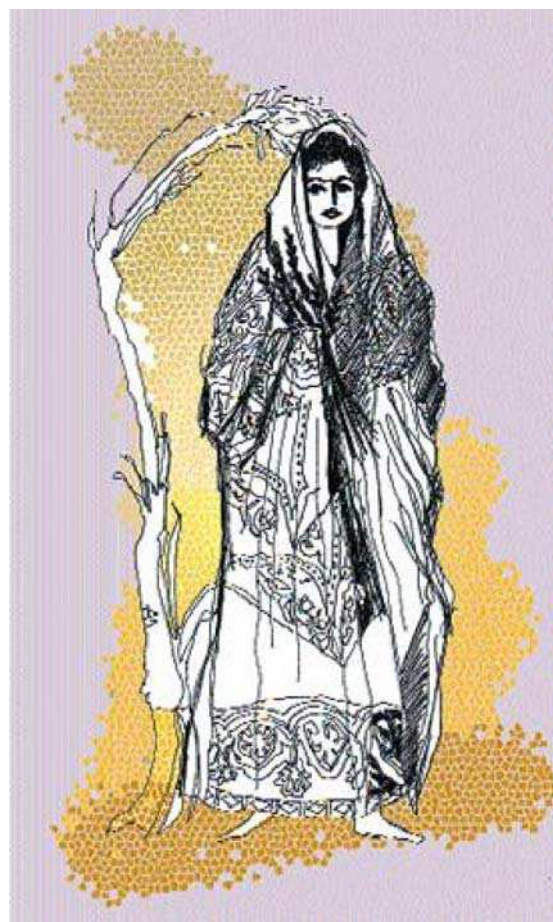
Мать мужа моего! Позволь тебе служить.

3. – Вот неразлучны мы... Вот родина
твоя...

На жатву позднюю в поля собралась я.

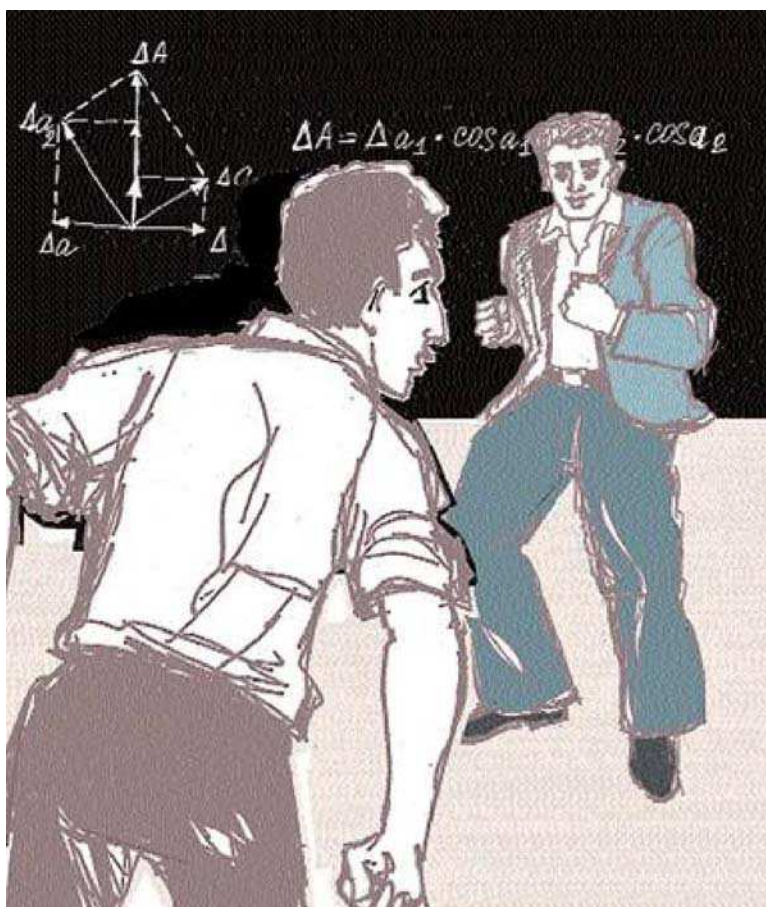
Удела нет у нас. Ты мне позволь, о мать,

Пойти в поля к чужим – остатки
подбирать.

АНТИСЕМИТ САШКА

עַשׂוֹן עֵשָׂא

Саня был сыном начальника средней руки, директора местного таксопарка. Когда-то тот был личным шофером Берии и, по его словам, для того чтобы исчезнуть без следа, шоферу достаточно было по оплошности или нерасторопности просто опоздать поздороваться с Берией первым. После такого босса и такой школы он смотрел на людей, не прошедших ее, с пренебрежением: болтуны, жизни не знают. В конце войны его десантировали в Чехословакию для установления связи с партизанами и организации диверсий, а сразу после войны он жил в одном подъезде с руководителями советского атомного проекта, и к одному из них – с предлинной козлиной бородой – они с женой ходили купать своего первенца, поскольку в их квартире не было ванны.

Надо думать, в глуши он очутился после расстрела Берии и перетряски кадров. Своей участью, впрочем, он был вполне доволен: приглашения городского начальства на охоту, бельгийские ружья «Зимсон», импортное спиртное, целая коллекция пустых бутылок, которыми была забита их кладовка, превращенная Сашкиным братом в фотолабораторию. В своем таксопарке он подготовил команду раллистов для всесоюзных соревнований, и брал на них и Сашку. Автомобиль повиновался ему абсолютно: по горной дороге без напряжения и риска он мог вести его на такой скорости, что мало было шкалы спидометра. Однако по номенклатурной разрядке ему самому

полагался персональный шофер, и его возил молодой кучерявый парень, совершенно сбрендивший от доступности местных женщин всех возрастов. Когда водители таксопарка жаловались на завышенный план – лучше бы они этого не делали! – директор сам садился за баранку одной из акулopodobных «Волг», в конце дня сдавал выручку в кассу, устраивал подчиненным разнос и поднимал план еще выше.

Все пошло прахом сразу по окончании нами школы. При строительстве столовой для таксистов произошла авария – что-то обвалилось, придавив насмерть двух рабочих, и в один день директор оказался на улице. Смерти на стройках не были редкостью, и то, что с ним так обошлось, было воспринято им как учиненная по отношению к нему лично несправедливость. Он настолько растерялся, что обратился за советом к моему отцу, известному своей конфликтностью в городе человеку, которого хлебом не корми – дай надерзить партийному начальству. Но чтобы иметь на это право, отец вкалывал на стройках области, как вол. Мне даже трудно понять, что один другому мог посоветовать?

Утратив почву под ногами во второй раз, директор таксопарка уже не смог подняться. Более того, в нем развилась какая-то неприятная угодливость, которую новое, куда более циничное поколение партийных начальников не слишком ценило. В самом стиле лести и заискивания было что-то не то. На свадьбу своего младшего сына, в одном из центральных ресторанов он зазвал нескольких «свадебных генералов» из партийных, военных и милицейских чинов. Как отец жениха предоставлял им слово, сам произносил прочувствованные здравицы, но не новобрачным, а... коммунистической партии. Это было так жалко и отвратительно – уже год как шла война в Афганистане, – что на первые полчаса я вышел из зала. Легко представить, как костерил он власть, оставаясь наедине с собой, – его сдали и теперь отторгают свои же!

После этого я виделся с Сашкой только раз, когда мы все съехались в город на встречу одноклассников в семнадцатую годовщину окончания школы. Только эта некруглая дата еще свидетельствовала, что все мы учились когда-то в классе «Б» 1-й средней школы города N. Прошло еще полстолька и четвертьстолька, и глупая моя память настойчиво тянет меня за руку, будто глухонемая, желающая показать что-то, чего объяснить не может, что-то оставшееся погребенным под отложениями времени...

Сашка, когда в классе «Б» определялись амплуа, закрепил за собой роль – так получилось – классного шута. Но в старших классах он неожиданно вымахал за метр восемьдесят и стал претендовать на роль теневого лидера, поскольку легального, не считая двух подружек-зубрил, в классе «Б» не было. Такое смешение ролей дезориентировало беднягу – чего-то такого, впрочем, можно было ожидать от класса «Б». Был Сашка очень смугл (может оттого, что его не мыли в ванне академика), скуласт, нос – как хорошая кельма, и в целом весьма мало походил на украинца, которым ближе к окончанию школы он вдруг себя ощутил. Был он как-то по-крестьянски плотояден, обожал красный борщ и шкворчащую глазунью, которую сам и готовил, научился зычно сморкаться без платка, поочередно зажимая большим пальцем ноздри. Но при этом лучше всех в классе рисовал, еще успешнее пародировал всех и все, что ни попадало в его поле зрения, – в этом был его настоящий талант. Поздно взявшись за учебу, не отличаясь сообразительностью, располагая весьма ограниченным запасом знаний, на уроках английского он начинал тараторить, как диктор Би-Би-Си, гоня полную ахиною на такой скорости и с такими ошибками в произношении, что мысль учителей не поспевала за его речью. Им было ясно, что мальчик несет тарабарщину, но видя, как он при этом старается – симулировать не только английскую речь, но и саму старательность, – они все же, скрепя сердце, выводили ему троечку, а если в

тарабарщине еще какой-то смысл просматривался, то нередко и четыре балла. Уже в выпускном классе, готовясь к поступлению в институт, на тройки он стал обижаться, полагая, что учителя предубеждены и ставят ему оценки не за знания, а за репутацию – по аналогии и прецеденту, как судьи в Англии. Его любимой книгой к этому времени была «Поднятая целина», и он не сомневался, что из него самого вышел бы первостатейный председатель колхоза нового типа – в светло-серой «тройке» в елочку, умный и ироничный: он точно знал, что надо делать, чтобы колхоз вывести в миллионеры. Однако, в подражание старшему брату, он пошел в модный тогда архитектурный, куда со второго раза – после года работы чертежником в проектном институте, занятий с репетиторами, толики везения и протекции – все-таки поступил.

Незадолго до окончания школы мы с ним прочли в журнале «Юность» повесть одного «молодежного» писателя, успевшего в том же году попросить политического убежища в Англии и вскоре погибнуть в автокатастрофе. Собственно, в этой канувшей повести нас заинтересовала только игра в предсказания: герой, еще будучи школьником, попытался угадать будущее своих одноклассников. Приехав в командировку много лет спустя в родной город, он сличает свои обнаружившиеся «лотерейные» счастливые билетки с тем, как реально сложились судьбы его одноклассников, и терпит полное фиаско. Это был такой писательский прием с целью изговнять социалистическую действительность (ослепили редакторы, что ли, еще в рукописи не распознав почерк без пяти минут готового «изменника Родины»?!).

Меня и раньше занимали праздные мысли того же свойства, я сидел и прикидывал: ведь нет в классе ни одного подонка – как дурные, жестокие, косные люди могут получиться из нас?! Из Синькова, например? Или из Паши Маркшейдера? Невооруженным глазом было видно, что во взрослой жизни из нас должны выйти люди много добрее, чище и уж точно веселее наших родителей. Несколько человек в нашем классе сыграли все же тогда в эту игру, в которой каждый был «сивиллой» для другого. Удивительно, но в одном из уцелевших блокнотов у меня сохранилось «гадание» в отношении Сашки, по пунктам. К сожалению, судьба его сложилась почти по-писанному. Так, выяснилось, что самые неуправляемые и вздорные люди могут оказаться и самыми прогнозируемыми – когда речь идет о сроках, намного превышающих длительность одного урока или даже целого учебного года.

Мальчишка патологически непослушный и столь же жизнерадостный, чрезвычайно неуверенный в себе – и оттого всегда готовый насмешничать или, наоборот, вызвать смех на себя, осуществляя акты власти над сверстниками и учителями. Мог ли он стать профессиональным комиком, любимцем публики? Думаю, что должен был попытаться. Но что-то помешало ему, отклонило от линии судьбы, как магнит, подложенный под компас жюльверновскому пятнадцатилетнему капитану. Расплата: расположенность к запойному пьянству. Талант – это вызов и выбор. Но фокус в том, что только угаданная судьба и вовремя сделанный ход в состоянии разогнать человека, как ледяная дорожка, и освободить настолько, что он сможет, наконец, оторвать свой взгляд от трассы и не думать больше о всяких пустяках. Для озабоченных счастья нет у Б-га.

В 7-м классе наш Санька попал в нехорошую историю, которая мало или никак не отразилась на его дальнейшей участи, но немало способствовала делу нашего просвещения – какой-то порог оказался перейден нами, сравнимый с утратой невинности. Вдруг оказалось, что на свете не только есть евреи (ну есть и есть, в Галиции их жило немало, у нас на полкласса «А» достало, если не больше), но что это особые люди, служащие для остальных чем-то вроде проверочных слов, к которым каждый должен обращаться, чтобы не допустить ошибки. Потому что в мире,

рассчитавшемся на еврея и нееврея, начинается неуправляемая цепная реакция. Короче – мы узнали значение слова антисемит (до того оно имело в моем представлении какое-то смутное отношение к симметрии).

Наш признанный комик, без пяти минут двоечник и, как оказывалось теперь, злостный антисемит рос балбесом, до школы ходил в детсад, где то ли нянечки, то ли воспитательницы силой стаскивали с детей трусики в качестве наказания и выставляли затем в раздетом виде на всеобщее обозрение – например, под новогоднюю елку. Мы подружились с ним, когда, пойдя в рост, он начал ощущать себя как бы не в своей тарелке: в вымахавшем теле маленькая, как у всех нас, душа почувствовала себя неуютно. Души у всех нас, я так полагаю, были минимального размера – как бы косящие, очумевшие, суженные, и до поры это никому особенно не мешало. Зато и отличались они в этом возрасте редкой наглядностью – как у насекомых в стадии личинки.

Когда в 67-м году маленький драчливый Израиль управился за неделю с огромным Египтом, а в газетах и по ТВ прокатилась антиизраильская кампания, фонтанирующей дурью Сашка принялся как-то на перемене самозабвенно носиться по классу и, наскочив на нашего единственного отличника Миню Горского, стиравшего формулы с доски, стал выдирать у него из рук тряпку с криками: «Минька, отдай Суэцкий канал!» Но у неловкого, задастого и рыхлого Миньки обнаружилась неожиданная цепкость. В общем гвалте перемены никто и не обратил внимания, как в борьбе за тряпку после чьего-то особо энергичного рывка Минька неожиданно сверзился на пол под ноги Сашке, никак не ожидавшему такого оборота, и то ли сломал, то ли подвернул руку. На следующий день он появился в школе со своим отцом, приемщиком утильсырья, и с перевязанной рукой. Тут-то и начали развиваться события, в результате которых Минька Горский уже через несколько дней стал учиться в классе «А», а Санька едва не вылетел из школы с клеймом антисемита. Помешало его исключению заступничество класса «Б», где у Миньки, являвшего собой скорее тип зубрилы, не оказалось друзей и даже, вопреки очевидному, сочувствующих, а терять неуправляемого балбеса Саньку, веселившего нас на уроках и переменах, никто не хотел. Как и в учительской, вероятно, не захотели выносить сор из избы. Парторг школы организовала осуждение классом Сашкиного проступка, были произнесены негодующие речи учителями, горькие – классной руководительницей, порицающие – двумя нашими полуотличницами, а остальные обещали взять дурака на поруки и провести с ним воспитательную работу.

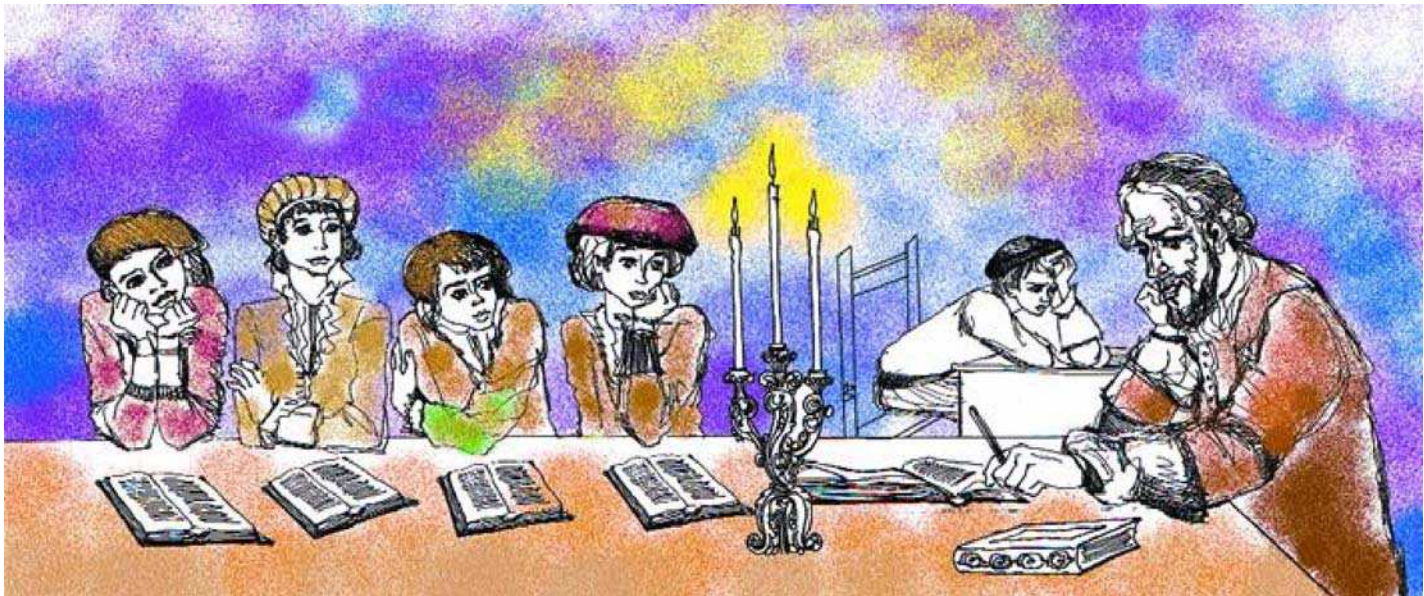
Я чуть было не погубил все дело, заступившись за Сашку и попытавшись представить его проступок хулиганским, а не антисемитским (сейчас я, конечно, сомневаюсь в этом – где-то на родительской кухне подцепил наверно «вирус»), но в угоду собравшимся помянув зачем-то табуированный Израиль, о котором все молчали как рыбы, читая газеты и клеймя на своих собраниях международный сионизм и американский империализм (и от нас требовали того же на еженедельных политинформациях перед уроками). Лучше бы я этого не делал. Все страшно возбудились, и всю процедуру повторили еще раз – с начала и до конца. Вышли все из класса поруганные какие-то и в мыле только часа через три.

Так вышло, что это было первое коллективное действие класса «Б» – мы взяли на поруки антисемита.

ЛЕХАИМ МАЙ 2002 ИЯР 5762 – 5 (121)

Оппенгеймер

Î àðéóñ Èáì àí

Глава третья

Отпрыск герцога в хедере

Сочтя своим долгом быть за отца племяннику Зюссу, рабби Симха взвалил на свои плечи очень нелегкую ношу. Было ясно видно, что в жилах мальчишки течет кровь отца. Он рос легкомысленным, буйным и вздорным, и обуздать его не было никакой возможности. В первое лето рабби Симха предоставил ребенка самому себе. Целые дни Зюсс проводил в пригородных лесах и полях, забираясь на самые высокие деревья, лазая по окружавшим Оппенгейм горам и проникая в развалины старинных замков, которые строили здесь в средневековье бароны-разбойники. Мальчик неплохо умел управляться с конем и, бывало, угонял лошадей у окрестных крестьян, нимало не смущаясь опасностью подобных шалостей. Его дерзость и бесшабашность никак не вязались с его юным возрастом.

С наступлением зимы рабби Симха привел своего племянника в хедер старого меламеда реб Айзика учиться Торе.

При встрече с меламедом мальчик не выказал большого энтузиазма. Хедер до отказа был переполнен учениками, которые при появлении рабби Симхи почтительно встали.

— Реб Айзик! – обратился раввин к меламеду. – Я привел вам нового ученика. Этот малыш – мой племянник. Будьте добры, обратите на него особое внимание, не жалейте труда, а я позабочусь о том, чтобы ваш труд был должным образом оплачен. Этот ребенок – не знающий удержу шалун, но он обладает живым и развитым разумом. У него есть способности. Будьте добры, займитесь с ним алефбейсом, ивритом, Торой и Невиим. Мишной и Геморой я сам займусь с ним попозже.

– Возьми меня с собо-о-ой, – захныкал племянник, когда рабби Симха собрался уходить, – я не хочу здесь оставаться!

– Ты должен здесь остаться, сын мой, – сказал рабби Симха и с нежностью потрещал Зюсса по щеке, – ты должен учить Тору.

– Я не хочу! – завопил Зюсс, топая ногами.

– Почему, сын мой?

– Мне это место не нравится!

– Остайся с нами, мой маленький ангел! – произнес старый меламед и протянул руку, чтобы потрепать Зюсса по щеке.

Зюсс в гневе оттолкнул протянутую к нему руку и завопил:

– Не смей подходить ко мне ближе чем на десять шагов, ты, неумытый баран, морда козлобородая!

Все ученики затрепетали от ужаса и побледнели. Никто никогда даже в мыслях не смел называть их строгого учителя такими словами.

Старый меламед ничего не сказал. Он на мгновение задержал свой тяжелый взгляд на новом ученике, затем крепко схватил его за шиворот, швырнул на лавку и начал сечь.

Зюсс вопил во всю глотку, суча ножками, будто рыба хвостом. После того как «приговор» был приведен в исполнение, Зюсс попытался из хедера сбежать. Но проворный не по годам реб Айзик поймал его, схватил за руку и, глядя ему прямо в глаза, изрек:

– Ты успокоишься и сядешь, или...

– Сяду, сяду! – завопил напуганный Зюсс. Железная рука меламеда сломила его строптивость. Впервые в жизни его высекли.

С тех пор Зюсс стал каждый день ходить в хедер. В учении он неожиданно проявил удивительное прилежание. Вскоре он уже знал алефбейс назубок, а иврит лился из него, как вода горного водопада. Особенно нравилось ему учить Тору.

Не прошло и нескольких лет, как Зюсс превзошел все, чему мог научить его реб Айзик. С тех пор рабби Симха стал сам заниматься с Зюссом. Но он был слишком мягким учителем для такого трудного ученика. И хотя мальчик преуспевал в ученье, его разнузданное поведение только усугублялось с каждым днем. По натуре он не был злым, но его легкомыслие и дерзость не знали удержа. Мать его не ведала покоя. Он беспрестанно ее огорчал, и в конце концов она стала мучиться болями в сердце. Она не переставала увещевать и умолять его вести себя пристойно, слушаться дядюшку и прилежно учиться. Зюсс не был равнодушен к ее мольбам и укорам, но, к сожалению, преображался лишь на короткое время. Нравоучения вскоре выветривались из его головы, и с новой силой и изобретательностью он принимался за свои проказы, вызывая гнев окрестных жителей и причиняя немалое огорчение рабби Симхе.

Когда Зюссу исполнилось тринадцать лет и для него настало время накладывать тфилин и исполнять все заповеди Торы, у рабби Симхи появилась надежда, что теперь-то он остепенится и хоть немного обуздает свой нрав. Но надежды его были тщетны. Бурный и честолюбивый характер с возрастом неуклонно развивался.

У рабби Симхи и его жены не было детей, оттого он любил своего племянника поистине как сына и надеялся, что после смерти будет кому говорить по нему Кадиш. А тем временем бедная Бейла все слабела и угасала. Поведение сына сокращало ее дни.

Однажды, когда Зюсс подошел к ее постели справиться о здоровье, она, ухватив его за руку, привлекла к себе.

– Мой милый, мой единственный мальчик! – зашептала она ему на ухо. – Жизнь моя близится к концу. Я умираю с тяжелым сердцем, с душой, изъеденной тревогой за тебя и огорчениями. Ох, мой милый Зюсс! Что же будет с тобой, до чего ты дойдешь, если не справишься!? Доколе еще будешь ты забавляться своими непотребными шалостями?

Глаза Зюсса потускнели, сердце екнуло в груди, и он не сдержал рыданий, неожиданно вырвавшихся наружу.

– Плачь, сынок, плачь! – воскликнула Бейла с горечью в голосе. – Тебе много о чем есть поплакать! Видишь, твой добрый дядя, спасший нас от нищеты и позора, сделавший нам столько добра, – сердце его разрывается и душа скорбит из-за тебя! Я бы предпочла, чтоб мы оба умерли в скитаниях и бедности, чем причинить такую горькую боль моему дорогому брату!

Зюсс закрыл лицо руками и плакал навзрыд.

– Ты уже не маленький, Зюсс! – продолжала мать, – Ты должен стараться во всем слушаться своего дядю и отплатить ему добром за все те благодеяния, которые он совершил для нас обоих. Мой единственный сын! Скоро окончатся дни моей жизни. Пожалуйста, пообещай, что справишься, будешь добрым и честным и порадуешь своим поведением дядю!

– Мамочка, дорогая! – рыдал, расчувствовавшись, Зюсс. – Я обещаю, обещаю!

Через несколько дней глаза Бейлы закрылись навсегда. Ее похоронили на древнем кладбище Оппенгейма, на берегу Рейна. С годами ее раскаяние в ошибках юности не ослабело, усердие в вере окрепло, и она глубоко переживала и страдала за все совершенные ошибки. Умерла она верной дочерью Израиля. Но в жилах ее сына текла чуждая кровь, и в сердце его бушевали унаследованные от отца, не знавшие удержу влечения. Таково воздаяние за дурные дела, из которых никогда не произрастет ничего доброго.

Смерть матери тяжело отозвалась в душе Зюсса. Он стал регулярно ходить в синагогу, посещая ее трижды в день – на Шахарис, Минху и Маарив, чтобы говорить по матери Кадиш. Он посвящал много времени и сил учению Торы, многие часы проводил с дядей над книгой, и стало уже казаться, что юноша совершенно переменился, став во всем другим человеком.

Рабби Симха, кроме всего прочего, был очень искусным мозлом и племянника тоже обучил этому священному мастерству. Он брал его с собой на каждое обрезание и объяснял все детали и законы, связанные с исполнением этой заповеди. Рабби Симха не столько стремился к тому, чтобы племянник в совершенстве овладел искусством, сколько старался как можно больше держать его при себе. Но все его усилия в конце концов пропали даром. В сердце Зюсса бушевали несмиримые страсти, непреодолимые

соблазны, постоянно нарушавшие покой его души. Его тянуло в большой мир, прочь из тесного дома. Он явно предпочитал буйное общество и сомнительные развлечения безмятежной размеренной жизни в доме своего дяди.

По окончании годовичного траура по матери он подошел к рабби Симхе и сказал:

– Дядюшка! Что-то не лежит у меня больше сердце к изучению Геморы. Я хотел бы заняться какой-нибудь коммерцией. Отошли меня, пожалуйста, в Магнец или во Франкфурт.

– Это будет непростительным преступлением с моей стороны, оторвать тебя от изучения Торы при твоих-то выдающихся способностях. Ты можешь далеко пойти. Продолжай учить Тору, сын мой. Торговцем сделаться ты всегда успеешь.

И несмотря на свои желания, Зюсс был вынужден подчиниться воле дяди.

Пришла осень. Только что завершился Суккос. Закончился сбор урожая в виноградниках, и виноградари собирались устроить большой праздник молодого вина, так как урожай этого года был исключительно обилён. Собирались народные гулянья, местные жители пели и танцевали, христианская молодежь наряжалась на гулянки. Евреи не принимали во всем этом никакого участия.

Зюсс с завистью смотрел на беспечных и шумно веселящихся христианских сверстников.

– Эх, – говорил он своему соседу Иоганну, – если бы и мне можно было плясать и веселиться, как вам! Видно, все радости жизни созданы исключительно для христиан! Верно, евреи живут на этом свете лишь для того, чтобы терпеть невзгоды от других, да и от самих себя!

Иоганн подумал минуту и сказал:

– Знаешь что, Зюсс? Сегодня ночью, когда все заснут, я постучу тебе в окошко и ты сможешь вылезти ко мне через окно.

– А что, твои христиане согласятся терпеть в своей среде еврея?

– Такого, как ты, – согласятся! Ты же совсем не похож на еврея и сильно отличаешься от всех ваших. Ты красив, и у тебя прямо-таки благородная стать! Даже не сомневайся! Тебе известно, как меня уважают в нашей компании, и всякий, кто посмеет сказать слово против тебя, будет иметь дело со мной!

Зюсса не пришлось долго уговаривать. Поздно ночью Иоганн постучал в окно его комнаты. Зюсс уже ждал этого, одетый в свой лучший костюм. Не медля ни минуты, он выпрыгнул через окно наружу.

Хотя Зюсса никогда не учили никаким танцам, он схватывал все движения прямо на лету. Без малейшего стеснения и неловкости он присоединился к веселящейся молодежи и плясал от души, и сердце его выскакивало из груди от радости и веселья.

В перерыве между танцами к нему подошел какой-то парень и протянул полный стакан вина.

– Пей, Зюсс! Сказано: «Вино радует сердце человека».

Зюсс отчего-то растерялся, не зная, как ему поступить.

– Да как же это, Зюсс! – воскликнул юноша. – Разве можно, чтобы ты всю ночь с нами плясал, а пить отказывался?

Зюсс схватил стакан и единым духом его опорожнил. Впервые с момента своего появления в доме рабби Симхи он осквернил уста запрещенной пищей.

В тот момент мимо проходил старый Янкель из Оппенгейма. Он возвращался из поездки по своим делам, что были у него в одной из окрестных деревень, и остался ночевать в Нюрнштайне. Шум веселья возбудил его любопытство, и он заглянул в залу, где веселилась молодежь. Каково же было его удивление, когда он узнал среди танцующих христиан еврейского юношу, которого привык видеть склоненным над листом Геморы, да еще в тот момент, когда он единым духом осушил стакан запрещенного вина!

– Ах ты нечисть, порождение скверны! – возопил Янкель в гневе. – Что это ты тут делаешь, гойское семя? Да если бы твой дядя, наш уважаемый раввин, знал, как ты тут плясешь с христианскими девками и хлещешь запретное вино!.. Ну погоди, мерзавец, я тебе покажу!

– Убирайся, Янкель! – закричали парни, и того как ветром сдуло.

Несколько мгновений Зюсс стоял словно пораженный громом. Казалось, дух его витает далеко в неведомых безднах. Что же он натворил? До чего же дошел, ведомый соблазном?! Как теперь смотреть дяде в глаза?

Но уже через несколько минут Зюсс оправился и от пережитого потрясения и от уныния, в которое был повержен. В его глазах загорелись нехорошие огоньки. Он окончательно решил освободиться от назойливой дядиной опеки и отправиться в большой мир.

Всю ночь веселился Зюсс до потери чувств. Напрасно ждал его рабби Симха. Больше Зюсс не вернулся в Оппенгейм. Огорчению раввина не было предела. Старый Янкель уже успел принести ему горестную весть о недостойном поведении племянника. Рабби Симха отправился искать его в Магнеце, во Франкфурте и по окрестным городкам, но, увы, безрезультатно. Зюсс канул, как камень в пучину.

Глава четвертая

Ночь бдения

На следующее утро ближе к полудню Зюсс переступил порог дома, где проходило ночное празднество и зашагал прочь вдоль берега Рейна. Вскоре он добрался до Магнеца, но задержался там ненадолго, будучи уверенным, что дядя в первую очередь станет искать его здесь. Когда городок остался позади, Зюсс стал размышлять, куда направить свой путь. Пока было ясно одно: надо поскорее уйти как можно дальше, иначе

дядя может его нагнать. В конце концов он решил отправиться в Амстердам. Этот город в то время слыл среди евреев добрым местом и даже прозывался «Малый Иерусалим».

Город рос не по дням, а по часам. Еще несколько десятков лет назад в Голландии вообще не было евреев. Первыми иммигрантами, прибывшими в Амстердам, были евреи, бежавшие из Испании и Португалии, которых насильно крестили. Бросая все нажитое добро, они бежали на далекий север, чтобы жить там как свободные люди и исповедовать веру отцов.

За некоторое время до этого Голландия освободилась от испанского владычества. Голландцы были еще молодой нацией, лишь начинавшей свое независимое существование. Торговля по большей части была пока сосредоточена в мелких провинциальных городках, по-прежнему находившихся под властью Испании. Тем не менее Амстердам охотно принимал беженцев, чьи просвещенность, коммерческие связи по всему миру и усердие в делах торговли были весьма кстати. Амстердам начал быстро расти и развиваться и вскоре составлял уже конкуренцию Антверпену, который по-прежнему находился под пятой Испании. По прошествии нескольких лет Амстердам превратился в один из главных перекрестков мировой торговли. Богатый город широко распахнул ворота перед толпами еврейских беженцев, став надежным убежищем для любого преследуемого еврея.

Вместе со всеми устремился в Амстердам и Зюсс в надежде попытать счастья. Но добраться до цели было непросто. Зима уже наступила, а в кармане Зюсса не было и мелкой монетки. Он скитался по дорогам, не имея теплой одежды, даже самого необходимого. И вместе с тем он был доволен своей судьбой – тяжелое бремя дядиной опеки больше его не сковывало. Веселым и свободным шагал он от деревни к деревне с протянутой рукой, ведя жизнь нищего попрошайки. Время от времени ему попадались добросердечные евреи, которым он рассказывал о себе всякие небылицы весьма искренне и убедительно. Ему верили и щедро помогали. Обычно он говорил, что его родители неожиданно умерли, совсем было собравшись ехать в Амстердам на поиски богатого родственника.

Но бывало и так, что ему несколько дней не попадалось ни одного еврея, и тогда приходилось терпеть голод и холод. Если не случалось никакого приличного ночлега, он обычно забирался на гумно или сеновал и засыпал там. В таком случае надо было проснуться пораньше и побыстрее убраться. Однажды он проспал дольше обычного, сраженный многодневной усталостью, и схлопотал добрую трепку от крестьянина, который был вовсе не рад с утра пораньше найти на своем гумне какого-то еврея. В тот день Зюсс пребывал в угнетенном состоянии, он уже жалел, что убежал от дяди. Но слишком уж далеко он зашел, и дорога назад была в несколько раз дольше, чем та, что оставалась до намеченной цели.

Добравшись до Кельна, Зюсс был неприятно удивлен, узнав, что ему нельзя пройти через священный для христиан город иначе как в сопровождении двух вооруженных солдат. Солдаты требовали за свои услуги две кроны, у Зюсса же, как обычно, не было ничего. Тогда ему пришлось идти в обход, долгим и утомительным кружным путем.

Однажды он целый день блуждал по чужому и недружелюбному селению, где не нашлось ни одного еврея. Это было в том месте, где Рейн пересекал границы Германии, прокладывая себе путь уже по голландской земле. Был месяц Кислев, и мороз усиливался день ото дня. Голод и холод совершенно измотали Зюсса, доведя до

отчаяния. На нем была только легкая летняя одежда, которая к тому же изнасилась и изорвалась, и мороз пробирал до самых костей. В его затуманенном сознании мелькали видения и воспоминания детских лет. Он видел своего отца-герцога, одетого в роскошный, шитый золотом мундир, мать в шелках и бархате, в золоте и жемчугах. Потом вспомнились страшные дни, когда отец попал под суд и принял трагическую смерть от собственной руки, а оставленная в нищете больная несчастная мать с ребенком на руках в отчаянии вынуждена была скитаться под насмешки и улюлюканье толпы. Вспомнилось ему все дядино добро, все его благодеяния, раздаваемые щедрой рукой, не требовавшей мзды, за что Зюсс отплатил столь черной неблагодарностью, исчезнув бесследно.

Опустившись на камень, Зюсс горько заплакал.

– Каким же глупым и неблагодарным мерзавцем я был! – сокрушался Зюсс о себе. – Как хорошо мне было бы, останься я в Оппенгейме! Ел бы досыта, одевался достойно, имел теплый дом! А что теперь? Не иначе как нынешней же ночью замерзну насмерть здесь, в чистом поле! Не лучше ли прямо сейчас самому свести счеты с жизнью? Не легче ли броситься в холодные глубины Рейна и тем покончить со всем разом? Но нет, нет. Если уж судил Высший суд мне умереть, то да исполнится воля Господа. Но я не хочу расставаться с этим миром через неискупаемый грех!

Собрав остатки сил, Зюсс встал и продолжил путь. Вдруг вдали показался мерцающий огонек. Горькая улыбка заиграла на губах Зюсса. «Ну и что мне с того, если даже случится набрести на человеческое жилище? – размышлял он про себя. – Кто же согласится приютить несчастного еврейского юношу, бродягу и скитальца? Едва увидят, что перед ними бедный еврей, ищущий убежища от холода хоть на одну-единственную ночь, тут же выкинут без сожаления в холодную темень. А если я буду слишком настойчив в своих мольбах, так и собак натравят, и мне еще повезет, если сумею убраться оттуда целым и невредимым».

Размышляя в таком духе, Зюсс приближался к тому месту, где зазывно горел огонек, и в конце концов набрел на бедный и неказистый на вид домик из невысоких двух этажей. «В этом домике – сказал себе Зюсс, – живут люди. Они греются у огня, питают насущной пищей свой желудок и радуют души крепким вином. В их власти вырвать меня из лап смерти. Посмею ли я? Постучу ли в эту дверь?»

Он приблизился к заветной двери и вдруг замер на месте от неожиданной радости. На правом косяке гордо красовалась внушительных размеров мезуза. «Так здесь живут евреи!» – Сердце радостно забилося. Он постучал.

– Смилуйтесь надо мной! – запричитал Зюсс, едва открылась дверь. – Я несчастный еврейский юноша, лишившийся отца и матери, ничтожный сирота, обреченный скитаться по дорогам. Я едва живой от холода и голода. Впустите меня в дом, позвольте разделить с вами хлеб и ночлег в эту ночь!

– Входи! – ответил ему радушно хозяин-еврей.

Зюсс шагнул в широкую комнату с низким потолком. В углу ее стояла кровать под балдахином, на которой спала молодая женщина. Рядом с кроватью стояла колыбелька.

– Не шуми, пожалуйста, – зашептал хозяин Зюссу на ухо, – моя жена недавно после родов, и она только что заснула.

За столом сидел еще один гость – старый еврей благообразного вида и плотного телосложения. Керосиновая лампа освещала комнату тусклым, изредка мерцающим светом.

– Садись с нами за стол, – обратился хозяин к Зюссу, – порадуй свое сердце горячим супом. Вот кружка для омовения и полотенце – омой руки и поешь с нами.

Зюсса не пришлось уговаривать. Он спешно совершил омовение и набросился на еду с волчьим аппетитом. Жидкий суп с черным хлебом показался ему самой вкусной на свете едой.

– Благословен Г-сподь! – воскликнул хозяин, и радость заиграла на его лице, – теперь нас трое, и у нас есть зимун, чтобы сказать благословение после еды.

Неожиданно выражение его лица изменилось, и радость на нем сменилась заботой. Он глубоко вздохнул:

– Вот, я радуюсь, а сердце мое беспокойно. Что же мне делать?

– А что случилось? – спросил Зюсс.

– Завтра день обрезания моего новорожденного сына. Я послал в Гельдерн за мозлом. Тот обещал прийти и даже прислал сюда свой нож для обрезания. Сам он должен был прибыть сегодня вечером. Но вместо него около полудня явился посланец и, к нашему великому огорчению, сообщил, что мозл неожиданно заболел и не сможет приехать. Другого мозла не сыскать во всей округе. Мой брат из Гельдерна должен был быть сандаком, но тоже не приехал.

– Собственно говоря, – вставил гость реб Лейб, – сандаком могу быть и я. Вот только мозлом я быть не могу.

– Всевышний Владыка! – воскликнул хозяин в отчаянии – Что мне делать? Если уж наградил Ты меня ребенком мужеского пола, то почему же отнял возможность привести его в союз праотца нашего Авраама в заповеданное время!

– Если вы соблаговолите довериться мне, – сказал Зюсс, – я обрежу вашего сына.

– Ты, юноша? – Реб Лейб уставился на Зюсса большими удивленными глазами. – Но ты же не мозл!

– Мой дядя, в доме которого я жил многие годы, – искусный мозл. Он обучил меня этому святому ремеслу. Смотрите, у меня даже ногти подточены и заострены, чтобы отодвигать кожу.

– Как тебя зовут и откуда ты? – поинтересовался реб Лейб.

Зюсс изложил им свою обычную историйку про родителей, неожиданно умерших перед самой поездкой в Амстердам, где они собирались найти богатого дядюшку. Сюда же он приплел и правду про дядю – искусного мозла из Оппенгейма.

Хозяин не помнил себя от радости.

– Ты свалился на нашу голову, как ангел с небес, – взволнованно воскликнул он. — О, Судья Праведный! Да будет Имя Твое благословенно, за то что послал мне этого дорогого гостя!

От этих громких звуков проснулась роженица. Ее муж поспешил поделиться с ней радостной новостью: обрезание состоится завтра, в положенный срок. Зюсс подошел к ее постели, поздравил ее с рождением сына и посмотрел на ребенка в колыбели. Это был красивый и здоровый мальчик.

Когда Зюсс вернулся к столу, хозяин оказал ему честь, возложив на него обязанность произнесения зимуна. Эту обязанность Зюсс исполнил в духе и по обычаю уважаемых ученых мужей.

Только тогда вспомнил Зюсс, что у него нет тфилин. Но тут же он изобрел новую ложь:

– В Германии украли мой узелок, там был и тфилин.

Реб Лейб подозрительно взглянул на него, но ничего не сказал.

– У меня есть лишняя пара, – поспешил утешить Зюсса ничего не заподозривший хозяин, – я тебе их подарю.

– Большое спасибо, – отозвался Зюсс. – Может быть, здесь найдутся книги Мишны, чтобы мы смогли поучиться по обычаю Израиля в ночь бдения перед обрезанием?

– Книг Мишны у меня нет, но есть «Тикун лейл Швуэс».

– Подойдет и это.

Хозяин тут же принес «Тикун».

– Сделай одолжение, – сказал реб Лейб, – читай вслух, я тоже хочу послушать.

Зюсс начал читать вслух. И хотя отрывки Мишны в книге были приведены без всяких пояснений, он растолковывал их весьма подробно и искусно, к вящему удовольствию слушателей.

В полночь хозяин предложил гостям горячий чай и пироги. За чаем Зюсс узнал, что реб Лейб – богатый торговец деревом из Магнеца, сплавлявший лес по Рейну в Голландию.

Хозяин постелил гостям две кровати наверху. Впервые за долгое время Зюсс засыпал в чистой и мягкой постели. Он тут же погрузился в сладкую дрему, и счастливый проспал до самого утра, когда его разбудили к утренней молитве.

Глава пятая

На пути к богатству

После утренней молитвы реб Лейб отвел Зюсса в сторону и сказал:

– Послушай меня, друг мой. Дело, которое ты затеял, может иметь самые серьезные последствия. Здоровье и сама жизнь ребенка могут оказаться в опасности, если ты не сможешь выполнить свою работу как положено.

– Не извольте беспокоиться, – ответил Зюсс с уверенностью в голосе. – Дело не Б-г вещь какое трудное. Невелика мудрость – обрезать такого здорового младенца. Останься я у дяди, давно бы занимался этим делом.

– Кстати, а почему ты у него не остался?

Смутившись, Зюсс не нашелся с ответом. К счастью, в тот момент к ним подошел хозяин и попросил Зюсса подготовить ребенка для обрезания.

Реб Лейб восседал на «троне Ильи-пророка» в качестве сандака.

Зюсс выполнил свою работу с усердием, искусной и уверенной рукой, как будто был мозлом с двадцатилетним стажем.

Родители младенца не знали как благодарить Зюсса, свалившегося на них подобно ангелу-избавителю. У них не было слов, чтобы выразить ему все свои чувства.

Реб Лейб вновь отвел Зюсса в сторону и прошептал:

– Дай Б-г, чтобы заслуга исполнения этой великой заповеди зачлась тебе и чтоб охранил тебя Всевышний и не дал вовеки изменить вере отцов!

Зюсс замер на месте, пораженный и разозленный.

– Как вы смеете подозревать меня в таком грехе?

– Спокойно, спокойно, мой юный друг! – успокоил его реб Лейб. – Я немного разбираюсь в людях. И хотя ты проворен и прилежен, вместе с тем легкомыслен. Такой ученый юноша – и вдруг не имеет тфилин!

– А разве я не сказал, что их у меня украли?

– А разве я тебе поверил? Да если бы даже их и вправду украли, неужели за всю дорогу от Германии до этих мест у тебя не было возможности достать другие тфилин? Я не верю ни единому слову из твоего рассказа. Должно быть, ты что-нибудь натворил и сбежал из дома. Да, наверно, все так и было. Но в любом случае это меня не касается. Пусть охранит тебя та великая заповедь, которую ты сейчас исполнил. Я, пожалуй, возьму тебя в Амстердам и там позабочусь, чтоб подыскать тебе занятие. Но прежде скажи мне: ведь я был прав в своих предположениях? Мне хочется знать, действительно ли я разбираюсь в людях.

Зюсс хихикнул:

– От вас ничего не скроешь, реб Лейб. Но прошу вас, не пытайте меня более по этому поводу. Я приму ваше предложение с великой радостью и благодарностью.

Родители ребенка собирались как следует заплатить юному мозлу, но реб Лейб им не позволил, заявив:

– Вы не слишком богаты. Как сандак, я должен взять на себя все расходы по обрезанию. Поэтому я беру этого юношу с собой в Амстердам и позабочусь о всех его нуждах, пока не найду для него достойное занятие.

Сразу после праздничной трапезы реб Лейб и Зюсс отправились в путь. Хозяин напутствовал их множеством благословений и добрых пожеланий.

Сначала реб Лейб направился в Роттердам, где дождался прибытия своих плотов и продал лес. Зюсс изо всех сил старался быть полезным и в результате принес реб Лейбу большую пользу, поскольку по-настоящему владел немецким

языком и хорошо считал. Через некоторое время он также выучился довольно бегло говорить по-голландски.

– Оставайся у меня, мой юный друг. Я мог бы держать тебя на должности с очень неплохим жалованьем, если только согласишься вернуться со мной в Магнец.

– Нет, в Магнец я не поеду.

– Почему?

– Потому что это слишком близко от Оппенгейма.

– С чего это ты так боишься Оппенгейма? – удивился реб Лейб, и вдруг его глаза засветились пониманием человека, неожиданно проникшего в тайну: – А, вот оно что! Незадолго до отъезда из Магнеца меня посетил раввин города Оппенгейма, искавший своего сбежавшего племянника. Ты, случайно, не тот самый беглец?

– Да, это я!

– Послушай доброго совета, юноша. Возвращайся со мной к своему дяде и к усердным занятиям Торой в мире и покое!

– Нет! Ни за что! Я всегда мечтал о жизни в большом мире, и теперь, когда я счастливо избежал все опасности и трудности пути, я не вернусь назад! Не для того я страдал, чтобы в конце концов вернуться под неусыпный надзор дяди-раввина. Я хочу найти свою дорогу в большом мире. И она лежит к богатству, славе и почестям!

– Дай тебе Б-г не пожалеть об этом. Не всегда человеку удается воплотить в жизнь мечты своей юности. Боюсь, твое легкомыслие далеко заведет тебя в сторону от тех целей, к которым ты стремишься.

На следующий день реб Лейб в сопровождении Зюсса выехал в Амстердам. Благодаря своим связям в торговом мире ему удалось устроить Зюсса на приличную должность в большой и уважаемый торговый дом, где хозяевами были евреи.

Когда реб Лейб собрался в обратный путь, Зюсс просил его передать горячий привет своему дяде, раввину Оппенгейма. Перед расставанием реб Лейб сказал Зюссу:

– Ну, юноша, будь что будет, но, как бы ни сложилась твоя судьба, не изменяй вере отцов! Еврей, даже и согрешивший, все равно остается евреем, пока он не предал своей веры. Обещай мне, что навсегда останешься евреем!

– Обещаю! – торжественно ответил Зюсс.

Коммерческие связи торгового дома, куда приняли Зюсса, простирались по всему миру. Корабли привозили грузы: пряности из Индии, экзотические фрукты Смирны, табачный лист из Южной Америки и прочее. В обязанности Зюсса входило ведение больших grossбухов, доходно-расходных книг. Он быстро научился ориентироваться в большой торговле и исполнял свою службу с искусством и прилежанием, к полному удовлетворению своих хозяев.

Но в целом тихая жизнь в стенах конторы была Зюссу не по душе. По прошествии года он уволился с этой должности и перешел служить в большой банк. Здесь ему представилась возможность познакомиться с деятельностью биржи и постичь основы экономической теории.

Накопив капитал в несколько сотен золотых, Зюсс уволился из банка и переехал в Вену. Австрия в тот момент воевала с Турцией, а когда армия отправляется на фронт, необходимы люди, которые позаботятся об удовлетворении различных нужд солдат и офицеров. Зюсс присоединился к группе агентов-подрядчиков и отправился с ними в путь. Перед ним открылись новые горизонты бурной и полнокровной жизни, которая так подходила его характеру и запросам. Из тех приключений и переживаний, которые довелось испытать на фронте, он извлекал массу удовольствия. Попутно он сумел очень неплохо заработать. Окончательно сбросив с себя бремя Торы и заповедей, он вел грешную и беспутную жизнь. И хотя он не перешел в другую веру, его образ жизни ничем не отличался от того, что вели его товарищи-неевреи.

В одной из военных кампаний он познакомился с принцем Карлом-Александром Вюртенбергским, племянником Эбергарда Людвига, правящего герцога. Это знакомство и оказало решающее влияние на будущее Зюсса.

Еще юношей вступил Карл-Александр в австрийскую армию и принимал участие во всех австрийских кампаниях против Франции и Турции под командованием прославленного полководца принца Евгения Савойского. Карл-Александр был славен своим мужеством и героизмом. Благодаря подвигам на поле брани он дослужился до фельдмаршала.

Поначалу его шансы на герцогский трон были весьма ничтожны: у правящего герцога был сын – наследник престола. Но он умер еще при жизни герцога, и наследником престола объявили Карла-Александра.

Зюсс завоевал симпатии наследного принца столь быстро и прочно, что тот принял его в свое окружение. С тех пор Зюсс стал завсегдатаем его свиты.

По окончании войны принц отправился на отдых в Италию и пригласил Зюсса его сопровождать. В Италии Зюсс выказал такие усердие и изобретательность, дабы удовлетворить прихоти принца, что тот без Зюсса уже более не мыслил свою жизнь.

יְדִיאֵעָאִי עֵאֵי נְעֵאָוֹאֹ

יְאֵאִיאַ יְ יְאֵאֵי נְעֵאָ

LEHAIM МАЙ 2002 ИЯР 5762 – 5 (121)

ОБ ОТВЕТЕ

Н. СОЛЖЕНИЦЫНОЙ

Д. МАРКИШУ

Àààààé Àááááí

В «Лехаиме» № 1 за 2002 год помещен «Ответ Д. Маркишу» Н. Солженицыной. Она называет себя редактором книги «Двести лет вместе (1795 – 1995)», автором которой является А.И. Солженицын. Кстати, в самой книге сказано, что она редактор только опубликованной 1-й ее части, а книга в целом выходит под общей редакцией автора. Таким образом, он в данном случае в значительной степени сам себе редактор. Однако, как нам представляется, даже такое двойное редактирование не смогло обеспечить должного качества данной печатной продукции, хотя сама тема книги этого безусловно заслуживала. Вне всякого сомнения, при более ответственном редактировании многих несуразностей можно было избежать, и, прежде всего, обеспечить бо́льшую сочетаемость глав, – а то иногда создается впечатление, что некоторые из них написаны или разными людьми, или в разное время, – исключить повторения.

Только отсутствием настоящего редактора можно объяснить появление таких фраз: «В конце XVII в. столько-то хасидов из России эмигрировало в Палестину. К концу XI в. в Палестине находилось 25 тысяч евреев» (с. 255). Спрашивается: как в указанном столетии хасиды могли эмигрировать, если сам хасидизм возник в XVIII в.? И вообще: как будто уезжали только еврей-хасиды. Что касается еврейского населения в Палестине, то указанная цифра была достигнута только к 1880 г., т.е. к концу XIX в. (КЕЭ. Т. 3. с. 179).

Нельзя не сказать о языке книги, о чем писал Д. Маркиш. И это Н. Солженицына как-то упустила из виду, нещадно критикуя его по другим вопросам (при этом уже выступая как соавтор), хотя это во многом относится именно к ее обязанностям, как редактора. Д. Маркиш вполне справедливо писал, что язык книги «костлявый, кунсткамерный», причем, добавим, эта кунсткамерность явно введена нарочито, без всякой связи с темой. Может быть, этот язык казался бы сколько-нибудь естественным, если речь шла о чем-то древнем или о лагерной жизни. Но к рассматриваемому историческому труду, претендующему на научность, это, как нам представляется, не должно относиться, ибо только затрудняет понимание текста: «гнездил тайное общество» (с. 21), «В этом разномесьи...» (с.265), «поджиг от германского генштаба» (с. 480), «усчитывалось ли ртутно-подвижное еврейское население» (с. 146), «...и больше событий и смыслов попадают в наш глаз» (с. 443), «Не посторонний заговор был, что величавый и жестокий Петербург подавлял теплую малороссийскую культуру» (с. 415), «немо-административно» (с. 425), «буревое давление» (с. 448) и др. Заметим, что нам неприятно было выражение «в “рыхлой” русской манере», хотя оно явно не против евреев. Совсем уж выходит за рамки приличия использование слова «наглость», например, в отношении органов печати, публиковавших в 1905-1907 гг. фельетоны, в которых критиковались власти (с. 428), выражение «безмозглое распоряжение» (с. 325). Как понимать: «Газетные отчеты ... растягивали в объеме левых депутатов...»? (с. 425). Физически что ли?

О Николае I два раза говорится, что он «не терял напора» (с. 126, 129), указано, что у него «прямолинейный ум» (с. 101). Видимо, А.И. Солженицын вместе с редактором полагал, что ум бывает и криволинейным! А может быть, это и так?

Вероятно поэтому они и считают, что этот император «...походил на Петра I» (с. 129)? И, наконец, подлинный литературный перл – предпоследняя фраза книги: «Но эволюционность развития определенно брала верх и обещала строительную основательность впереди» (с. 509). Кстати, что ни цитата из рассматриваемого труда, то наш компьютер, стоя на страже современного литературного русского языка, указывает на недостатки в тексте, советует не пропускать. Вот темнота!

Некоторые фразы, видимо, помещены только для того, чтобы свидетельствовать о разносторонних знаниях Солженицыных, а с темой они мало связаны и, главное, не объяснены, например: «Польша способствовала укреплению большевиков в тяжелейший для них 1919 г.» (с. 443). Лишь немногие специалисты могут понять, в чем тут дело. Кратко: Пилсудский в тот исторический момент больше боялся белых, чем красных. Но для обычного читателя – ребус. Кстати, о пропуске Германией Ленина с компанией через свою территорию «...на разложение России...» (с. 443), написано так, как будто евреи захватили почти весь германский генштаб.

Удивляет и немало раздражает привычка писателя (и это редактор, видимо, одобряет) давать ученым и политикам разные прозвища, часто непонятные, навешивать ярлыки, отзываться неуважительно (отмечаем это вне зависимости от нашего к ним отношения): М.Н. Покровский – «классовый историк» (с. 16), П. Шафиров – «склонный к мошенничеству» (с. 25), Парвус и Троцкий «несравненные руководители» (с. 37), Л. Дейч – «неистовый революционер» (с. 124), П.Л. Лавров – «боготворимый вождь» (с. 231), М. Нордау – «декоративный писатель» (с. 260), И. Гельфанд – «тот самый будущий могучий Парвус» (с. 235), Кулябко – «хлопотун и рохля» (с. 377), Цихоцкий – «негодяй» (с. 382), Диманштейн – «советский боевик» (с. 401), Лурье-Ларин – «подручный Ленина» (с. 403), Прайсман – «неумно настаивает» (с. 404), И.Я. Гурлянд – «одинокое явление» (с. 431), Пуришкевич – «рьяно участвует» (с. 433), Д. Заславский – «прожженный» (с. 427), В. Жаботинский – «рельефный публицист» (с. 455), Д. Гольдендах – «безотвязный марксистский теоретик», «морочил мозги читателям» (с. 455), Г.Б. Слиозберг – «знаменательная фигура» (с. 459), министр Сухомлин – «пустомеля» (с. 459), ген. Янушкевич – «ничтожный» (с. 479), ген. Сандецкий – «самодур» (с. 485), З. Гржебин и Орлов – «оборотни» (с. 428, 500).

Скажем сразу: Ленина мы не уважаем. Но в труде, претендующем на научность, писать, что он «взбеленился» (с. 247), что он «налепил» (с. 402), наверное, может только лауреат Нобелевской премии. Подобным пренебрежительным образом А.И. Солженицын с редактором позволяют себе отзываться не только о многих людях, на что уже указано, но и о книге – «Историко-революционном сборнике» 1920-х годов, который «...содержит в изнурительном потяготном словообилии эти споры» (с. 236). Может быть, этот новый термин, явно претендующий на глубокую значимость – «потяготное словообилие», да еще изнурительное – можно было бы посоветовать Солженицыным употребить лучше в самокритичном плане? А комментировать их обращение к читателям – «Протрем глаза...» (с. 205), что по смыслу надо делать вместе с ними, – мы просто не беремся. Так что, когда Н. Солженицыну «удивляет развязность тона» Д. Маркиша, которая, как она считает, «резко контрастирует с тоном и настроением обсуждаемой книги», то, вероятно, она что-то путает, имея в виду иное произведение иного автора.

Помимо недостатков редакторского характера в основном тексте, их много и в примечаниях. Так, аббревиатура ЕЭ – «Еврейская энциклопедия» – расшифрована не менее 13 раз (с. 13, 61, 97, 135, 167, 185, 219, 254, 271, 345, 417, 453, 497), КЕЭ – «Краткая еврейская энциклопедия» – 8 раз (с. 14, 65, 98, 186, 237, 258, 418, 476), РЕЭ –

«Российская еврейская энциклопедия» – четыре раза (с. 217, 301, 359, 417). Два раза раскрывается ОПЕ – «Общество для распространения просвещения между евреями в России» (с. 170, 307). Причем, второй раз неправильно. Спрашивается: что же хорошего после всего этого можно сказать о Н. Солженицыной как о редакторе?

Несколько слов об источниках, используемых в книге. В ней прямых ссылок на архивные материалы нет, так как архивы автор не посещал, – только на литературу. (И здесь нельзя не вспомнить, что Д. Маркиш в своей рецензии вполне справедливо назвал эту книгу «цитатником», с чем, кстати, Н. Солженицына не спорила.) Основными или, во всяком случае, наиболее часто цитируемыми являются историки С.М. Дубнов и, особенно, Ю.И. Гессен – преимущественно его итоговое произведение «История еврейского народа в России». Как пишет Л. Медовар в декабрьском номере (2001 г.) «Лехаима», к трудам нашего отца относится 200 ссылок из 1600, имеющих у А.И. Солженицына. Спасибо за подсчет, хотя их фактически, наверное, раза в два больше, так как подавляющая часть цитируемых статей из «Еврейской энциклопедии» написана им. Как говорил Е. Мороз в С.-Петербурге 5 ноября 2001 г. (в рамках проведения ежегодного Фестиваля еврейской книги, когда состоялось обсуждение книги А.И. Солженицына при участии многих историков и литературоведов), первые пять глав книги практически целиком написаны по источникам Ю.И. Гессена. О нем самом А.И. Солженицын пишет, что он входит в число «тщательных» историков (с. 23) (ну еще бы: столько списывал и вдруг не с тщательного!), отмечает, что он пишет «образно» (с. 127), что он «свидетельствует» (с. 125), и, наконец, «соглашается» (с. 61) – правда, неизвестно с кем (по смыслу с автором, но так любого, ныне безответного, можно представить своим сторонником!). Вместе с тем указано, что Ю.И. Гессен «либерал» (с. 125) и «либеральный» (с. 170). А так как либералов Солженицын люто ненавидит (о чем говорится на многих страницах), то выходит, и столь часто упоминаемый Ю.И. Гессен, по его мнению, нехороший человек. (Хотя, конечно, на Солженицына за это в суд не подашь. Вот если бы он назвал его негодяем, как Цихоцкого...) Кстати, многочисленное цитирование Ю.И. Гессена, все работы которого базируются на архивных данных, в какой-то степени компенсирует нежелание А.И. Солженицына лично заниматься весьма кропотливым сбором материалов.

И, наконец, нам непонятно: почему русско-еврейское состояние «вместе» по Солженицыну началось в 1795 году? Может быть, для ровного счета – 200 лет к моменту написания книги? Ведь в качестве подданных России евреи впервые оказались на ее территории в 1772 году – после первого раздела Польши, а до этого находились там только как гости или пленники. (Не даром отдел, который редактировал Ю.И. Гессен в Еврейской энциклопедии назывался «Евреи в России с 1772 г.».) Хотя, конечно, число евреев-подданных Российской империи значительно возросло при последовавших разделах Польши в 1793 и 1795 годах.

ЛЕХАИМ МАЙ 2002 ИЯР 5762 – 5 (121)

«РАСОВЫЕ ИНСТРУКЦИИ БЕРИИ»

По поводу публикации одной фальшивки

Αἰὶ τὰ ἀέε Ἐἴη ὀὐδ' αἰ εἴ

Так называемые переходные периоды, отмеченные общей нестабильностью и радикальными общественно-политическими трансформациями, особенно урожайны на разного рода социальные мистификации и розыгрыши. Причем во всех сферах – от литературы и искусства до бизнеса и политики. Подтверждением тому может служить море фактов из нашего недавнего перестроечно-реформистского прошлого, да и наше вроде бы остепеняющееся настоящее отнюдь не оскудевает на хитроумные ловушки для легковверных. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть 46-й номер «Независимого военного обозрения» за декабрь 2001 года. На седьмой полосе этого вполне респектабельного издания помещен претендующий на сенсацию материал под заголовком «Расовый отбор в НКВД». В расположенном под такой «горящей шапкой» вступительном тексте, преподносимом как экспертное заключение специалиста, до сведения читателя доводятся следующие отнюдь не первой свежести, и далекие от науки откровения. Во-первых, «коренной русский народ» согласно «последним историческим открытиям» (?) – «арийского происхождения из легендарной Гипербореи», и в прошлом «давал в огромных количествах физически крепких и нравственно одаренных людей». И во-вторых, оказывается (тут наш эксперт от седой древности резко переходит к новейшей истории), что «в политизированном классовом СССР и расовая наука, и ее практика со временем стали составлять важную государственную тайну, на охрану которой выставлялись лучшие силы НКВД СССР».

Приложение 1

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

АРХИВ ЦК КПСС	ФОНД	В. СЕКРЕТНО
14- марта 1969г	13	4189
№ 12174		

ИНСТРУКЦИЯ № 00134/13

Основных критериях
при отборе кадров для прохождения службы
в органах НКВД СССР

МВД СССР
Главное архивное управление

" 12 " июля 1949 г.

№ 21491

г. Москва, 1938

Типография НКВД СССР. Заказ 38.00300. Тираж 5000 экз.

Внедрив с такой легкостью необыкновенной в историческое лоно советской государственности «эмбрион» «расовой науки», выступающий в роли эксперта Ю. Бобылов следом дает понять, что такое зачатие произошло вследствие влияния на сталинское руководство соответствующей государственной теории и практики в нацистской Германии. И далее заключает, что «в самом конце 30-х годов в СССР на этой основе стал приветствоваться и махровый антисемитизм». Тут необходимо прервать рассуждения эксперта и кое-что уточнить. Действительно, в указанные годы в официальные структуры Советского Союза стала проникать зараза антисемитизма (общеизвестный в исторической науке факт), который, однако, тогда только «инфицировал» государственный организм и отнюдь еще не был «махровым».

Слыша научный звон, но не зная, где он, наш эксперт, между тем, от общих рассуждений переходит к конкретике, и подводит читателя к главной, выражаясь на молодежном сленге, фишке в своей статье – к разделу, по законам детективного жанра озаглавленному «Совершенно секретно» и оснащенному исторической бомбой в виде

двух сверхсекретных «расовых инструкций», будто бы введенных в действие предводителем сталинских карательных органов Лаврентием Берией.

Первый документ, имеющий номер 00134/13, называется «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД СССР», а второй (за № 0019/13) – «О проведении негласного медицинского и психофизиологического обследования заключенных под стражу и осужденных граждан». Если верить туманному разъяснению нашего эксперта, то непосредственными разработчиками этих инструкций были некие «тайные сторонники расовой доктрины, нашедшие покровительство в аналитических структурах НКВД СССР». Комментируя далее содержание загадочных директив, он, видимо, как особо важный полностью цитирует следующий, довольно корявый в грамматическом плане пункт:

«7. Особое внимание обращать на национальное происхождение кандидата (на должность в НКВД. – Авт.). Очень опасными в социальном плане по своей психогенетической сущности являются люди, произошедшие в результате смешанных браков. Для кадрового отбора в НКВД важно отсекаать, в основном, лиц, у которых присутствует еврейская кровь. Вплоть до пятого колена необходимо интересоваться национальной принадлежностью близких родственников. Были ли в роду евреи. Все остальные межрасовые браки следует считать позитивными».

Прочитав этот фрагмент, как будто скалькированный с соответствующего наставления из нацистских опусов по расовой гигиене, и зная из многолетнего опыта научного изучения сталинского антисемитизма, что подобная терминология никогда не использовалась советскими аппаратчиками даже в документах с высшим грифом секретности «особая папка», пишущий эти строки, заподозрив неладное, не мог не насторожиться. Чтобы разрешить возникшие сомнения, он обратился за дополнительной информацией в редакцию «Независимого военного обозрения». В итоге выяснилось, что интригующая публикация в газете была подготовлена по вышедшему еще в 2000 году сборнику статей «Расовый смысл русской идеи» (М.: «Белые альвы». Изд. 2. Вып. 1. 496 с.). Именно в этой книге и были помещены полные тексты указанных инструкций и приказов.

Означенное издание удалось приобрести в одной из тех книжных лавок, которые торгуют так называемой антимасонско-патриотической литературой, где на видном месте как правило красуется «Миф XX века» А. Розенберга, а под прилавком припрятана «Майн кампф» А. Гитлера. После беглого ознакомления с продукцией загадочных «Белых альв» отпали последние сомнения, и стало ясно, что включенные в издание «бериевские директивы» – чистой воды фальшивки, причем сработанные весьма топорно.

Но категоричными вердиктами сейчас трудно кого-либо убедить, поэтому перейдем к детальному анализу и начнем с титульного листа «Инструкции № 00134/13». На нем насчитывается в общей сложности три штампа о передаче этого документа в различные архивы, хотя общеизвестно, что подобные отметки обычно не проставляются непосредственно на самих документах, поступающих на архивное хранение. Согласно правилам они фигурируют на обложках дел, в которые брошюруются подобные материалы. Кроме того, возникают сомнения в подлинности самих штампов. Оттиск одного из них гласит: «Архив ЦК КПСС. Фонд 13. 14 марта 1969 г. № 12174». Но ведь фонд № 13 Российского государственного архива новейшей истории (правопреемник архива общего отдела ЦК КПСС, функционировавшего на Старой площади с 1968 по 1991 год) – это не что иное, как комплекс документов Бюро ЦК КПСС по РСФСР,

которое действовало в 1956-1966 гг. и не имело никакого отношения к руководству силовыми структурами. Вообще удивляет какая-то навязчивая многократность использования числа «13» в элементах оформления «инструкций»: помимо того что им обозначен архивный фонд, оно после знака дроби проставлено также и в номерах «инструкций» (кстати, дробные номера получали только межведомственные директивы, скажем, совместно выпущенные НКВД СССР и Генеральной прокуратурой СССР). Такую цифровую приверженность фальсификаторов можно объяснить их принадлежностью к лагерю ультраправых, которые, как известно, всегда питали слабость к оккультизму, эзотерике, мистической магии чисел. Поэтому, думается, не случайно и то обстоятельство, что даты приказов, якобы утвердивших «инструкции» в 1938 и 1939 гг., совпадают с днями рождениями (21 декабря) и смерти (5 марта) идейного кумира определенной части ультраправых – Сталина.

<p style="text-align: center;"> СССР</p> <p style="text-align: center;">НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВ.СЕКРЕТНО</p> <p style="text-align: center;">ПРИКАЗ № 0019/13</p> <p>Гор. Москва 5 марта 1939 г.</p> <p>О введении в действие инструкции о проведении негласного медицинского обследования заключенных под стражу и осужденных граждан</p> <p>ПРИКАЗЫВАЮ:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Ввести в действие настоящую инструкцию, обязательную для исполнения руководству и медперсоналу исправительных учреждений и тюрем ГУЛАГ.2. Начальнику ГУЛАГ В. Чернышеву распространить настоящую инструкцию по принадлежности.3. Руководству исправительных учреждений и тюрем ГУЛАГ не позднее 5-го числа первого месяца нового квартального отчета представлять списки по приложению № 1. <p style="text-align: center;">Народный комиссар Л. Берия</p>

И еще несколько замечаний о штампах на «инструкциях». На штампе Главного архивного управления МВД СССР проставлены, как и полагается, дата – 12 апреля 1949 г. (тогда такое архивное ведомство действительно существовало) и регистрационные номера, включающие в себя почему-то только одну литеру «с» («секретно»), хотя «инструкции» имеют гриф «совершенно секретно», что предполагает наличие в учетных номерах двух таких литер. И потом, совершенно излишним на титулах выглядит грозный штамп: «Из здания не выносить!» (ставился обычно на несекретных материалах «Для служебного пользования»): присутствующий тут же гриф «совершенно секретно» сам по себе накладывает автоматический запрет на подобные действия. Такими же несуразными (для любого специалиста-секретчика) представляются указанные колоссальные цифры тиражей. Ибо зачем печатать 5000 экз. инструкции, когда количество ее потребителей – «облгоротделов УНКВД СССР» – по максимуму могло исчисляться сотнями, если не десятками.

Поскольку речь зашла о самих «приказах», посредством которых Берия якобы ввел в действие злополучные «инструкции», то и их тексты, мягко говоря, далеки от совершенства. Например, в приказе от 21 декабря 1938 г. упоминается «заместитель НКВД СССР (!) по кадрам тов. Круглов С.Н.», который согласно официальным документам был назначен заместителем наркома только 28 февраля 1939 г. В этом же приказе дается поручение неким «начальникам отделов кадров облгоротделов УНКВД СССР» – заковыченное словосочетание или, точнее, набор слов иначе как абракадаброй трудно назвать. И вот почему. Сама аббревиатура «УНКВД» уже есть не что иное, как сокращенное обозначение областных управлений НКВД. Так, спрашивается, зачем еще городить тут же «облгоротделы», тем более что в горотделах НКВД никогда отделов кадров не существовало. А вот еще один характерный ляпсус: указанный в «приказе № 0019/13» начальник ГУЛАГа «В. Чернышев» на самом деле был Чернышовым, и само собой разумеется, подобные ошибки в приказах наркома внутренних дел просто исключались. Кроме того, непонятно, почему этот «приказ», где речь идет не только об «осужденных гражданах» (сиречь узниках ГУЛАГа), но и о людях, заключенных под стражу (то есть пребывающих в следственных изоляторах и потому находящихся в ведении НКВД), вменяется к исполнению только начальнику ГУЛАГа.

Подобных «проколов» автор(ы) подделок допустил(и) множество, и нет необходимости и дальше утомлять читателя, приводя все новые примеры вопиющего исторического невежества. Правда, нельзя хотя бы в общем не охарактеризовать само содержание «инструкций». Достаточно сказать, что человек, даже поверхностно знакомый с советской системой директивного бумаготворчества, будет немало удивлен, вчитавшись в это содержание, которое даже стилистически разительно отличается от настоящих циркуляров, которые когда-либо выходили из-под пера чиновной братии в Советском Союзе. В реальных аппаратных директивах советского времени, пусть и несущих на себе печать канцелярского косноязычия, но всегда сухих и деловитых по стилю, просто по определению не могли появиться такие вот в духе цветистой пафосности и не совсем грамотные словесные «перлы», присутствующие в наших «инструкциях»: «Обращать внимание на окружение жены кандидата (на зачисление в органы НКВД. – Авт.). Как правило это бывает змеиным гнездом»; «А русский царь Петр Великий издал указ, запрещающий рыжим, косым и горбатым давать свидетельские показания в суде».

В общем, создается впечатление, что под видом советских инструкций кто-то задним числом попытался подсунуть доверчивому читателю свой наукообразный трактат, который как будто дословно списан со скандально известных опусов специалистов по так называемой расовой гигиене в третьем рейхе. Чего только стоят,

скажем, навевающие тоску длинные описания «признаков вырождения и дегенерации»: «косость черепа» («*riagosephalia*»), «седлообразная голова» («*clinosephalia*»), «лошадиные зубы» и т.п.

Резонно спросить, кто публикатор сей явной компиляции из нацистских «первоисточников»? Как ни странно, но в поисках ответа любопытному читателю не придется, что называется, далеко ходить. Ведь «инструкции Берии» подверстаны в указанной книге как приложения к статье некоего В.Б. Авдеева (обозначен на обороте титула как председатель редколлегии серии «Библиотека расовой мысли») «Генетический социализм», суть которой можно свести к следующему тезису: грядущий русский «золотой век» – это «генетический социализм (читай: национал-социализм)» плюс клонирование всей России. Скорее всего этот «литератор», подвизавшийся на крайне правом политическом фланге как проповедник идеи «евгенического государства» и известный узкому кругу специалистов-политологов в качестве автора неоязыческого труда «Преодоление христианства», и произвел на свет так озадачившие нас «инструкции Берии».

Теперь, когда очередная фальшивка разоблачена, остается только удивляться, как интеллектуально измельчали, или, выражаясь языком «генетикосоциалистов», дегенерировали современные восприимчивые фальсификаторского наследия русской крайней правой мысли, включающего в себя такие «классические произведения», как «Протоколы сионских мудрецов», «Велесова книга» или, скажем, «Катехизис евреев в СССР». И вряд ли бы стоило обращать внимание на вульгарные экзерсисы по имитации исторических документов, подобные «инструкциям Берии», если бы результаты этих потуг, вырвавшись (благодаря рекламе солидного вроде бы издания) подобно джину из бутылки из затхлого маргинального мирка, не оказались бы в центре широкого общественного внимания. Что же способствовало «вбросу» на широкий информационный рынок сомнительного продукта, «приправленного» для удобоваримости «остреньким» подзаголовком «Рассекреченные документы проливают свет на формирование тайной государственной идеологии в СССР»? Очевидно, не только чрезмерная доверчивость газетчиков, не обладающих навыками идентификации исторических документов, и даже не их всегдашняя погоня за сенсационным материалом. Чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз вчитаться в комментарий, обрамляющий опубликованные в «Независимое военное обозрение» фрагменты из «инструкций Берии». Его автор (уже упоминавшийся выше Ю. Бобылов), чьи статьи печатаются даже в генштабовской «Военной мысли», будучи взращенным в недрах ВПК, известен в своем кругу как специалист по охране государственных секретов. Так вот он, по сути, идейно солидаризируется с автором фальшивки, когда, пытаясь извлечь рациональное, как ему кажется, зерно из расовых псевдоустановок такой «неординарной личности», как Берия, пускается в рассуждения о том, что «исторически возможны и оправданы расовые войны», что «расовая теория вносит существенные поправки в идеологию российской государственности, особенно в свете существенных расовых отличий русских как преимущественно нордического народа арийского происхождения от украинцев, имеющих ярко выраженную восточную тюркскую окраску», что «дальнейшее развитие расовой идеологии неизбежно становится элементом формирования новой религии (неоязыческой? – Авт.)», что «расовый фактор особенно важен для формирования эффективной перспективной военно-политической стратегии России в XXI веке» и т.д.

Как видим, в лице данного публикатора фальсификаторы нашли надежного идейного союзника, который поэтому, возможно, сознательно пошел на провокационный подлог. В этой связи неясной выглядит роль руководства редакции «НВО» Можно

только гадать по поводу действительной мотивации его решения опубликовать материал с «секретными инструкциями Бериин».

Подводя итог вынужденного погружения в трясину расового бреда, приходишь к выводу: как прежде, так и теперь правые экстремисты идут на любые провокации, в том числе и на фабрикации исторических фальшивок, для того чтобы манипулировать общественным мнением и завлечь в свои ряды новых сторонников, прежде всего из числа представителей силовых ведомств, с которыми их в какой-то мере «роднит» общая «зацикленность» на конспирологии. Ибо только тандем с силовиками наделяет крайне правых реальным шансом на достижение главной для них цели – обретение верховной власти как средства для осуществления безумных идей. И как знать, может, нынешний информационный «прорыв» на страницы «НВО» в чем-то помог им в этом?

«В МОЕМ НАЧАЛЕ МОЙ КОНЕЦ»

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Томасу Стернсу Элиоту, крупнейшему англоязычному поэту XX столетия. Для многих мастеров, которые создали художественный язык этой эпохи, они могли бы стать девизом. Жизнь часто складывалась так, что, в юности покинув родные места – или даже, как Элиот, сменив страну проживания, – они никогда больше туда не возвращались. Да и к чему? Ведь мир, где пробудился и сформировался их гений, более не существовал, от него уцелели одни обломки, которые лишь обостряют боль утраты. Но память оставалась с ними навеки.

Набоков, покинувший Россию двадцатилетним, был вполне искренним, когда писал, обращаясь к ней: «Отвяжись, я тебя умоляю», – и принес великую жертву, отказавшись от ее языка. Но в последней набоковской книге «Смотри, арлекины!» некто по имени Вадим Вадимыч, старый эмигрант, под чужим именем едет в Петербург, ставший Ленинградом. И хотя он это делает как будто бы лишь из любви к крайне рискованным экспериментам, есть, конечно, и другая, намного более сложная мотивация. Надо собственными глазами увидеть магическое пространство, именуемое старой родиной, и, удостоверившись, что от магии там не осталось ничего, оправдать для себя самый главный выбор, который повелел жить на чужбине.

Марк Шагал распрощался с Витебском еще в свою юную пору. Была Москва, потом Париж, Америка и снова Франция, а в город, где ему был знаком каждый закоулок, он больше не наведаясь ни разу. Но художник Шагал все равно принадлежит этому городу, подсказавшему едва ли не все сквозные шагаловские темы, и самые устойчивые мотивы, и самые поразительные образы. Парящие над его крышами часы, взмывшая в его небо душа, которой придан облик женской фигуры с распущенными волосами, и покосившиеся домики, и лошади на немощных улицах, и вывески с пляшущими буквами, и шестиконечные звезды над стариками, шествующими в синагогу, – у Шагала все это больше чем воспоминания об истоках. Им создан целый поэтический универсум, не имеющий аналогов в мировом искусстве, и эта художественная вселенная локализована с исключительной точностью и зримостью:

город на берегу крохотной Витьбы и полноводной Двины, первые десятилетия минувшего века. Немыслимое, но редкостно органичное смешение культур, обычаев, традиций, будничность, праздничность. Неуловимое, но неотступное предчувствие судьбы, о которой Шагал скажет в одном своем стихотворении 30-х годов: «Дым и зола летят, сгущая тени...»

Он родился в этом городе и свой гений он осознал, всматриваясь в пеструю витебскую жизнь последних лет перед тем, как начнется череда катастроф, пытаясь ее воплотить в рисунках и на полотнах. С самого начала его работы были отмечены синтезом двух враждующих начал: приверженность этой реальности, зачарованность ею – и в то же время постоянное стремление ее преодолеть, взлететь над нею, как взмывают в бесконечное воздушное пространство фигуры на его картинах, навеванных Витебском. Эти полеты, которые, казалось, происходили уже наяву, а не только в безудержно смелой фантазии художника, описывает Белла Шагал, когда возвращается памятью к их первым встречам в какой-то конуре, заменявшей мастерскую. Забыв про принесенные ею цветы, Шагал набрасывается на холст, мелькают кисточки, скачут перед глазами красные, синие, черные брызги. «Ты закружил меня в вихре красок. И вдруг оторвал от земли, и сам оттолкнулся ногой, как будто тебе стало тесно в маленькой комнатухе. Вытянулся, поднялся и поплыл под потолком... Нам хочется на волю, сквозь оконные стекла. Там синее небо, облака зовут нас. Увешанные платками стены кружатся вокруг нас, и кружатся наши головы. Цветущие поля, дома, крыши, дворики, церкви – все плывет под нами...»

Белле было 23 года, когда незадолго до октябрьского переворота она вышла за Шагала замуж, разделив с ним все тяготы и все счастье уготованного ему будущего: увлечение революцией, полуголодную жизнь московского художника-авангардиста в гражданскую войну, эмиграцию, шумный европейский успех, бегство через океан, когда немцы подходили к Парижу. В девичестве она звалась Берта Розенфельд и, хотя происходила из семьи негоциантов, людей глубоко религиозных, а к светской культуре относившихся равнодушно, если не подозрительно, никто бы не назвал убогими ее интеллектуальные интересы. Она училась в Москве на женских курсах, руководимых знаменитым историком В.И. Герье, писала о Достоевском, потом увлеклась театром и стала заниматься в студии, руководимой Станиславским. Мечты о сцене Белле пришлось оставить из-за травмы, которую она получила на репетиции, но числиться только спутницей гения было не по ее характеру.

Она попробовала писать – о старом Витебске, о собственных корнях, о своем детстве. Случилось это уже в эмиграции и не сразу. Мысль взяться за перо пришла после поездки с Шагалом в Вильно в 1935-м. Тогда это была Польша, где антисемитские настроения усиливались буквально с каждым месяцем (писатель Башевис-Зингер, будущий Нобелевский лауреат, в тот же год покинул Варшаву, уехав в Нью-Йорк, чтобы избавиться от чувства поминутного унижения и опасности). Оставалось всего четыре года до трагедии, которую выпало пережить всему восточноевропейскому еврейству. Настроения Шагалов после этого путешествия в край, расположенный поблизости от их родного гнезда, были самые мрачные. Но это совсем не чувствуется на страницах книги, за которую Белла принялась, не очень ясно представляя себе, что из давних воспоминаний в нее войдет и в каком порядке выстроится. Только одно было для нее ясно с первых же минут: писать она будет на идише. Хотя французским она владела совершенно свободно, даже перевела на этот язык шагаловскую автобиографию «Моя жизнь».

Было несколько тетрадей с отрывочными записями и законченными новеллами, в которых оживает город, каким он запомнился Белле с ее детских лет. Эти тетради она увезла в Америку и не расставалась с ними до своего смертного часа. Белла умерла в американском госпитале в 1944-м, Шагал напечатал ее мемуары в Нью-Йорке двумя книжками – в 1945-м и 1947-м и сделал к ним рисунки тушью, дополнив эту серию для французской книги 1973 года, вышедшей в переводе их дочери Иды. Русский перевод Натальи Мавлевич, стилистически безупречный (издательство «Текст», 2001), выполнен с французского издания. Читатель от этого, вероятно, выиграл, потому что повествование Беллы Шагал безыскусно лишь по видимости, а на самом деле представляет собой прозу высокого литературного достоинства. Требовался переводчик, обладающий отточенными профессиональными навыками, которые позволили бы передать эту тонкую игру нюансов, пластику описаний, легкую иронию, острую ностальгию. Русская версия доносит весь многоцветный спектр, в котором у Беллы Шагал воссоздан мир, отделенный от нас уже целым столетием. Это несомненная творческая удача, и все-таки жаль, что перевод, строго говоря, делался с перевода, а не с оригинала. Но что поделать, с оригиналом у нас, похоже, никто бы не справился. Не создано русской традиции перевода с языка, который Шагалы считали для себя родным; за редчайшими исключениями не существует литераторов, действительно свободно им владеющих. И этим косвенно подтверждается, насколько не беспочвенными были опасения Беллы Шагал, что погибает многовековая культура, языком которой был идиш.

Выбрав для своих записей этот язык, она стремилась, насколько могла, как-то противодействовать надвинувшейся угрозе исчезновения культурной традиции, на которой ее воспитывали. Книгу она назвала «Горящие огни» (так названо и русское издание), подразумевая огни, зажигаемые в еврейские религиозные праздники. В доме Розенфельдов правила благочестия соблюдались строго и неукоснительно, а жизнь проходила в молитвах, постах, покаяниях, ликованиях, в том неизменном ритме, который требует возжигания светильников каждую субботу, и в Судный день, в праздники Кушей и Торы, в Хануку, в Пурим и на Пасху. Горит светильник, и должны отступить все злые силы: пройдут любые невзгоды, закончатся все страхи. Девочкой Белла верила в эту мудрость предков, не ведая ни мига сомнения. Она взывает к той же мудрости, делая записи в своих тетрадях, когда уже не существует Польши и танки вермахта на подступах к Парижу, и Витебску вскоре предстоит сделаться укрепленным районом в составе новообразованной территории Остланд.

Время, когда пишутся эти воспоминания, незримо в них присутствует, определяя тональность книги: лирическую и печальную, хотя рассказ идет о счастливой поре детства. Белла была младшим ребенком в большой и житейски благополучной семье витебского торговца-ювелира, который с помощью жены, очень сообразительной в коммерческих делах, стал богатым человеком, владельцем четырех лавок – в революцию все его достояние пропало. Реб Шмуль-Ноах был человеком твердых религиозных верований, воспитывался в ешиве, считался видным талмудистом. В Шабос он всегда приходил из синагоги самым последним, и Башечке, остававшейся дома за столом с подсвечниками, даже много лет спустя ясно виделась картина, которую ей так часто описывали братья: тишина в пустом храме, тщедушный шамес у столика с толстыми фолиантами и папа – раскачиваясь из стороны в сторону, он молится с закрытыми глазами, а вокруг трепещут тихо пропетые стихи.

Дома в субботний вечер «все легкое, благостное, умытое, как после дождя». Следует омовение рук из тяжелого медного кувшина, протяжный речитатив над вином, читают кидуш. От блюда с фаршированной рыбой доносятся острые запахи лука и перца. Мальчишки шушукуются о том, что дядя Бере ужасно брызгается слюной, а Шмоне-эсре,

Восемнадцать благословений, прочли так, словно спешат на пожар. Отец покрикивает на них: «Тише! Что за возня!» Для него самого Шабос священен, он способен часами обсуждать, верно ли поняли сыновья слова раввина, толковавшего слово пророков.

Разумеется, он убежден, что этот порядок жизни – честная и прибыльная торговля, жесткая семейная иерархия, неприкосновенные заветы, неуклонно исполняемые обряды и ритуалы – установлен до скончания века. На самом деле мир, который ему кажется таким прочным, доживает свои последние годы. Сыновья уедут из Витебска учиться – кто в Скопин под Рязанью, кто в Петербург, кто в Женеву. Дочь Анна станет социал-демократкой, ее мужа, видного большевика, репрессируют в 1930-м. А Башечка встретит Шагала, крепкого, широкоплечего, с острыми зубами, которые словно впиваются в собеседника, с шевелюрой, несущей его, как крылья.

Говорили, что он ужасно беден, у него нет своего угла, картины он пишет, устроившись на печке рядом с кадками и курами, и домашние боятся, как бы он ее не перепачкал красками. Над его живописью все смеются, сестры протирают пол тряпками, которые он испортил своей мазней. Он похож то на дикого зверя, то на светлого ангела, и для него ничего в мире не существует, кроме занятия, в котором ему видится призвание. Когда они первый раз встретились в доме подруги, дочери витебского врача, Шагала уснул на кожаном диване, который предназначался для пациентов: видно, был вымотан до предела. Тея Брахман, познакомившая их, все твердила: такой несчастный, надо его спасать.

Однако несчастным он себя вовсе не ощущал, рано почувствовав, какой огромный талант ему отпущен. Белла была одной из первых, кто это понял, кто поверил в Шагала безоговорочно и навсегда. Она стала его великой любовью, его музой и опорой. Есть послесловие Шагала к «Горящим огням», он пишет: «Долгие годы ее любовь освещала все, что я делал», и «Все покрылось тьмой» в тот сентябрьский день 1944 года, когда Белла покинула этот мир.

Соединяя с ним свою судьбу, она многое меняла в привычном с детства укладе, и родители, конечно, должны были печалиться: ничего основательного, впереди какая-то смутная божественная жизнь и, очень вероятно, нищета, уж не говоря о том, что для Шагала, по первому впечатлению, мало что значили ценности, священные в доме Розенфельдов. Вспоминая свою новую родню, Шагала в «Моей жизни» отзывается о ней довольно пренебрежительно: они «только и знали, что молиться с утра до ночи».

Белла всего на один год пережила свою мать, и наверно, до Фриды Левьянт-Розенфельд должны были доходить вести о мировой славе, которой добился ее зять, внушавший столько опасений витебским обитателям. Но эти триумфы свершались где-то бесконечно далеко от бывшей гостиницы «Брози», во дворе которой, соседствуя с фотоателье Маковского и кондитерской «Жан-Альбер», когда-то стоял ювелирный магазин ревностного хасида Шмуля-Ноаха. Да почти ничего и не сохранилось после революции от этого квартала, от окружения и атмосферы, в какой выросла Башечка, общая любимица, выбравшая для себя совсем не тот путь, что предназначался девочке из добропорядочной и крепкой еврейской семьи.

Последняя главка ее воспоминаний называется «Поезд». В детстве Белла была убеждена, что ее город – это крайняя точка мира, который и начинается, и завершается на витебской платформе. И вдруг пришло страшное чувство, что состав, скрывшийся за горизонтом, никогда не вернется, а без тех, кто рыдал в окнах вагонов, платочками подавая последнюю о себе весть плачущим на перроне, все опустело: только деревья

остались, и по-прежнему «прячт над крышами их воздетые руки». Город сделался и реальным, и призрачным – в точности, как на картинах Шагала. Он видится покинутым домом, как будто и вправду уехал весь, до последнего человека.

Эти страницы написаны, когда еще никто не знал, что в Витебске, освобожденном от немцев за полтора месяца до смерти Беллы, будет насчитываться всего 118 жителей, а от еврейского Витебска не останется ничего. Но необъяснимое ощущение потери, которую нельзя возместить, тот страх, что охватил совсем юную Беллу, когда она провожала брата в его свадебное путешествие и вернулась домой «словно с похорон», – все это не обмануло. И годы спустя она взялась за перо, чтобы вопреки беспощадной истории, наперекор всем физическим законам продолжал существовать уже не существующий мир, где были совсем особенные «люди, вещи, пейзажи, еврейские праздники, цветы», особая душа, особый язык, уникальное «маревое красок», как пишет в послесловии к ее книге Шаггал.

Краски играют и переливаются на страницах этого непритязательного рассказа, придавая необыкновенную выразительность самым обычным эпизодам – описаниям уроков со стареньким ребе, которого так любили морочить и дразнить непоседливые дети почтенного ювелира, прогулки на санях, когда дети получали от отца по гривеннику в праздник, посещения бани, пасхального обеда, визита ряженных на Пурим. Белла Шаггал не стремится ни обобщать, ни поучать, она просто восстанавливает жизнь, которой больше нет. Это сделано ею талантливо и артистично, а шаггаловские рисунки тушью – их 68 – дополняют повествование настолько яркими образами, что мысль о победе над законом исчезновения начинает восприниматься не как метафора, а как бесспорная достоверность. Она и была достоверностью для Шагала, для Беллы, веривших, что все возвращается к исходной точке, к тому началу, которым для них обоих был Витебск, язык предков, еврейская душа, неистребимая, каким бы чудовищным испытаниям ее ни подвергала реальная история во времена, когда им выпало жить.

Асјаеітэ Сіндія

ВЛЮБЛЕННЫЙ ОЧЕВИДЕЦ

י.י. געזער

רוסיש-אידישע ליטעראטור אין די 20 יארן

(י., 2001, י אי י ו ע י . י . א . ע ר ע י ו י א א)

Матвей Гейзер не идеализирует прошлое и настоящее советского еврейства

«Волны жизни с беспощадной скоростью уносят деяния людей в прошлое, оставляя будущему только следы, а порой – едва заметную тень. Служители муз, поэты в особенности, счастливее обыкновенных смертных. Их творения, если они настоящие, продолжают жить независимо от их создателя...» В своей книге «Русско-еврейская литература XX века» известный культуролог и публицист Матвей Гейзер стремится рассказать о прошлом и настоящем русско-еврейской литературы. По сути это сборник очерков, написанных на пересечении мемуарного жанра и литературоведческого исследования. Некоторые из них публиковались в СССР и России, а затем перепечатывались в Германии, Израиле и США. Ряд из них (о Юшкевиче, Бабеле, Мандельштаме, Сапгире) увидели свет впервые. Непритязательная повествовательная форма позволяет Гейзеру свободно выбирать ракурс, в каком представить того или иного писателя. Что касается, например, Жаботинского, то вопреки ожиданию автор пристально рассматривает прежде всего его публицистику и переводы, оставляя несколько в стороне пьесы и романы; говоря о Мандельштаме, «игнорирует» его прозу...

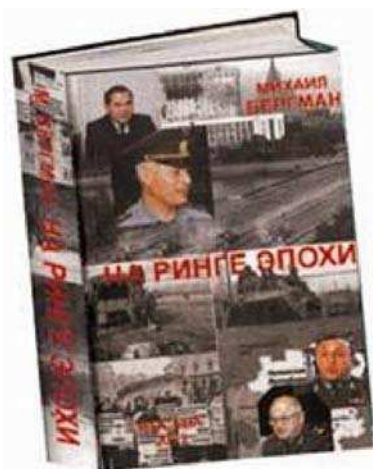
Для М. Гейзера личность самого писателя всегда не менее интересна, чем его творчество. Что ж, поющего идишские песни Разгона, травящего еврейские байки Г. Горина, на пороге смерти цитирующего Талмуд Маршака привелось увидеть не всякому. Потому воспоминания о беседах с этими людьми и их родными живо дополняют сухие биографические факты, а человек, которого посвящали в свои сокровенные размышления столько исключительно незаурядных людей, невольно вызывает к себе доверие.

Пытливые литературоведческие изыскания дополняются личными наблюдениями автора, столь непосредственными! Необычайно верным и тонким кажется его восприятие поэзии Сапгира. «Само его творчество, – пишет М. Гейзер, – мне видится сквозь призму живописи. Но живописи той, которую принято считать абстрактной, авангардисткой». Знакомство с традиционной еврейской литературой приводит его к неожиданным и потому весьма любопытным сопоставлениям: так, «Дом, который

НА РИНГЕ ЭПОХИ

יְעֹבֵבֵי אֲדָמָה אִי.

М., 2001. 509 с.

Трудно сказать, к какому жанру относится эта книга. Это и мемуары, и отчасти популярное историческое исследование, и в значительной мере – просто подробный дневник.

С большим интересом, даже с удовольствием читаются первые две главы, в которых М. Бергман рассказывает историю еврейской общины своего родного небольшого приднестровского города Тирасполя с конца XVIII до конца 60-х годов XX столетия. Такого подробного рассказа об истории еврейской общины я еще никогда не встречал! Рассказ живой, динамичный, с юмором (правда, такой интонации автор придерживается только вначале). Кто бы мог подумать, что в 1916 году в маленьком местечке, было 11 синагог и большое количество различных еврейских учебных заведений! М. Бергман с любовью рассказывает о своей родословной, родителях, дедушках, бабушках, о детстве и юности, и, кажется, жизнь еврейских семей, типичных, наверное, не только для Тирасполя, проходит буквально перед глазами...

Читатель по логике вещей ожидает, что еврейская тема получит развитие в следующих главах — впереди еще 480 страниц, но нет. Правда, рассказывая об учебе на отделении физкультуры в Ленинградском военном институте имени Ленина, куда Бергман поступил, будучи уже мастером спорта по классической борьбе, чемпионом Молдавии, и о начале офицерской службы, он приводит несколько примеров антисемитизма. Но подобные факты довольно стандартны и за душу так, как начальные главы книги, не берут. Хотя, бесспорно, будучи значимыми для автора, эти случаи и читателю предоставляют возможность лучше понять и оценить, что за личность стоит за строками книги.

Так, на выпускном экзамене по немецкому языку в институте, когда Бергман допустил какую-то ошибку, преподаватель не преминула съязвить: «Не путайте немецкий с вашим родным языком». Бергман вспылал, наговорил «немке» грубостей. А идиша он, как большинство из его поколения (родился в 1948 году), практически не знал.

Подробно описывает автор и такой эпизод. Когда в Ленинград приехал Ричард Никсон в свою бытность президентом США, всех курсантов отделения, где учился М. Бергман, задействовали в оцеплении улиц, по которым должен был проезжать высокий гость. Всех, кроме одного. И начальник отделения без чувства стыда или неловкости откровенно назвал удивленному курсанту причину: ведь он — еврей. И тут же предупредил: если он не извинится перед преподавательницей немецкого языка за грубость, не видать ему заслуженной золотой медали...

Мотя Бергман не извинился.

Но диплом с отличием тем не менее у него был, и благодаря ему выпускник имел право выбирать место службы. Естественно, он выбрал родной Одесский военный округ. Здесь отличника-выпускника с ходу назначили командиром взвода в Бендеровскую ракетную бригаду... Но уже через несколько дней, ознакомившись с его автобиографией, дали задний ход: начальник отдела кадров бригады сначала намеками, а потом и напрямик сказал, что еврей «по указанию свыше» в ракетных войсках служить не может (подтверждение тому – мой собственный опыт).

Бергман возвращается в управление кадров округа. Свободный выбор оказался иллюзией. Что же теперь? Ему подбирают должность начальника отдела окружного спортивного клуба.

Спустя три года, в 1973-м, он просит перевода в Тирасполь и здесь, на «нейтральной» должности помощника военного коменданта гарнизона, остается служить не много не мало 13 лет.

Следующие 13 лет он уже военный комендант гарнизона. Но эта должность, видимо, была ему предназначена самой судьбой – иначе как могло бы такое случиться, что командующий округом генерал-полковник Елагин, долго не утверждавший Бергмана в этой должности, был отозван, а новым командующим округом назначен генерал-полковник Морозов – тот самый Морозов, бывший командиром роты, в которой в течение года старшина Бергман проходил действительную военную службу, посоветовал смышленому, крепкому пареньку поступить в Военный институт. Морозов и утвердил Бергмана в должности коменданта, и с его «легкой руки» тот прослужил в военной комендатуре Тираспольского гарнизона более четверти века – 26 лет!

Далее на четырехстах страницах книги наряду с детальнейшим описанием служебной деятельности М. Бергмана разворачиваются политические события государственного масштаба, происходившие в то время в отделившейся от Молдовы самопровозглашенной русскоязычной Приднестровской республике на левом берегу Днестра. Ее площадь была очень невелика, а столицей был Тирасполь. К сожалению, в столь значительной части книги о жизни евреев не сказано ни единого слова, а они составляли четверть населения Тирасполя! Основой повествования здесь стали многочисленные сюжеты о работе военной комендатуры, где одно событие похоже на другое, о 14-й Армии, стоявшей по обоим берегам Днестра. Перед нами калейдоскоп имен и фактов. Военная комендатура Тирасполя борется с дезертирами, криминальными элементами, добивается должного порядка среди высшего и рядового военного состава... При этом автор, занимавший довольно скромную военную должность, нещадно критикует всех командующих 14-й Армией, всех, кроме генерала Лебеда. Повествование грешит длиннотами, повторами, и автор, видимо, точен не всегда.

Особняком стоит глава о Чернобыльской катастрофе 1986 года. Здесь опять рассказ становится захватывающим. С группой офицеров гарнизона Бергман, как и сотни военных из других округов, в считанные часы самолетом переброшен в Чернобыль. Его назначают комендантом города и окружавшей его 30-километровой зоны. Автор ярко рассказывает о работе десятков тысяч людей, так называемых ликвидаторов, боровшихся с последствиями ядерной катастрофы. Хотя до этой книги представлялось, что все, связанное с Чернобылем, в свое время достаточно подробно освещалось в прессе и даже нашло отражение в документальной и художественной литературе, о многом узнаешь впервые. Бергман резко осуждает растерянность, медлительность, неповоротливость властей, в том числе и высших. Его рассказ о радиоактивном заражении огромных

территорий Украины, Белоруссии и России, заселенных многими миллионами людей, о постоянной угрозе повторения подобной катастрофы производит сильное впечатление.

2 тысячи погибших и 6,5 тысяч ставших инвалидами, многие из которых продолжают умирать, – вот цена, которую заплатили ликвидаторы за участие в борьбе с радиоактивными осадками, образовавшимися в результате взрыва только одного реактора атомной электростанции. Но этот взрыв превосходил по мощности в 500 раз те, что испытали японские города Хиросима и Нагасаки в результате атомных бомбардировок, предпринятых американцами.

К несчастью, Бергман, как и сотни других ликвидаторов, сам получил довольно большую дозу облучения и потом в Москве в течение нескольких месяцев проходил интенсивную терапию, бесконечные переливания крови... Ему повезло: он не только выжил, но и практически здоровым вернулся на службу в Тирасполь. Ему присвоили звание полковника.

Как пишет Бергман, в тот период в 14-й Армии резко ухудшилась дисциплина, участились случаи продажи оружия солдатами и офицерами гражданским лицам. Тогда же усилилась деятельность криминальных элементов, появилось много банд, грабивших население, в первую очередь евреев, собирающихся выехать в Израиль.

В Тирасполе уже два года находился штаб 14-й Армии, переехавший сюда из Кишинева. Прибыл новый командующий, генерал Неткачев. И опять на десятках страниц автор резко критикует, как он называет, этого «щупленького человека, в силу случайных обстоятельств попавшего в генеральский мундир». И надо сказать, такое определение далеко не самая худшая из характеристик, коими автор наделил в том числе правительства республики и страны. Конечно, в ряде случаев критика вполне справедлива, но рассказ затянут... И далее снова – на целой сотне страниц о подготовке Молдовы и Приднестровья к гражданской войне.

Совершенно очевидно, что автор очень лично переживает происходящие вокруг него события, он не равнодушен, ему свойственно чувство причастности ко всему, что так или иначе попадает в поле его зрения. Симпатии Бергмана, естественно, на стороне Приднестровской республики, а «агрессору» – Молдове адресовано много упреков. Бесспорно, повествование во многом бы выиграло, будь оно лаконичней, без повторов и лишних деталей.

Наконец летом 1992 года на должность командующего 14-й Армией назначен генерал Лебедь, который, как указано автором на первой же странице книги, сыграл в его жизни решающую роль. Чем эта роль была особенна, не рассказывается. Зато мы видим, что Лебедь значительно укрепил дисциплину, вернул в армию части, почему-то попавшие в подчинение Украины, организовал в частях плановую боевую подготовку, сколотил офицерский корпус армии. Он же способствовал перемирию между воевавшими Молдовой и Приднестровской республикой. К сожалению, каким образом он всего этого добился, осталось, что называется, за кадром. Жаль. Вот где пригодились бы многие десятки страниц, потраченных на иное! Столь успешный опыт работы – вот что надо бы подетально разобрать, чтобы сделать его достоянием всех, кому не безразлично состояние армии!

Тем временем авторитет Лебедея, как пишет Бергман, «рос прямо на глазах», что, конечно, нравилось далеко не всем не только в республике, но и в Москве. Лебедя автор едва ли не боготворит. Под его большой фотографией в книге подписано:

«Человек, который в скором времени удивит мир», – однако в книге речь лишь коротко идет об избрании генерала губернатором Красноярского края.

А далее, как уже это бывало, Бергман опять – почти двести страниц (!) – посвящает критике (позитивный опыт определенно не вызывает у него столь пристального интереса) очередного командующего 14-й Армией генерал-лейтенанта Евневича, министра обороны генерала армии Грачева, приехавшего из Москвы, и других генералов, по словам полковника Бергмана, «чинуш, напяливших на себя генеральские мундиры». Из всех Евневичу особенно «везет» – нет таких недостатков, которых не разглядел бы у него автор: он и безвольный, и бездеятельный, и убрал многих офицеров, которые отлично служили при Лебеде, и заменил их своими бывшими сослуживцами, в конце концов развалив 14-ю Армию. Но «свой штат» – обычная практика всех командующих, да и вообще руководителей крупного масштаба где бы то ни было. Конечно, трудно избежать чувства обиды, когда оказываешься свидетелем и одновременно действующим лицом событий, разрушающих привычное, пришедшее по нраву, по душе, но что кривить душой – такое часто идет на пользу дела. Так что критика здесь не всегда справедлива и по большей части субъективна.

Фразы вроде «я и командующий», «мы с командующим», «я поехал к командующему округом» и т.п. повторяются десятки раз. Встречается и такое: «Я не докладывал обстановку генералу Лебедю, а мы просто беседовали целых два часа» (начиная с полуночи). Как говорится, возможно, но верится с трудом. Полковник Бергман – военный комендант гарнизона, он не входит в руководство 14-й Армии, хотя чувство причастности горячо влечет его именно «в верха»...

Более ста страниц посвящает автор своей борьбе с генералом Евневичем и министром обороны СССР, приказом которого он был уволен за служебные недостатки, причем немаловажную роль сыграло обвинение в поездке в Израиль. Михаил Михайлович подал на министра обороны в суд. Очень длинно излагаются все перипетии судебной волокиты – Бергман приводит полное содержание почти десятка судебных документов, что вряд ли интересно читателю. Но суд он выиграл! И то, что все обвинения против него ложны, было доказано. Постановлением суда Бергман должен был быть восстановлен в должности.

Министр обороны отменил свой приказ об увольнении. Но какой командующий армией такое потерпит? И, читая книгу, мы уже заранее знаем, как Евневич принял Бергмана – конечно, «в штыхы», не допускал к работе, Бергман опять подвергся клевете, в обмен на восстановление в должности ему предлагали дать компромат на генерала Лебеде... Кто станет спорить, все это несправедливо, но такова армейская жизнь, и Бергман за тридцать лет службы, наверное, успел об этом узнать: произошедшее с ним случилось и с другими, к сожалению, еще будет и будет случаться. Чтобы прекратить нервотрепку, полковник в январе 1999 года сам подает рапорт с просьбой об отставке, и в феврале его просьба уже удовлетворена. Вся история уложилась на одной странице!..

Что еще сказать? Книга прекрасно издана. В наше время почти не встретишь работы, выпущенной, как эта – на мелованной бумаге, с полноцветным переплетом. На обложке портрет автора – покрупнее, помельче – фотографии Лебеде, Грачева и Сергеева. И какие качественные, обильные иллюстрации! На многочисленных цветных снимках М. Бергман запечатлен в возрасте от 5 до 53 лет, кроме того, его семья и даже собака. Всего несколько фотографий посвящены служебной деятельности.

Тираж книги 200 экземпляров. Совершенно очевидно, что на сумму, потраченную на такое богатое издание, можно было бы выпустить – и тоже на хорошей бумаге – даже 1000 экземпляров. Но, видимо, автор ставил перед собой другие задачи...

Óáñð Ñáñðáçíá

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ МАЯ

1 МАЯ

35 лет со дня рождения спортсменки, дзюдоистки, первого израильского обладателя олимпийской медали (серебро 1967 года), чемпионки Европы и серебряного призера чемпионата мира 1993 года **Яэль Арад** (р. 1967, Тель-Авив).

430 лет со дня смерти (Лаг ба-Омер 5332 года) кодификатора еврейского религиозного закона (Алохи), основателя и главы краковской ешивы, автора алохических трудов «Дархей Мойше», «Мапа», комментариев к талмудическим трактатам, сочинений по кабале и др. **рабби Мойше Иссерлеса** (Рамо, 1525 – 1572, Краков).

20 лет со дня смерти хирурга, главного хирурга Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов в годы Великой Отечественной войны, главного хирурга Центрального медицинского управления Министерства обороны СССР, профессора, генерал-майора **Михаила Израилевича Шрайбера** (1910, Солтово Подольской губ. – 1982, Москва).

2 МАЯ

80 лет со дня рождения журналиста, редактора газеты «Нью-Йорк таймс», обладателя Пулитцеровской премии 1960 года **Авраама Розенталя** (р. 1922, Онтарио).

4 МАЯ

95 лет со дня рождения балетного критика и театрального деятеля, одного из основателей Школы американского балета, труппы «Американ балле» и «Балле сосайети», генерального директора труппы «Нью-Йорк сити балле», соредатора ряда балетных изданий **Линкольна Кёрстайна** (1907, Рочестер, США – 1996, Нью-Йорк).

5 МАЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза майора **Хаскеля (Владимира) Моисеевича Гопника** (р. 1917, Житомир).

100 лет со дня рождения режиссера, поставившего фильмы «Женщина, которую я люблю», «Майерлинг», «Сестры», «Блюз в ночи», «Признания нацистского шпиона», «Змеиная яма», «Ночь генералов», «Глубокое синее море», «Анастасия», «Дама в автомобиле, в очках и с ружьем» и др., **Анатоля Литвака** (1902, Киев – 1974, Нёйи, Франция).

6 МАЯ

100 лет со дня рождения актера и режиссера, поставившего фильмы «Флирт», «Вертер», «От Мейерлинга до Сараево», «Карусель», «Удовольствие», «Мадам де...», «Лола Монтеc» и др., **Макса Офюльса (наст. имя и фамилия Максимилиан Оппенгеймер; 1902, Саарбрюккен, Германия – 1957, Гамбург).**

7 МАЯ

60 лет со дня казни Героя Советского Союза, секретаря Минского подпольного горкома партии, одного из руководителей минского подполья **Исая Павловича (Иегуды Пинхусовича) Казинца** (1910, Геническ Херсонской губ. – 1942, повешен в городском сквере Минска).

8 МАЯ

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза капитан-лейтенанта **Абрама Григорьевича Свердлова** (1912 – 1991, Петербург).

9 МАЯ

120 лет со дня рождения кантора и сочинителя синагогальной музыки, исполнителя песен в первом звуковом кинофильме «Певец джаза» **Йосефа (Иоселе) Розенבלата** (1882, Белая Церковь – 1933, Иерусалим).

12 МАЯ

105 лет со дня рождения терапевта, академика АМН СССР, главного терапевта Красной Армии, одного из главных фигурантов «Дела врачей», автора трудов по вопросам патологии почек, сердечно-сосудистой системы, военно-полевой терапии генерал-майора **Мирона (Меера) Семеновича Вовси** (1897, Краславль Двинского уезда Витебской губ. – 1960, Москва).

110 лет со дня рождения актера и режиссера немецких театров **Фрица Кортнера** (1892, Вена – 1970, Мюнхен).

14 МАЯ

170 лет со дня рождения математика, члена-корреспондента Парижской АН, профессора Боннского университета, автора трудов по теории чисел, дифференциальным уравнениям и многомерной геометрии **Рудольфа Отто Сигизмунда Липшица** (1832, Кенигсберг – 1903, Бонн).

15 МАЯ

65 лет со дня рождения государственного деятеля, первой женщины на посту государственного секретаря США **Мадлен Олбрайт** (р. 1937, Прага).

18 МАЯ

90 лет со дня рождения сценариста и режиссера, поставившего фильмы по собственным сценариям «Школьные джунгли», «Последний раз, когда я видел Париж», «Профессионалы», «Кошка на раскаленной крыше»,

«Элмер Гантри» («Оскар» за лучший сценарий 1960 года), «Хладнокровно», «Доллары», «Найти хорошего парня», «Сладкоголосая птица юности», «В поисках мистера Гудбара», «Неправый прав», **Ричарда Брукса** (1912, Филадельфия – 1992, Лос-Анджелес).

22 МАЯ

90 лет со дня рождения химика, члена АН США и Американской академии наук и искусств, автора трудов по химии бора, открывшего реакцию гидроборирования, разработавшего количественные методы изучения стерического напряжения молекул, лауреата Нобелевской премии по химии (совм. с Г. Виттигом) 1979 года **Герберта Чарлза Брауна** (р. 1912, Лондон).

24 МАЯ

70 лет со дня рождения драматурга, автора трилогии «Куриный суп с перловкой», «Корни», и «Я говорю об Иерусалиме», пьесы «Кухня», комедии «Старики», исторической драмы «Милосердие» и др. **Арнолда Уэскера** (р. 1932, Лондон).

25 МАЯ

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза младшего лейтенанта **Григория Аркадьевича Виноградова** (1912 – 1963, Кролевец Сумской обл.).

60 лет со дня рождения актера, режиссера, народного артиста России, председателя Союза театральных деятелей РФ, сыгравшего в фильмах «Здравствуйте, я ваша тетя!», «Живой труп», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Мертвые души», «Прохиндиада» и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Александра Александровича Калягина** (р. 1942, Малмыж Кировской обл.).

29 МАЯ

105 лет со дня рождения композитора, дирижера, профессора Венской академии музыки и сценического искусства, автора опер «Мертвый город», «Виоланта» и др., музыки к фильмам «Энтони Эдверс», «Робин Гуд» (премии «Оскар» за лучшую музыку к фильмам 1936 и 1938 гг. соответственно) и др. **Эриха Вольфганга Корнгольда** (1897, Брно, Австро-Венгрия – 1957, Лос-Анджелес).

30 МАЯ

90 лет со дня рождения фармаколога, члена Лондонского королевского общества, Американской академии наук и искусств, прошедшего исследования механизма действия веществ, блокирующих проведение нервного импульса в синапсах, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Б. Кацем и У. Эйлером) 1970 года **Джулиуса Аксельрода** (р. 1912, Нью-Йорк).

ИЗ НАШЕЙ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Начну свое письмо с цитат из нашей русскоязычной прессы. В репортаже Марины Лобовской с выставки еврейской прессы (а выставка такая, оказывается, была!), опубликованном в журнале «Домашние новости» (№ 3-4, 2001 год), который издает Московский еврейский общинный дом, сказано буквально следующее: «В 60-е годы под эгидой Союза писателей выходил на идише журнал “Советская Родина”, но читать его могли лишь немногие, так как язык был неизвестен людям, родившимся после революции». Почти слово в слово в репортаже с той же выставки, помещенном в газете «МЕГ» (№ 45-46, 2001 год), повторяет эту фразу Лариса Белая: «...Выходил еще в 60-х годах на идише журнал “Советская Родина”, но его язык был неведом людям, родившимся после революции»...

Что ни слово, то искажение истины. Во-первых, журнал на идише назывался «Советиш Геймланд», во-вторых, неверно утверждение, что идиш «был неведом советским людям, родившимся после революции». А кого же тогда обучали выпускники еврейских факультетов педагогических вузов и учительских институтов? Кто еще в конце 30-х годов учился в сотнях еврейских школ и техникумов? Кто пользовался идишем в еврейских национальных районах на Украине и в Белоруссии – а там он, между прочим, был признан официальным?..

По данным переписей населения было так (посчитаем вспять, или справа налево): в 1989 году – 11% еврейского населения считали идиш своим родным языком, в 1979-м таких людей было примерно 250 тысяч, а в 1959-м – 600 тысяч человек... Так что читателей у журнала «Советиш Геймланд» было вполне достаточно. Кроме того, он распространялся в 70 странах мира – то есть везде, где была идишистская еврейская аудитория.

По длительности своего издания «Советиш Геймланд» превзошел любые литературные журналы, издававшиеся до него. Ежегодно выходили на русском языке сборники «Год за годом», в которых печатались лучшие произведения, опубликованные в журнале за текущий год. Было и приложение к журналу для молодежи «Юнгвальд» («Поросль»). Бессменный редактор «Советиш Геймланд» Арон Вергелис, сам даровитый поэт, делал все возможное, чтобы сохранить и объединить вокруг своего издания всех оставшихся талантливых поэтов и прозаиков, активно занимался выращиванием и поиском молодых дарований (В. Чернин, Л. Беринский, М. Лемстер, Б. Сандлер и др.). Истинно еврейские интеллигенты (Г. Полянкер, И. Шрайбман, И. Друккер и др.), создававшие произведения на своем мамэ-лошн (материнском языке идиш), составляли в 1961 году, когда журнал начал только выходить, свыше 200 человек. Жаль, что до сих пор не нашелся историк еврейской российской культуры, который проследил бы развитие литературы на идише в Советском Союзе в 1920-1980 годах. Необычайно бурным расцветом этой литературы отмечены 30-е годы...

И все это осталось «черной дырой» для по сути представляющих еврейскую культуру г-жи Белой и ее коллеги Лобовской.

Можно добавить, что с 1930 года и до сего дня непрерывно издается газета «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда») с еженедельной литературной страницей на идише, где печатались лучшие еврейские журналисты, поэты и писатели (Г. Казакевич, Б. Миллер, Л. Школьник и др.). Была и всесоюзная ежедневная газета на идише, но она называлась не «Эмес», а «Дер Эмес».

Что в связи со всем этим мне хочется сказать? На мой взгляд, сам собой напрашивается вывод: в создаваемых сейчас повсеместно общинных центрах надо создавать не только кружки по изучению иврита и традиций, но и изучать еврейскую культуру на идише – в труднейших условиях ее создавали три поколения евреев, начиная с Ошера Шварцмана, Давида Гофштейна, Лейба Квитко и других. Среди них, безусловно, Арон Вергелис, Хаим Бейдер, Исак Борисов, Самуил Галкин и множество других. Это литература. Ну а театр? Можно и нужно изучать историю ГОСЕТа и творчество Михоэlsa, «Габиму» и многое-многое еще.

Очень многому предстоит учить и обучаться. Но вот приметы времени: сегодня явились миру не только «новые русские»; реально существует и такое явление, как «новые евреи». Им было и будет комфортно в русской культуре еще и потому, что они не подозревают о существовании великой еврейской культуры и убеждены в том, что вносят большую лепту в национальное самосознание, меняя слово «еврей» на «айд».

Закончить письмо хочется словами главного редактора «Лехаима» Боруха Горина, опубликованными в [№ 1](#) журнала за этот год: «Я сам для себя с удовольствием открываю, что писатели-евреи, оказывается, писали и на еврейские темы...» Побольше бы таких открытий!

А. Аадоаеэ, I ади и

Уважаемая редакция журнала «Лехаим»!

Давно хочу написать вам по вопросу, который мне не безразличен. Может, он не актуален, но тем не менее...

В Днепропетровске при благотворительном фонде «Хесед-Менахем» работает клуб «Фрейлахс», породивший и разные другие, в том числе «Идиш-клуб», которому в январе 2002 года исполнилось 5 лет. «Идиш-клуб» не очень многочисленный – 20 – 25 человек, руководит им Т.М. Зогар. Наша учительница принимала участие в работе II Международной конференции по еврейской культуре и просвещению, проходившей в Киеве в 1997 году, и семинара, посвященного той же теме, в Одессе годом позже. Главная мысль, по ее словам, и конференции, и семинара, безусловно, сводилась к одному: нельзя забывать мамэ-лошн, язык, на котором писали Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер-Сфорим, Перец Маркиш, Гершеле Полянкер, Лейб Квитко и другие.

Катастрофа унесла 6 миллионов еврейских жизней – в историческое небытие погрузился уникальный культурный еврейский мир. Идиш – вовсе не жаргон немецкого языка, как утверждают некоторые, он – язык целой культуры со своим неповторимым звучанием.

В нашем клубе не изучают идиш, но мы пытаемся сообща восстановить в первую очередь разговорный язык. Конечно, люди пытаются читать и переводить тексты. Однако я вам пишу не затем, чтобы просто рассказать про клуб. Меня волнует

большее: уйдет наше старое поколение – и что же? Никто не будет говорить и читать на идише, и мамэ-лошн канет в прошлое, как и мы?

Считаю, что это неправильно, несправедливо. Нужно в школах, наряду с еврейской традицией, историей еврейского народа, иврита, изучать и идиш – пусть без особой грамматики, но письмо и чтение и, конечно, разговорная речь.

Мысль конференции и семинара мне кажется очень важной: мамэ-лошн нельзя забывать!

Я прочитала это письмо на юбилейном заседании «Идиш-клуба», и все его горячо поддержали. Хотелось бы узнать мнение по этому вопросу и других, кому это не безразлично, а может, и тех, от кого это зависит.

Ń óààæáí èàì ,

À. Èáëü: óé (Áðóé),

Áí áí ðí í àò ðí áíé